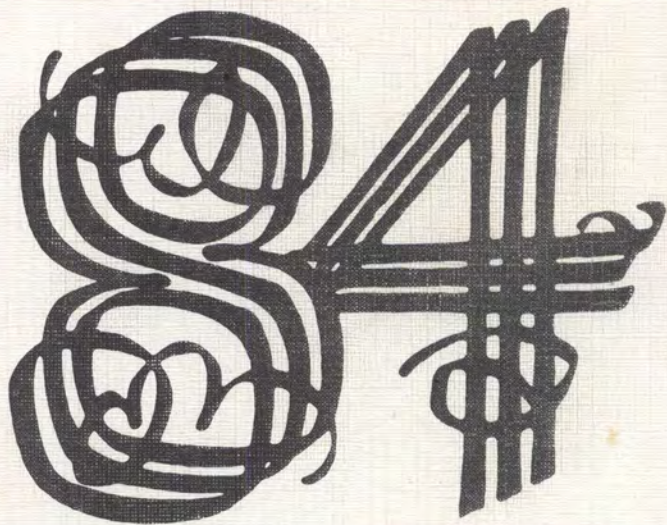

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

ДЕНЬ
ПОЭЗИИ
ПО
Ц

ЛЕНИНГРАД

1984

1984

ДЕНЬ ПОЭЗИИ

1984

Илья Авраменко
Леонид Агеев
Всеволод Азаров
Анатолий Аквилов
Владимир Алексеев
Геннадий Алексеев
Нина Альтовская
Павел Арский
Анна Ахматова
Людмила Барбас
Ольга Берггольц
Майя Борисова
Семен Ботвинник
Николай Браун
Павел Булушев
Раиса Вдовина
Мария Вега
Ася Векслер
Александр Вермишев
Лев Гаврилов
Татьяна Галушко
Галина Гампер
Александр Гитович
Михаил Головенщик
Герман Гоппе
Глеб Горбовский
Наталья Грудинина
Сергей Давыдов
Иван Демьянов
Элида Дубровина
Михаил Дудин
Николай Евстифеев
Сергей Есенин
Владимир Заводчиков
Леонид Замятнин
Владимир Иванов
Юрий Инге
Игорь Инов
Полина Каганова
Наталья Карпова
Сергей Каширин
Бронислав Кежун
Анатолий Клеценко
Николай Клюев
Василий Князев
Петр Кобраков
Мария Комиссарова
Борис Корнилов

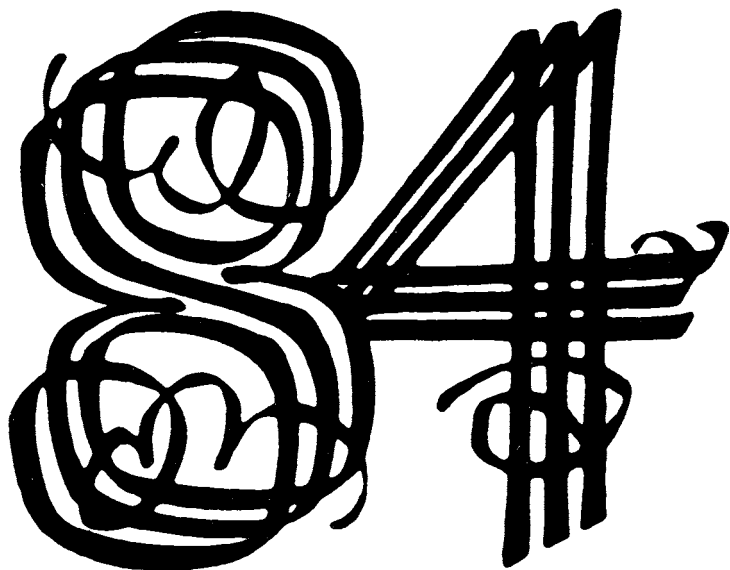
Нина Королева
Борис Костров
Алексей Крайский
Наталья Крандиев-
ская-Толстая
Анатолий Краснов
Михаил Кузмин
Вячеслав Кузнецов
Лев Куклин
Николай Кутов
Александр Кушнер
Алексей Лебедев
Бenedикт Лившиц
Владислав Лифшиц
Борис Лихарев
Иван Логинов
Андрей Лядов
Сергей Макаров
Виктор Максимов
Николай Малышев
Ирина Малярова
Анатолий Мариенгоф
Игорь Михайлов
Светлана Молева
Геннадий Морозов
Лев Мочалов
Роальд Назаров
Евгений Нежинцев
Борис Некрасов
Георгий Некрасов
Игорь Нерцев
Тамара Никитина
Николай Новоселов
Петр Ойфа
Николай Олейников
Сергей Орлов
Нина Островская
Глеб Пагирев
Елизавета Полонская
Надежда Полякова
Валентин Попов
Людмила Попова
Александр Прокофьев
Валерий Прохвятилов
Леонид Равич
Владимир Рецетер
Александр Решетов

Всеволод Рождественский
Николай Рубцов
Николай Рыбацкий
Елена Рывина
Александр Рытов
Илья Садофьев
Михаил Сазонов
Виссарион Саянов
Глеб Семенов
Ирэна Сергеева
Елена Серебровская
Юрий Скородумов
Нонна Слепакова
Анатолий Сорокин
Виктор Соснора
Сергей Спасский
Йоле Станишич
Георгий Суворов
Вольт Сулов
Елена Тагер
Олег Тарутин
Николай Тихонов
Дмитрий Толстоба
Владимир Торопыгин
Георгий Трифонов
Геннадий Угренников
Иван Федоров
Соломон Фогельсон
Илья Фояков
Риза Халид
Вадим Халупович
Леонид Хаустов
Вадим Хрилев
Олег Цакунов
Анатолий Чепуров
Анатолий Чивилихин
Антонин Чистяков
Александр Чуркин
Александр Шевелев
Юван Шесталов
Олег Шестинский
Вадим Шефнер
Владислав Шошин
Павел Шубин
Людмила Щипахина
Нора Яворская

**ДЕНЬ
ПОЭЗИИ**

ИЗБРАННОЕ

СОВЕТСКИЙ
ПИСАТЕЛЬ
ЛЕНИНГРАДСКОЕ
ОТДЕЛЕНИЕ
1984

БК84Р7
М54

Составители:

*СЕМЕН БОТВИННИК,
ОЛЕГ ЦАКУНОВ*

Художник

ВИКТОР КОЛОМЕЙЦЕВ

Д $\frac{4702010200-142}{083(02)-84}$ 180-84

© Издательство «Советский писатель», 1984 г.

ДОРОГИЕ ЧИТАТЕЛИ!

Время наше движется стремительно. Перед вами уже двадцать пятый ленинградский сборник «День поэзии». А давно ли, кажется, вышел в свет первый — к первому нашему поэтическому празднику, когда слово поэтов широко звучало в многолюдных аудиториях — во дворцах культуры, в заводских цехах, в библиотеках, школах, книжных магазинах? Этот добрый ежегодный обычай стал теперь в нашем городе устойчивой традицией.

Наши поэты воплощают в своем творчестве верный, неуклонный путь, намеченный Великим Октябрем. Поэзия сближает людей разных возрастов, поколений, профессий, она является неотъемлемой частью советской культуры.

Этот сборник — не просто двадцать пятый, юбилейный.

Он выходит к 50-летию Союза писателей СССР и включает в себя избранное, лучшее и самое, на наш взгляд, интересное, что было опубликовано ленинградскими поэтами, членами Союза писателей, во всех предыдущих «Днях поэзии». А печатались в них и Николай Тихонов, и Александр Прокофьев, и Анна Ахматова, и Ольга Берггольц, и Михаил Дудин, и Всеволод Рождественский, и многие другие по-своему замечательные поэты разных поколений — от зачинателей советской поэзии до авторов недавно вышедших первых сборников.

«Давно стихами говорит Нева» — в этом наиболее объемном разделе книги вы прочтете стихи о нашем прекрасном городе — трудовом, военном, революционном, о путях-дорогах, о любви, о русской природе... В «Днях поэзии» публиковались, чаще — впервые, и стихотворения давно ушедших от нас поэтов (рубрика «Страницы памяти»), и стихи поэтов-фронтовиков, многие из которых пали за Родину и память о которых должна остаться с нами, ибо они завоевали право на это своим жизненным и творческим подвигом. Повторяем мы и ряд публикаций стихотворений первых петроградских пролетарских поэтов, таких, как В. Князев, П. Арский, А. Вермишев,— под рубрикой «Вознесшие факел».

Со дня выхода первого «Дня поэзии» наш народ отметил многие выдающиеся события: 100-летие со дня рождения В. И. Ленина, 60-летие образования Союза ССР, славные годовщины Победы, великолепные достижения

советских космонавтов, строителей БАМа, рабочих и тружеников сельского хозяйства,— обо всем этом писали и наши поэты — в меру своих сил, опыта, душевной взволнованности.

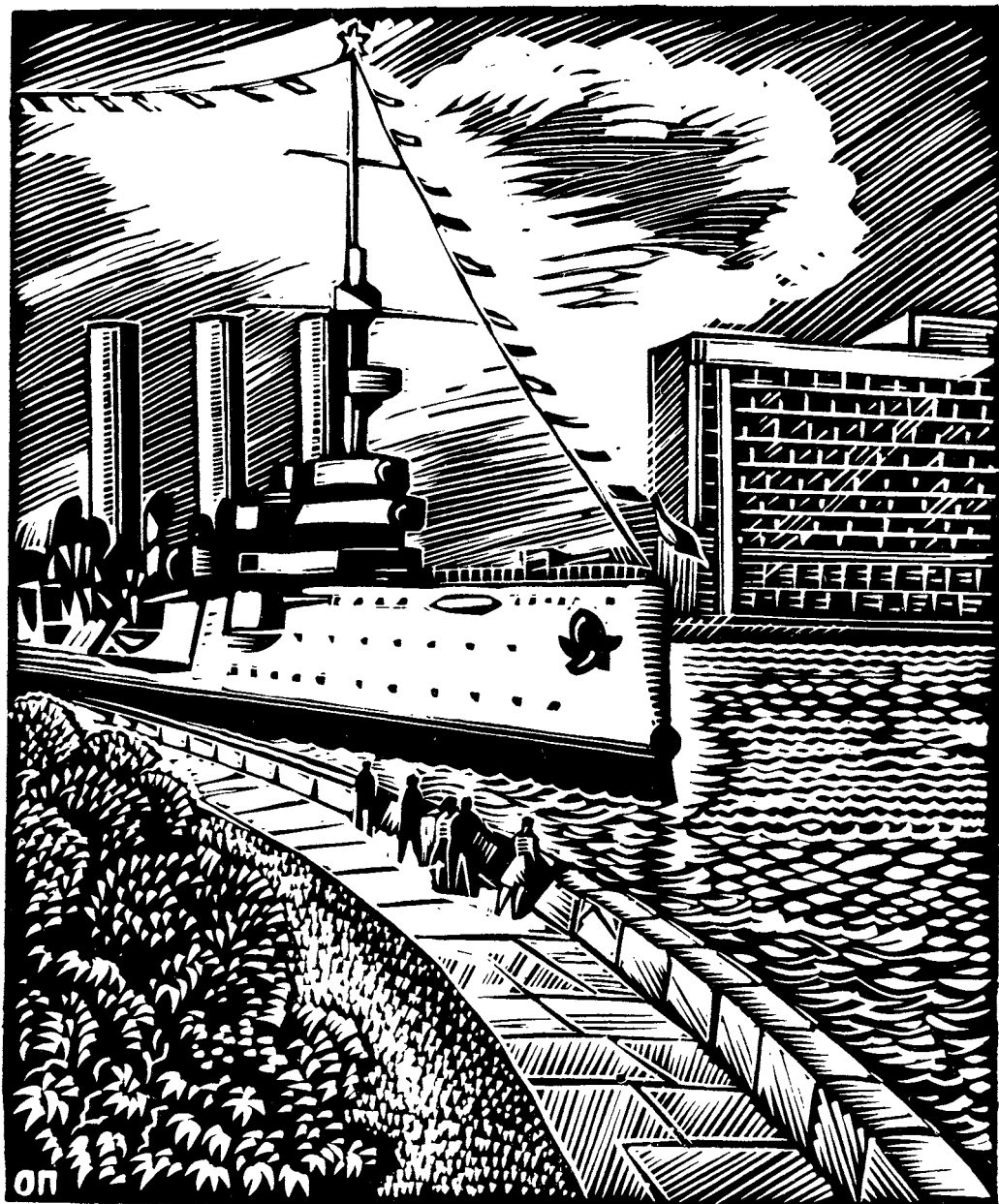
Поэты представлены в этом сборнике различным числом стихотворений, по которым не всегда, конечно, можно судить о поисках, о жанровых и тематических особенностях каждого. Составители не стремились как-то количественно уравнивать поэтов, но желали дать читателю представление о нынешнем облике ленинградской поэзии, о ее тематическом и творческом разнообразии, о ее единстве, обусловленном самим воздухом нашей Родины, созидательным духом нашей эпохи.

Первый секретарь правления
Ленинградской писательской организации
Анатолий Чепуров

**ДАВНО
СТИХАМИ
ГОВОРIT
НЕВА**

Олег Почтенный.
«Аврора»

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО

1907—1973

ПРИЗНАНИЕ

В исповеданье перед временем —
не мне себя надеждой льстить:
я мог бы плечи бóльшим бременем
и в лучший час отяготить.
Не для того, чтоб отпечатался
мой след на памяти земной
(я не за этой мыслью прятался,
когда мечта владела мной), —
а чтоб восславить дней величие,
что я и пережил и знал.
Но — был, желаниям в отличие,
словесный скуден арсенал.
И в этой, трудной сердцу области
не уподобился стрелку, —
всесильный маг известной робости
остепенял мою строку:
«Не торопись! Живет лишь вечное,
а где оно в твоей груди?..»
Тогда казалась бесконечною
моя дорога впереди:
вся жизнь в запасе, все успеется,
все наверстается с лихвой...
Но вот уж дождь осенний сеется
над пожелтевшею листвою.
Мои лета! Мои сомнения!
Я верой грелся, как теплом,
и к цели плыл, но — тем не менее —
так неусердно греб веслом!
Себя в себе смирив заранее,
я равно сил не разверстал —
тех, что уходят на сгорание
и что спекаются в металл.
О юность! Птенчик неуверенный!
Мне покрывать твою вину:
три жизни в срок пройти отмеренный,
чтоб оправдать свою одну.

День поэзии 1969

СТИХИ НА ФАНЕРНЫХ ЩИТАХ

Как на той на последней войне
было силой своей родниково,
и свежо в наступленье, и ново
беспредельно служившее мне
безотказным оружием слово.

Проникая в закромок души,
это слово к отваге зывало —
и без страха ломать рубежи,
и лететь за огнем буревала.
Так — пролог был, и был эпилог,
и салютов несчетных зарницы,
так — от Пулкова путь мой пролегал
до студеной норвежской границы.
Я Берлина не брал и в рейхстаг
не входил, но в победные сроки
у солдатской дорожной толоки
на фанерных гремели щитах
и мои стихотворные строки.

День поэзии 1973

Забудешь ли огни атак,
Металлом бьющие горячим?
Тогда не прятались мы так,
Как ордена сегодня прячем.

Г. Сысолятин

Почему мы не носим свои ордена?
Эта слава нам Родиной нашей дана, —
не за сладость речей, не за блеск наших
глаз,
а за подвиг солдатский, свершенный
сполна,
выделяющий нас, отличающий нас.

А за то, что мы встали тогда под ружье
на защиту священных пределов ее
и в ненастную пору несчетных утрат
закалили и сердце во гневе свое,
и величье ее возродили стократ.

Может, стала душа твоя слишком легка?
Может, память зывает — сильна, как
тоска,
и тебе, что домой возвратился живым,
орденами звенеть — доля слишком мелка
перед братством безмолвным тех лет
боевым?

Может, скромность? Она украшает бойца.
Но и гордость ведь тоже не портит лица!
Отчего ж мы упрятали в стол ордена?
Или детям высокая доблесть отца
ни к чему и за давностью лет не нужна?

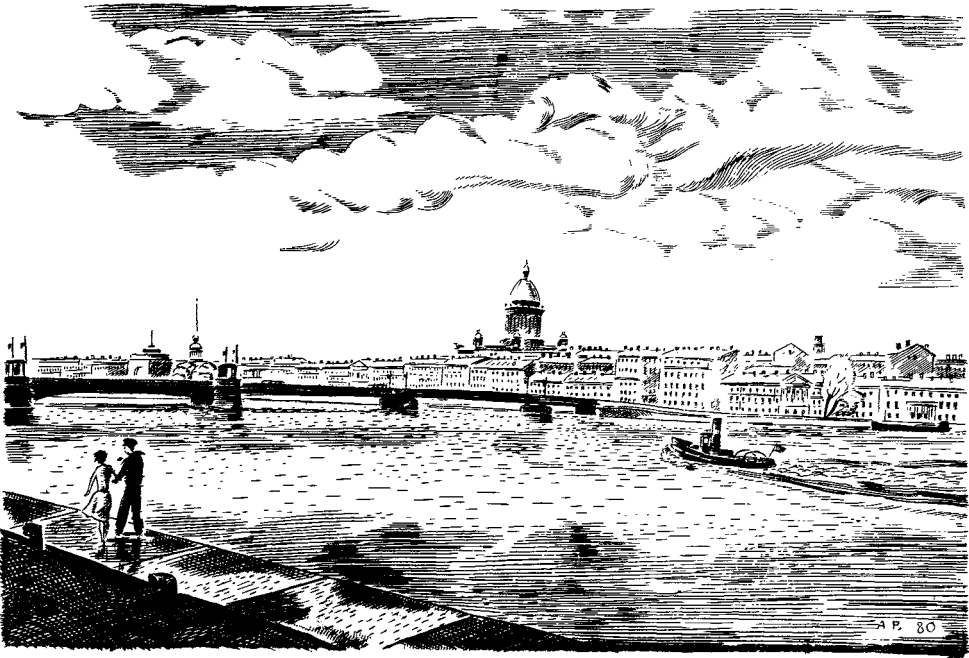
Нет, не вправе стереть они праведный труд —
к миру путь твой, что был беспощаден и крут,
и потерь твоих боль, и огонь твоих ран,
что еще не утихли и жгут
и ночами штурмуют тебя, ветеран.

Этих дум неотступных — суровых, нагих —
не свалить, как друзей не забыть дорогих.
Не пытайся уйти от себя самого,
стусеваться среди поколений других —
это легче всего, это проще всего.

На кого, если снова ударит гроза,
обернутся сынов молодые глаза?
Ты, единственный ты — и пример им, и свет,
ты — живое свидетельство прожитых лет:
исторических битв и великих побед.

День поэзии 1971

Владимир Алексеев.
«На Неве».

На послевоенных вокзалах
я черного хлеба искал,
старухам в морщинах усталых
я руки свои предлагал.
Меня б не назвали пиджон:
тряпье парусиновых брюк,
пиджак,
 не однажды прожженный,
смушали не только старух...
Военный волок чемоданы,
мамаша — узлы и детей,
и медные красные краны
поили,
 поили людей.
Все двигалось,
 перемешалось,
свои находило места,
вокруг пустота сокращалась —
природе чужда пустота.
Как людно!
 А мне одиноко.
Всем солнце!
 А мне ничего.
Ни с запада я,
 ни с востока
не ждал никого-никого.
А люди спешили,
 спешили —
размашисто и семеня.
И только собой дорожили,
и было им не до меня.
Распахнуты двери вагона.
«Позвольте помочь, дорогой!»

О, хлеб сорок пятого года,
ты черный,
 ты каменный мой!..

День поэзии 1963

Все реже встречаю безруких.
Встречаю все реже безногих...
И подвиги их, и муки,
их боль на военных дорогах —
уходят
 с ними
 от нас...
Прощайте, отцы и братья!
Незримое ваше пожатье
священно в последний час...
Все далее мы от пожара,
все далее мы от разрухи.
Девчонок — красивых, поджарых,
и в жены и просто в подруги
желанных —
 все больше вокруг.
Лишь в мирное время такое
бывает,
 а время иное
плодит скороспелых старух.
Все далее мы от порубки,
все далее мы от разора.
Зеленые — тянутся руки,
и вырубок прошлого
 скоро
старейший лесник не найдет.
Красивы, плечисты ребята,
и круглая стрижка солдата
все меньше их лицам идет.
Девчонок, притиснутых к маю,—
не вашими ли руками
ззорно они обнимают?
Не вашими ли ногами
по вашим ходят костям —
не собранным воедино,
растерянными до Берлина
по рекам, полям и лесам?!
Прощайте... Бессмертье вам!
На свете все меньше безруких.
Все меньше на свете безногих.
Разлуки, разлуки, разлуки.
Дороги, дороги, дороги...

День поэзии 1967

Посиди со мною, ведьмочка,
не спеши в свою трубу...
Вот угаснет в банке веточка —
тьма окутает избу.
Звезды на небе не вызрели,
не пьяна еще луна,
черти на небо не вылезли —
одурели ото сна.
...У друзей не жены — ангелы,
божьи птахи у друзей:
добродетельней, чем в Англии,
чем в Испании — верней.
Ну а мне ссудили ведьмочку,
в долгий выдали кредит...
Не дыша гляжу на веточку —
все осеннее горит...
На диване на продавленном
уж тебе ли не тепло?
Ты зачем в свое приданое
притащила помело?
Брови, углем подведенные,
кудри — пепельной золы,
а глаза — как ночь — бездонные
и уже немного злы...
Говорю:
— Ну ладно, ведьмочка,
улетай на свой шабаш...
Ты вернешься ли — не ведаю,
ты предашь ли, не предашь? —
...Вьюшка хлопнула отчаянно —
и черна, и горяча.
Ах, отчалила, отчалила
моя милая... Прощай!
Лишь качается качалочка,
остывает в чашке чай...

День поэзии 1967

Дым в трубу никогда не вернется,
свет — в окно,
в горло — крик,
в тучу —
дождь...
Первый наш разговор у колодца,
полных ведер студеной дрожь...
А упавшему яблоку
ветку
не сгибать,
а засохшим ветвям
не цвести...
Прошлогоднему ветру
не припасть к нашим голым ногам...
Как вернешь ты сгоревшему дому
стен уют,
счастье,
радость,
печаль?
А вернешь ли ты молнию грому?
А устам твоим — правды печать?
Хлеб разломлен: одной половине
не сомкнуться с другой — погляди...
Вот и мне —
будь счастливой! —
отныне
никогда в твою жизнь не войти...

День поэзии 1973

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ

СТАРЫЕ КАПИТАНЫ

Они сходятся здесь, повидавшие разные страны,
И ведут свой рассказ, словно ловят звезду на секстан.
Окажите мне честь, разрешите присесть, капитаны,
Я ведь тоже, как вы, своего корабля капитан.

К мысу Горн я не плыл и не шел на далекую Кубу,
Но я знаю другие течения, иные моря,
Горький ветер балтийский не раз охлаждал мои губы,
Там, где юность давно утопила на дне якоря.

Погибали друзья, но другим открывались глубины,
К самым дальним портам я опять выбираю маршрут,
Потому что команды своей никогда не покину
И туда уплываю, где новые вахты встают.

На Приморском бульваре сидят на скамье ветераны
И ревниво следят, как сынов провожает Земля.
Позовите меня, окажите мне честь, капитаны.
Я ведь тоже, как вы, капитан своего корабля!

День поэзии 1973

Олег Почтенный.
«Нева у стрелки Васильевского острова».

БЕЛАЯ АКАЦИЯ

Девочка южная,
Летнее платьице...
Белая, вьюжная
Прелесть акации.

Тень осторожная,
Звездные сполохи.
Моря тревожные,
Влажные шорохи.

Вновь издалека
Короткие выстрелы.
Кони процокали
Кавалерийские.

Кто это гонится?
Белая конница.
Город суровый,
Он в ноги не клонится.

Море накатится
Смутное, мглистое...
«Белой акации
Грозди душистые».

В кафешантане
Запечочка модная,
А на экране —
Вера Холодная.

В меркнушем зале,
Где лица как в ретуши,
В узком бокале
Пушистая веточка.

Хрипы агоний
За контрразведкою,
Дерево стонет
Израненной веткою.

Тайной тропой,
В темноте нескончаемой,
В праведный бой
Вступает окраина.

Словно мечи,
Ярость войска отцовского.
Чу, трубачи
Красной лавой
Котовского.

Старая песня
По-новому спета:
«Смело мы в бой пойдем
За власть Советов!»

Паника белых,
Эвакуация.
Конников смелых
Венчает акация.

Дерево
Юности нашей мятежной,
Вновь расцветает ты
Щедро и нежно.

Снова иду
Под акации тенью,
Раннюю вижу звезду
В отдаленье.

Юность моя,
Ты не знаешь покоя.
К веточке я
Прикасаюсь рукою!

День поэзии 1968

БЛОКАДНАЯ ПРЕМЬЕРА

(«Раскинулось море широко»)

Седьмое ноября
Сорок второго года,
Багровая заря
Не сходит с небосвода.

Но это не заря.
Как Ленинград изранен!
Листок календаря
Срывает горожанин.

Ему приснился сон,
Что будет день отличный,
Он нынче приглашен
На вечер необычный.

Стреляют корабли,
То Балтика родная
Передний край земли
Собою прикрывает.

И летчикам дано
Беречь мосты и зданья,
Звено, еще звено
Уходят на заданья.

Встал праздник у ворот,
Для нас безмерно дорог,
Здесь борется, живет
Непобедимый город.

Сквозь ветер огневой
По фронтовой тропинке
Боец с передовой
Идет к Александринке.

Свет в зале гаснуть стал,
Уже смычки запели.
Перепополняют зал
Бушлаты и шинели.

Танцоры и певцы
Блокадной оперетты,
Спасибо вам, бойцы,
За представленья это.

За музыку и стих,
Наивные порою,
И что себя самих
Здесь узнают герои.

Я в памяти своей
Тот представляю вечер,
Хоть многих из друзей
Теперь уже не встречу.

Звучал оваций гром,
Был людям страх неведом.
Мы нашу над врагом
Предвидели победу.

Под небом грозowym
Морские флаги вьются.
Народ непобедим,
Когда бойцы смеются!

День поэзии 1978

В XII веке, рассказывает
легенда, трубач, заметивший с
башни приближение врага, раз-
будил жителей Кракова. Стрела,
вонзившаяся ему в горло, обо-
рвала сигнал. С той поры еже-
часно, как предупреждение, с
башни звучит внезапно смолка-
ющий голос трубы.

Когда поет труба
Над Краковом ночным
И обрывает вдруг
Тревожное звучанье,
Я думаю о том,
Что здесь путем своим
Ильич когда-то шел
С грядущим на свиданье.

О тысячах надежд,
Загубленных судьбой,
Он думал в этот миг
У башни Мариацкой,
О тысячах живых,
Что продолжают бой
За счастье всех людей,
Во имя дружбы братской.

В нем ежечасный зов
Летит через века,
Врывается в дома
И пробуждает долы,
Как память о бойце,
Что опознал врага
И первым протрубил
С высокого костела.

Я думаю о тех,
Кто счастья был лишен.
Кто криком изошел
В проклятой душегубке.
Последний плач детей,
Хрип матерей и жен,
Обугленных ветвей
Безмолвные обрубки.

Я думаю о том,
Как дерево растет,
Что все испещрено
Погибших именами,

Но яростным огнем
Пылает каждый плод,
Как пролитая кровь,
Как боевое знамя.
Оборванный сигнал
Над всей землей звучит,
Уходит за моря
И облетает кряжи.
Следите, трубачи,
Трубите, трубачи,
Спокойно дети спят,
Когда отцы на страже!

Рудольф Яхнин.
«На невском рейде».

День поэзии 1970

ЧЕРЕЗ ГОДА, ЧЕРЕЗ МЕТЕЛИ...

Мой друг,
единственный на свете,
о том нам вместе горевать,
что так спешит осенний ветер
листву последнюю сорвать,

что нам не так-то много сини
с тобой осталось впереди...
Мы честно отдали России
свои весенние дожди.

И поцелуя первый шепот
впотьмах едва коснулся нас
и долго-долго
над окопом
звездой таинственной
не гас.

Через года,
через метели,
сквозь обожженную броню
лучи печальные летели
и повторяли:
«Сохраню!»

Но разве были мы хранимы
когда-нибудь и кем-нибудь,
когда две пули только мимо,
а остальные —
прямо в грудь!

Ушли с тобою в дождь и слякоть,
и дом родной пропал из глаз...
И так тогда хотелось плакать,
а слезы вытекли
сейчас.

День поэзии 1981

**ИДУЩАЯ ПО КРАСНЫМ
ЛЕПЕСТКАМ**

У Праги,
Познани
и Ропши
среди лебединых крыльев трав
шумят
березовые рощи
на ослепляющих ветрах.

Под этой вечною луною,
где любят,
плачут,
пьют вино,
они, качаясь надо мною,
стучатся
в каждое окно.

Они —
не просто свет и звуки,
весна,
березы,
соловей,
они —
простреленные руки,
что прорастают
из траншей.

Когда закат осветит воздух,
пройдется красным по стволам —
вдруг вспыхнет
вешний сок
в березах,
как будто с кровью
пополам,
и я увижу,
как,
рыдая,
сынов нигде не отыскав,
уходит
женщина седая
по влажным красным лепесткам.

По черным теням,
как по шпалам,
уйдет она —
куда бог весть,
и ей планеты станет мало,
чтобы поверить
в то,
что есть...

И что ей голос вечной славы
и вечный пламень
под стеной!
Она бросается на травы
и обнимает
шар земной.

Как будто волосы родные,
ласкает русую траву.
И плачет
вместе с ней
Россия,
из глаз
роняя
синеву.

День поэзии 1965

ВЗДЫМАЙТЕ НАД МИРОМ ЗНАМЕНА

По гулкому шару земному —
шаги пролетарских колонн.
Вздымайте над миром знамена —
таких не бывало знамен!

Таких не раскачивал ветер.
Их поднял свободный народ.
Идет по гудящей планете
бессмертный Семнадцатый год.

Сквозь годы,
столетья,
эпохи
идет, словно солнечный свет.
Касаются неба сполохи
от наших вселенских ракет.

И смотрит восторженный город
в прекрасное завтра,
вперед.
Гремит на Путиловском молот —
Историю мира
кует.

День поэзии 1971

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ

МАШИНА ВРЕМЕНИ

Тетка в синем переднике
сдирает со стены старые афиши.

Они отдираются слоями.

Обнажаются:

название выставки,
которая уже давно закрыта,
фотография клоуна,
который умер месяц назад,
и имя дирижера,
уже закончившего свои

гастроли.

Тетка в синем переднике
поворачивает время вспять.

Содрав старые афиши,
тетка мажет стену клеем
и наклеивает новые.

Появляются:

название премьеры,
которая еще не состоялась,
портрет певицы,
которая еще не приехала

в город,

и дата открытия театра,
который еще не построен.

Тетка в синем переднике
открывает тайны грядущего.

День поэзии 1968

ЛОШАДЬ НА НЕВСКОМ

Лошадь на Невском.

Идет себе шагом,
тащит телегу.

Лошадь пегая
и абсолютно живая.

И машины косятся на нее
со злой завистью,
и машины обгоняют ее
со злорадством.

«Эй! — кричат. — Лошадь!
Ха! — кричат. — Лошадь!»

А лошадь идет себе шагом
и не оборачивается.

Такая живая
и такая хорошая.

День поэзии 1971

КАК СКРИПКУ

Это он
берег свое сердце
так старательно.

Это он
берег его,
как скрипач
бережет скрипку Гварнери,
не играя на ней
даже по праздникам.

Это он
берег свое сердце,
как безвестный скрипач
бережет скрипку Джузеппе Гварнери,
не играя на ней
даже в день своего рождения.

Это он,
он,
он
дрожал над своим сердцем,
как скрипач-любитель
дрожит над бесценной скрипкой
работы великого мастера,
попавшей к нему
неведомо как.

Это он
всю жизнь
берег свое сердце.
И он отлично сберег его.

Это оно,
его сердце,
хранится в музее сердец
в запаснике.

Оно выглядит как новенькое.

День поэзии 1973

МАСТЕР

Смелость мастера:
все творимое им —
неслыханная дерзость.

Гордость мастера:
все содеянное им
неповторимо.

Радость мастера:
все рожденное им
способно жить.

Участь мастера:
все увиденное им
не все увидят.

Горечь мастера:
все совершенное им
несовершенно.

Торжество мастера:
он мастер!

День поэзии 1973

ДЕНЬ

Проснувшись,
хорошо начать день
с глубокого сладкого вздоха.

Встав,
неплохо продолжить день
широким решительным шагом.

Умывшись,
разумно взглянуть на день
трезвым спокойным взглядом.

Позавтракав,
полезно наполнить день
неустанным бескорыстным
трудом.

Пообедав,
нелишне украсить день
красивым благородным
поступком.

Пожинав,
уместно закончить день
блаженным заслуженным отдыхом.

Засыпая,
недурно вспомнить прошедший день
с доброй, мягкой улыбкой.

Во сне
приятно увидеть себя проснувшимся,
начинающим день
с глубокого
сладкого
вздоха.

День поэзии 1981

Зачем чудить?
И что такое — чудо?
Я чудодеев просто не терплю.
Я жить хочу спокойной,
без чудес,
обыкновенной и понятной жизнью:
парить над крышами,
беседовать с мостами,
автобусы на улицах ловить
и в баночку стеклянную сажать,
а после хвастаться —
показывать знакомым.

День поэзии 1981

НИНА АЛЬТОВСКАЯ

1925—1980

ВЕСЕННИЕ СТРОКИ

По набережной девочка идет,
ладошкой касаясь парашета.
В капроновое облачко одета,
она себе тихонечко поет.

О чем она?

Пока что ни о чем.

Слова еще становятся словами.
Припомнят алый обруч над плечом —
в послушный круг свернувшееся пламя.

А ветерки летят со всех сторон,
о чем-то шепчут, что-то обещают,
и каменный, решительный Плутон
нагую Прозерпину похищает.

Замедлив шаг, глядит на изваянья
(так в зоопарке смотрят медвежат),
и крылышками белые воланы,
топорщась, на плечах ее дрожат.

И вся она, как стеклышко, сквозная,
и любопытства вся она полна.
Я знаю, эта девочка земная —
и все-таки бессмертная она!

Не спорьте с очарованной со мною,
смотрите! —
сквозь веков круговорот
над синию, над чистой волною
по набережной девочка идет.

День поэзии 1968

СВАДЕБНАЯ ПРОЦЕССИЯ

Невеста в белом,
тончайшем белом,
сама бела:
как будто мелом
покрыты щеки.
Потуплен взгляд.
Жених весь в черном.
Акселерат.

Идут.

А сзади — дружки с гитарой,

не очень старый
отец мамашу ведет под ручку
и бабка с дедом,
горды за внучку,
плывут.

Идет процессия,
поет-горланит,
девиц прелестных
весельем ранит.

Их не берут пока в замужество,
и для улыбок нужно мужество.

День поэзии 1978

ЯНВАРОЧКА

По белому следу,
по первому снегу,
дыханьем метельная,
приехала доченька —
выпала радость недельная!
Все топятся печи,
все лампы возносят сияние,
частушечной речью
подружки зовут на гуляние.

Она поотвыкла от старого
дробного топота,
взмахнет рукавом —
вылетают мелодии Сопота!
Крутятся, приседаючи,
пляшут подросточки шустрые.
«Теперича... Давеча...» —
шепчут старухи злоустые.

Пляши, озорная,
враструску,
врастряску,
вразвалочку!

Забуду ль тебя,
тараторку,
танцорку-январочку?

И ты не забудь моих песен
дремучую негу,
когда унесешься
по белому следу,
по новому снегу.

День поэзии 1978

ТАРУССКАЯ ОСЕНЬ

Над высоким косогором,
над Окой
дышит осень
журавлиною строкой,
листья чертят
золотые вензеля,
ребятишек из Тарусы
веселя.

Вспоминается
мусатовская кисть,
мягких красок
неукор и некорысть,
вечереющая,
дымчатая даль,
томной барышни
сиреневая шаль.

Насмотреться
на озера и пруды
с переливчатую
музыкой воды,
натомиться,
нагрузиться,
затужить,
что сто лет —
хоть расстарайся! —
не прожить,

и нарадоваться все же:
вечен свет,
даже если нас
на свете этом нет,
вечен отчий,
милый краешек земли,
над которым
беглой строчкой
журавли.

День поэзии 1978

АННА АХМАТОВА

1889—1966

ИЗ «ДРУЖЕСКОГО ПОСЛАНИЯ»

И, в памяти черной пошарив, найдешь
До самого локтя перчатки,
И ночь Петербурга, и в сумраке лож
Тот запах и душный и сладкий,
И ветер с залива. А там, между строк,
Минуя и ахи и охи,
Тебе улыбнется презрительно Блок —
Трагический тенор эпохи.

День поэзии 1961

МУЗА

Как и жить мне с такой обузой,
А еще называют музой,
Говорят: «Она на лугу...»
Говорят: «Божественный лепет...»
Жестче, чем лихорадка, оттреплет,
И опять весь год ни гугу.

День поэзии 1961

ЭПИГРАММА

Могла ли Биче словно Дант творить
Или Лаура жар любви восславить?
Я научила женщин говорить,
Но, боже, как их замолчать заставить?

День поэзии 1961

ЛИШНЯЯ

Тешил — ужас, грела — вьюга,
Вел вдоль смерти мрак.
Отняты мы друг у друга,
Разве можно так?
Если хочешь, расколдую,
Доброй быть позволь.
Выбирай себе любовь,
Но не эту боль.

День поэзии 1964

ПРОЩАЛЬНАЯ

Не смеялась и не пела,
Целый день молчала,
А всего с тобой хотела
С самого начала.

Безрассудной первой ссоры,
Полной светлых бредней,
И безмолвной, черствой, скорой
Трапезы последней.

День поэзии 1964

КОМАРОВСКИЕ НАБРОСКИ

О, Муза Плача...

М. Цветаева

...И отступилась я здесь от всего,
От земного всякого блага.
Духом-хранителем «места сего»
Стала лесная коряга.

Все мы немного у жизни в гостях,
Жить — это только привычка.
Чудится мне на воздушных путях
Двух голосов перекличка.

Двух? А еще у восточной стены,
В зарослях крепкой малины,
Темная, свежая ветвь бузины...
Это — письмо от Марины.

1961

День поэзии 1966

Вот она, плодоносная осень!
Поздновато ее привели.
А пятнадцать блаженнейших весен
Я подняться не смела с земли.
Я так близко ее разглядела,
К ней припала, ее обняла,
А она в обреченное тело
Силу тайную тайно лила.

1962

День поэзии 1966

ПРИМОРСКИЙ СОНЕТ

Здесь все меня переживет,
Все, даже ветхие скворешни,
И этот воздух, воздух вешний,
Морской свершивший перелет.

И голос вечности зовет
С неодолимостью нездешней,
И над цветущей черешней
Сиянье легкий месяц льет.

И кажется такой нетрудной,
Белея в чаще изумрудной,
Дорога не скажу куда...

Там средь стволов еще светлее,
И все похоже на аллею
У царскосельского пруда.

1958

День поэзии 1966

Земля хотя и не родная,
Но памятная навсегда,
И в море нежно-ледяная
И несоленая вода.

На дне песок белее мела,
А воздух пьяный, как вино,
И сосен розовое тело
В закатный час обнажено.

А сам закат в волнах эфира
Такой, что мне не разобрать,
Конец ли дня, конец ли мира,
Иль тайна тайн во мне опять.

1964

День поэзии 1966

ПЕСНЯ МИРА

Качаясь на волнах эфира,
Минуя горы и моря,
Лети, лети, как голубь мира,
О песня звонкая моя!

И Расскажи тому, кто слышит,
Как близок долгожданный век,
Чем ныне и живет и дышит
В твоей отчизне человек.

Ты не одна — их будет много,
С тобой летящих голубей!
Всех нас у дальнего порога
Ждут очи ласковых друзей.

Лети ж в закат багрово-алый,
В удушливый фабричный дым,
И в негритянские кварталы,
И к водам Ганга голубым.

День поэзии 1956

Я не боюсь
На свете ничего:
Ни сквозняков,
Ни пагубного гриппа,
Ни пульса учащенного,
Ни хрипа,
Ни сжатых губ,
Ни страха своего.
Я не боюсь
Проклятых вещей снов
И вещей слов,
Гвоздящих, как проклятье.
Я не боюсь
Последнего объятия
И памяти
Незыблемых оков.
Я не боюсь
Стремительности лет,
Я не боюсь
Того, что неизбежно,—
Но я боюсь
Любить тебя так нежно,
Когда тебя
Уже со мною нет.

День поэзии 1972

Можно свет погасить — рассветает,
Можно кофе налить — закипает,
Можно так посидеть в тишине.
Можно угли мешать, раздувая,
Можно руку пожать, забывая
О вчерашнем и завтрашнем дне.

Можно что-то сказать без значенья,
Можно что-то листать без волненья,
Разбирая туманный петит.
И, как вечные строки в поэме,
Просто слушать, как движется время
И с душою душа говорит.

День поэзии 1974

Есть снег за окном, да еще фонари,
Да комната дымная эта.
В кругу своем тесном до новой зари
Поэтов читают поэты.

Минувшие страсти, далекие дни
Державина, Блока и Фета...
По чувству, по свойству, по счастью родни
Поэтов читают поэты.

Есть радость, и гордость, и трепет святой,
А мелочной зависти нету.
Услышать бы тем, кто уже за чертой:
Поэтов читают поэты.

Пока не взойдет на крутом берегу
Лиловая дымка рассвета —
Все живы, все вместе, все в тесном кругу,
Поэтов читают поэты!

День поэзии 1974

Воспоминанье в плоть облечено:
Все ведает, все чувствует, все слышит,
И скоро утомляется, и дышит,
Как в гору поднимается оно.

С воспоминаньем можно говорить,
Но не прижаться мокрою щекою,
Ни усадить, ни чаем напоить,
Ни испросить прощенья и покоя.

День поэзии 1975

СТАНЦИЯ «ЛАДОЖСКОЕ ОЗЕРО»

Из воды, из тумана —
скользящий бок маяка...
Не болела бы рана,
да она глубока.

Запах свежего стога
и сухого дымка...
Отдохнула б дорога,
да не может пока.

Сушняком обгорелым
мы до нынешних дней
из войны под обстрелом
все выходим по ней...

День поэзии 1977

Переулочек Оболенский,
пряный запах деревенский
палых листьев и травы...
Надо вовремя проститься:
есть опасность загоститься,
не уехать из Москвы.

Праздник буднями разбавить...
Легче издали представить
пролетевшее число,
где недавняя забота —
все высматривать кого-то
в запотевшее стекло...

День поэзии 1980

Оставили меня
хранителем огня,
что, к слову говоря,
не трудность для поэта.
И я его храню
и даже не виню
того, кто так решил,
а сам забыл
про это...

День поэзии 1981

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

1910—1975

Я тайно и горько ревную,
угрюмую думу тая:
тебе бы, наверно, другую —
светлей и отрадней, чем я.

За мною такие утраты
и столько любимых могил.
Пред ними я так виновата,
что если б ты знал — не простил.
Я стала так редко смеяться,
так злобно порою шутить,
что люди со мною боятся
о счастье своем говорить.
Недаром во время беседы,
смолкая, глаза отвожу,
как будто по тайному следу
далеко одна ухожу.
Туда, где ни мрака, ни света —
сырая рассветная дрожь...
И ты окликаешь: «Ну, где ты?»
О, знал бы, откуда зовешь!
Еще ты не знаешь, что будут
такие минуты, когда
тебе не окликнусь оттуда,
назад не вернусь никогда.
Я тайно и горько ревную,
но ты погоди — не покинь.
Тебе бы меня, но иную,
не знавшую этих пустынь;
до этого смертного лета,
когда повстречались мы,
до горестной славы, до этой
полсердца отнявшей зимы.

Подумать — и точно осколок,
горя, шевельнется в груди...
...Я стану простой и веселой,—
тверди ж мне, что любишь, тверди!

День поэзии 1956

ПЕРЕД РАЗЛУКОЙ

Я все оставляю тебе при уходе:
все лучшее
в каждом промчавшемся годе,
всю нежность былую,
всю верность былую,
и краешек счастья, как знамя, целую.
Военному, грозному
вновь присягаю.
С колена поднявшись, из рук отпускаю.
Уже не узнаем — ни ты и ни я —
такого же счастья, владевшего нами...
Но верю, что лучшая песня моя
навек сбережет отслужившее знамя...
...Я ласточку тоже тебе оставляю
из первой, бесстрашно вернувшейся стаи,—
блокадную нашу, под бедственной крышей.
В свой час одинокий

ее ты услышишь...
А я забираю с собою все слезы,
все наши утраты,
удары,
угрозы;
все наши смятенья,
все наши дерзання.
Нелегкое наше, большое мужанье.
Неспетый над дочкой
напев колыбельный,
задуманный ночью военной, метельной,—
неспетый напев,— ты его не услышишь,
он только со мною — ни громче, ни тише...
Прощай же, мой щедрый! Я крепко любила.
Ты будешь богаче — я так поделила.

День поэзии 1956

ПОЛЕТ

Утро. Больше половины века.
Над землей — притихший звездный кров.
К звездам отправляют человека.
Человек вернётся. Жив-здоров.

Мы глядим, робея. Неужели
Он — как мы, а мы — под стать ему?
Неужели ж это мы летели
Сквозь десятки зорь,
и стран,
и тьму?

Да,— все мы. Вся плоть и кровь народа,
Наш Семнадцатый крылатый год.
Это все сорок четыре года
Продолжается его полет.

И сегодня за чертой вселенской
Побывал, вернувшись на ночлег
На родную Землю, наш смоленский,
Наш простой,
наш звездный человек.

День поэзии 1961

...А я вам говорю, что нет
Напрасно прожитых мной лет,
Ненужно пройденных путей,
Впустую принятых вещей,
Нет невоспринятых миров,
Нет мимо розданных даров,
Любви напрасной тоже нет,
Любви обиженной, больной.
Ее нетленно чистый свет
Всегда во мне, всегда со мной.
И никогда не поздно — снова
Начать всю жизнь,
начать весь путь.
И так, чтоб в прошлом бы ни слова,
Ни стона бы не зачеркнуть.

День поэзии 1961

РОДИНЕ

Не утаю от тебя печали,
так же, как радости не утаю.
Сердце свое раскрываю
вначале,
как достоверную повесть твою.
Прежде чем в памятниках,
в обелисках,
прежде чем в стройных
стеклянных дворцах,
ты возникаешь невидимо, близко
в наших — открытых тебе —
сердцах.
Ты возникаешь единственной вздоха,
крови моей клокотанье и тишь.
И я тобой становлюсь, эпоха,
и ты через сердце мое
говоришь.

И я не таю от тебя печали,
и радости тайной своей не таю,
и сердце свое раскрываю
вначале,
как самую тайную повесть твою.

День поэзии 1963

Из старых дневников

Б. Корнилову

О да, я иная, совсем уж иная...
Как быстро кончается жизнь!
Я так постарела,
что ты не узнаешь...
А может, узнаешь? Скажи!
Не стану прощенья просить я...
Ни клятвы
Напрасной не стану давать.
Но если — я верю — вернешься
обратно,
Но если захочешь узнать,—
Давай о взаимных обидах забудем,
Побродим, как раньше, вдвоем,
И плакать, и плакать, и плакать
мы будем,—
Мы знаем с тобою — о чем...

1939

День поэзии 1964

ДАЛЬНИМ ДРУЗЬЯМ

С этой мной развернутой страницы
я хочу сегодня обратиться
к вам, живущим в дальней стороне.
Я хочу сказать, что не забыла,
никого из вас не разлюбила,
может быть, забывших обо мне...
Верю, милые, что все вы — живы,
что чисты, упрямы и красивы.
Если ж кто угрюм и одинок,
вот мой адрес,— может, пригодится?
Троицкая, семь, квартира тридцать,
постучать, не действуя звонок.

Вы не смейтесь, я беру не много
на себя: я встречу у порога,
в красный угол сразу посажу.
Расспрошу о ваших неудачах,
нету слез — сама за вас поплачу,
нет улыбки — шуткой разбужу.

Оттого на все хватает силы,
что, заветы юности храня,
никого из вас не разлюбила,
никого из вас не позабыла,
вас, не забывших про меня.

1940

День поэзии 1964

ЕСЛИ ДРУГ ВЕРНЕТСЯ

Придешь, как приходят слепые:
на ощупь стукнешь, слегка.
Лицо потемнело от пыли,
впадины

на висках.

Сама я открою двери
и крикну, смиряя дрожь:
— Я верю тебе, я верю!
Я знала, что ты придешь.

1939

День поэзии 1964

Андрей Ушин.
«Пискаревское мемориальное»

МАЙЯ БОРИСОВА

Две матери над хворыми детьми
Парят бесшумно, как ночные птицы.
— Что, маленький, укрыть? Подать
напиться? —
Горячий шепот слышится из тьмы.

Врач не по-русски пишет на листе.
Кивают молча сестры головами.
Две матери над спящими — кругами.
От взмахов крыл — прохлада на лице.

День поэзии 1966

Пять-шесть дождей,
три холода,
два зноя

Сменить.
Лететь. Идти. Опять лететь.
А дело в том, что все вокруг — родное,
Отсюда жадность:

тронуть, поглядеть!
Вот так дитя, едва успев проснуться,
Уж мать зовет и требует: «Возьми!»,
Стараясь всем собой
ее коснуться,
Блаженно уставая от возни.

Оттаптывает матери колени,
И все хватает, и глядит вокруг,
И ощущает каждое мгновенье
Надежную поддержку теплых рук...

День поэзии 1973

Вот и случилось наконец
с тобою, как с людьми...
Любовь — прожорливый птенец,
корми его, корми!
Пиши по три письма на дню,
в разлуке краткой плачь,

лети к открытому огню,
сама в ночи маячь,
грей в кулаке блестящий ключ
от временных дверей,
теряй друзей, родных измучь
влюбленностью своей.
Спеши не взять — спеши отдать
себя до дна, дотла:
любовь не может голодать,
пока она мала!
Прими восторг, и боль, и срам.
Но срок придет, и вот
любовь подставит грудь ветрам
и крылья распахнет,
и воспарит, и заслонит
ослабшую тебя
и от беды, и от обид,
и от небытия.

День поэзии 1977

Природа впрямь боится пустоты...
Вчера в метро

у женщины читавшей
я с нежностью отметила черты
любимой младшей тетушки — Наташи.
Она в войну, в блокаду, умерла.
Но вот опять повторены природой
волос блестящих ровные крыла,
и трогательный этот подбородок,
и хрупкая застенчивая стать,
и скрытого лукавства блеск невольный
в глазах,

и неуменье замечать,
какое впечатленье производит...
На ней костюм в классический горошек.
Отделка, разумеется, бела.
Она читала книгу,

и хорошей
та книга, разумеется, была.
А по тому, как поднялась, спеша,
и тетке с сумкой уступила место,
я поняла: Наташина душа,
опять же, в этой женщине воскресла.
Вагон шатнуло.

Женщина качнулась.
Ей помогли, посдвинулись тесней.
О, как она смущенно улыбнулась...
О, как готовно
улыбнулись ей!

День поэзии 1978

Тане Егоровой

Здоровое дитя — алое,
больное дитя — голубенькое.
Здоровое дитя — балованное,
больное дитя — голубленное.

Здоровое — бойко лопочет,
больному — дышать трудно.
Здоровое дитя — колокольчик,
больное — тонкая струнка.

Здоровому мир — загадка,
больному — подвал без солнца.
Лишь мать над ним
незакатна,
безоблачна и бессонна.

День поэзии 1978

В дом неожиданно явились цветы.
Ровный быт усложняется сразу:
вазы долго пылились, пусты,
надо вымыть как следует вазу.
Надо пыль отовсюду стереть,
посвежее салфетки набросить.
Пол такой, что неловко смотреть!
Срочно — вымести, пропылесосить...
Платье — ужас, начало конца,
оскорбленье для духа и тела!
И с таким выраженьем лица
при цветах

тоже нечего делать.
Милый мой, а как смотришься ты
на пылающем фоне букета?
В дом неожиданно явились цветы.
Я не знаю опасней сюжета!

День поэзии 1981

ГОДОВЩИНЫ

Для печали нет причины.
Но крадутся к нашим дням
по-пластунски
годовщины,

словно кошки к воробьям.
Будет славная погода:
или ведро, или дождь.
Но — назад тому два года.
И всплеснешься. И замрешь.
Время движется упрямо,
тащит груз в своих выюках.
Вот июнь:

еще ты, мама,
отдых празднуешь в Юкках.
Но нацеленней, чем пуля,
сквозь цветенье и тепло
на тебя летит июля
окаянное число.

День поэзии 1981

Нести разлуку тяжело,
особенно когда
не знаешь, что и развело:
остуда, долг, беда?
Хоть знак какой-то был бы дан...
А то уж столько дней
тащу ее, как чемодан
без ручки и ремней.

День поэзии 1982

Петухи загорланили под вечер,
просвистели стрижи над рекой...
Если ты обманул или сподличал,
ох и совестно в вечер такой!

А с тебя вроде некому спрашивать,
на прицел вроде некому брать.
Просто стыдно себя приукрашивать,
стыдно в жмурки с собою играть.

Настроение, впрочем, не мрачное:
погружаешься в сонную тишь,
над водой, голубую, прозрачную,
голубой и прозрачный сидишь.

День поэзии 1980

СЕМЕН БОТВИННИК

Берлин горит. Подтаявшая тьма
Все выше поднимается и выше.
Огонь вошел в угрюмые дома,
И с тяжким гулом оседают крыши,
И наземь балки падают, звеня,
И жаркий пепел сыплется за ворот...
Я много видел пепла и огня,
Я знаю свой войну познавший город
И пламя, полыхающее в нем...
Берлин горит совсем другим огнем.

1945

День поэзии 1975

Время счастливой и скорбной слезы,
сладкого хмеля...
После войны, как после грозы,
птицы запели.

В горле
комок от нахлынувших слов —
радостных, горьких...
Дудин,
Гудзенко,
Луконин,
Орлов —
все в гимнастерках.

Как это вышло —
никто не поймет:
на пепелище
птица в победное утро поет
звонче и чище.

Стих,
принесенный от туд а, звучал
не для почета...
Новое время,
начало начал,
точка отсчета.

Взяли перо, отомкнули штыки,
мы — не мальчишки!
Первые споры по части строки,
первые книжки...

Разве мы думали, милый, с тобой:
сердце устанет,
новая молодость — с новой судьбой
следом нагрет.

Новые вина из новой лозы,
новые цели...
После войны, как после грозы,
птицы запели...

День поэзии 1981

Прекрасно появление из земли
еще полупрозрачного росточка,—
у цоколя бетонного, в пыли,
он рвется ввысь, упрямый одиночка.

Прекрасны в ясном небе журавли —
был острый клин, а вот уже цепочка —
и тайну сберегающая почка:
сгинь, оболочка, сущность оголи!

Прекрасно и набухшее зерно,
что в глубине незримых сил полно,
и стебелек, в земле торчащий сиром,
и дерево, глядящее в окно,
и человек,— всегда ему дано
присутствовать при сотворенье мира!

День поэзии 1980

Мать склонилась над колыбелью:
только б дитяtko не простыло,
у ребенка — опасный возраст...

В год — грозит ребенку ветрянка,
в пять — грозит ему скарлатина,
мать не дышит, глядит на сына:
у ребенка — опасный возраст...

Вот уходит ребенок в школу,
мать глядит ему вслед в тревоге,
беспокоится мать за сына:
не побили бы по дороге,
не наехала бы машина,
у ребенка — опасный возраст...

Парню двадцать, а ей не спится:
может сбиться с пути да спиться,
да бог знает на ком жениться,
у ребенка — опасный возраст...

У мужчины уже седины,
дети выросли у мужчины,
только матери — все едино:
у ребенка — опасный возраст...

День поэзии 1974

Это море, и шелест акаций,
и лучи, что скользят по волнам,
оттого, что придется расстаться,
так пронзительно дороги нам...

Улетает вечерняя птица,
легок женский вдали силуэт...
Оттого, что придется проститься,
долго-долго им сможем вослед.

Словно чувствуя боль расставанья,
глухо бьется волна о песок.
Как он короток, миг узнаванья,
как накал остыванья высок!

Ты и радость свою, и надежду
этой истиной не омрачай:
слишком мало вмещается
между
нашим «здравствуй»
и нашим «прощай».

День поэзии 1978

Тихая нежность к внучатам, к сыночкам —
это с годами сильней и сильней...
Нежность корней к набухающим почкам,
к первым листочкам влеченье корней...

Сколько надежд в этих соках весенних!
Радостно чувствовать день ото дня,
как тяжелеет дитя на коленях,
как его голос крепчает, звеня.

С детской улыбкой что может сравниться?
Детское сердце терзает слеза...
Ты посмотри, как умеют дивиться,
как округляются эти глаза!

Помни и первое слово, и фразу,
первые горести школьной скамьи...
Чувство семьи возникает не сразу —
может, когда уж и нету семьи...

Осенью лист осыпается ржавый,
ветер над миром гуляет сквозной.
Детские волосы — мягкие травы —
рядом с твоей шелестят сединой.

Тихая нежность к внучатам, к сыночкам —
это с годами сильней и сильней...
Нежность корней к набухающим почкам,
к первым листочкам влеченье корней...

День поэзии 1980

Литература,
будь литературой —
не куплей,
не продажей,
не халтурой,
не сделкой,
не ремесленной поделкой,
не средством, усыпляющим умы,
не местом для заносчивости мелкой,
не бегством от суммы и от тюрьмы...

Литература,
будь литературой —
не бездыханным слепком,
а натурой,
не страницей захожей,
не вельможей,
не ложью —
а дыханьем естества,
и помни,
что слова об искре божьей —
не вовсе устаревшие слова.

День поэзии 1968

Дни пролетели и годы:
наши заботы, труды,
наши беседы, походы,—
вот мы и стали седы,

вот проступила сутулость,—
сколько воды утекло!
Как это долго тянулось,
как это быстро прошло...

День поэзии 1979

*Владимир Сердюков.
«Летний сад».*

НИКОЛАЙ БРАУН

1902—1975

КОНИ НА АНИЧКОВОМ МОСТУ

Веленью мастера покорны,
Из тяжелой груди чугуна
Взвились на воздух вихрем черным
Четыре диких скакуна.

И сразу четверо чугунных
Могучих юношей, с земли
Вскочив, поводья, словно струны,
В единоборстве напрягли.

Упрямо кони бьют копытом,
Сорваться с места норовят,
И ржут, и прядают сердито,
И рвут поводья, и храпят.

Но мышцы юношей могучих,
Сноровка, разум и напор,
Остепеня нрав кипучий,
Уже решают старый спор,

Поводья натянув тугие,
Смирняют дикий нрав коня...
Так город мой смирял стихии
Воды, и стали, и огня.

День поэзии 1956

Я ВСПОМИНАЮ

Я вспоминаю гул двадцатых,
Уже в туман ушедших лет.
Еще разбег дорог хвостатых
За нами не тянулся вслед.

Еще не село первой пыли
На молодую нашу пруть.
Мы не могли сказать: мы были,—
Мы только начинали быть.

Все были в будущем, и даже
Те, что ходили в стариках;
И умещалось слово наше
Не в фолиантах, а в строках.

Еще не знали юбилеев,
До бронзы было как до звезд,
И не в критических елях,
А в спорах набирали рост.

Они по гамбургскому счету
Велись и, правду за версту
Не обходя, дрались до поту,
Без дураков,
Начистоту.

А кто был прав, об этом, кстати,
Решал, пристрастья не тая,
Не суд жюри,
А сам читатель,
Нелицемерный судия.

И не с ленцою стариковской,
А так, как юный пыл велел,
Там спор вели о Маяковском,
А он со всех эстрад гремел.

Там брал Есенин за живое,
Всей болью,
Всей судьбою брал,
И силой слова ножевою,
Ошеломляя, окрыляя.

Там Пастернак, большим предвестьем
И в жажде встать с эпохой в строй,
Болел высокою болезнью,
И жизнь была ему сестрой.

Там Тихонов шагал, осилив
Дорог военных пыль и смрад,
И отзвук шел по всей России
От топота его баллад.

Все это было у порога
Влекущей душу высоты,
И чья сквозь век пройдет дорога,
Запечатлев его черты,
Еще неясно было.

Слово

В устах у многих зрело в стих —
В устах Багрицкого,
Светлова
И вслед идущих молодых.

Все, что они как бы на ощупь
Искали сердцем и умом,
Шло, как характер или почерк,
Неповторимое ни в ком.

Теперь без лишнего еля
Нетрудно критику понять,
Кто шел прямее и смелее,
Кого прельщала тишь да гладь.

Кто шел с большой душою к людям,
Кто заслужил всей болью строк
Не только «бронзы многопуде»,
Но и любви живой венок.

День поэзии 1966

ПОМОЛЧИМ...

Помолчим над памятью друзей,
Тех, кого мы больше не услышим,
Не увидим тех, кто жизнью всей
Вместе с нами в день грядущий вышел.

Помолчим. Не потому, что нам
Нечего сказать об уходящих.
Мы их назовем по именам,
Как живых, живущих настоящим.

Помолчим, чтобы сказать о них
Не холодным, равнодушным словом,
Чтоб они воскресли хоть на миг
Всем звучаньем голоса живого,

Всем живым биением сердец,
И улыбкой, и рукопожатьем,
Нашим спором, ссорой наконец,
Примиреньем, дружеским объятьем.

Шла эпоха в полыханье гроз,
Но никто из нас не шел сторонкой,
Всяк свой клад в сокровищницу нес,
Не скупясь, монетой самой звонкой.

Пусть же слова нашего зачин
Прозвучит, как запевала в хоре!
А пока — ни слова. Помолчим,
Затаив потери боль и горе.

День поэзии 1971

МЕДАЛЬ

Пройдя сквозь долгий грохот боя,
На слиток бронзовый легла,
Как символ города-героя,
Адмиралтейская игла.

Взгляни — заговорит без слова
Металла трепетный язык.
И воздух города морского,
И над Невой подъятый штык —

Вся бронза дышит, как живая,
В граните плещется река,
И ветер ленты развеивает
На бескозырке моряка.

И даль пылает золотая,
И синью светят небеса.
И вдруг, до слуха долетая,
Встают из бронзы голоса:
«Мы так за город наш стояли,
Так нашу землю берегли,
Что нынче музыкою стали,
Из боя в песню перешли.

Мы слиты из такого сплава,
Через такой прошли нагрев,
Что стала бронзой наша слава,
Навек в металле затвердев».

Слова уходят, затихая,
В металл, в бессмертье, в немоту,—
И снова, бронзой полыхая,
Игла пронзает высоту.

1944

День поэзии 1975

РАИСА ВДОВИНА

СИРЕНЬ

Едет женщина с букетом.
У нее в руках зажат
Куст сиреневого цвета —
Персональный палисад.

По маршруту колосится,
В пять слоев, к цветку цветов,—
Не видать в полоску ситца
Сквозь сиреневый поток!

У меня не так красиво,
У меня ужасный вид —
У меня в руках крапива,
На меня трамвай сердит,
Мой сосед меняет место —
Вероятно, в знак протеста.

Пусто слева, пусто справа —
Всем знаком крапивный зуд.
А вообще ее «стрекава»
По-хорошему зовут.

Я молчу. Куда же деться?
Я страдаю по вине
Человеческого детства,
Уцелевшего во мне!

День поэзии 1966

Ах, каблочки вы, каблочки!
Похожи стали на сучки.

Хожу по городу пешком,
Подошвой рваной шаркаю,
Загнулась кожа лепестком
На деревяшку шаткую.

Как я приду к тебе, Артем,
На этой паре хризантем?

Подбить бы вас набойками —
Опять бы стали бойкими,
Подковками железными —
Опять бы стали резвыми.

Я не считала бы шаги,
Летала бы как пуля.
Бог сохранить вас помоги
Хоть до конца июля!

День поэзии 1966

Н. К.

Ночь была из горячего пепла.
Корабли ускользали к заливу.
Старый тополь Большого проспекта
Вспоминал карамзинскую иву.
Предстояло влюбиться Ромео,
Предстояло погибнуть Тибальту.
Поливалки, гудя равномерно,
Разливали Неву по асфальту.
Город плыл, облепив парапеты.
Отдыхали суставы брусчатки,
И бесшумные велосипеды
Протянули от луж отпечатки.
В чистом воздухе пахло сиренью
И сожженным углем кочегарки.
На меня снизошло вдохновенье
И желание делать подарки.
И друзей в это светлое утро,
Тех, кто был недоступен измене,
Награждала я щедро и мудро
Площадью и кустами сирени,
Набирала я целые руки
На глазах потрясенной охраны:
Пустыри, тупики, переулки,
И дворцы, и канавы, и храмы...

А тебе подарила в награду
Летний сад у Лебяжьей канавки
И какие-то милые травки,
Перелезшие через ограду.

День поэзии 1969

ХЕРСОНЕС

Чем пахнет Херсонес?
Морскою тиной,
Моллюсками, мечтой невозвратимой
И жизнью той, которой больше нет.

В руинах стен, базилик и мозаик
Есть дух, неуловимый для всезнаек,
Дух нежилых построек, чердаков,
Шершавый камень, с галькою не схожий,
Не мрамор ли? Остановись, прохожий!
И тут, и там обилье черепков.

Чем пахнет Херсонес?
Соленым зюйдом,
Морским нагретым воздухом, мазутом,
Полынью, ожиданием чудес,
Добротной кладкой, человечьим ладом —
Фундаменты, усаженные рядом
(Имея вкус, не упустили суть!).
Тут каждый камень глазом облюбован,
Любой кувшин ладонью отшлифован,—
Не наше «поскорей» да «как-нибудь».

Чем пахнет Херсонес?
Бездомьем, крахом,
Судьбой людей. Их обнаженным прахом.
Прожорливостью времени... Ему
Сравнение нахожу с дырявым ситом.
Что все мы перед тем херсонеситом,
Чья клятва — «ничего» и «никому»!

Чем пахнет Херсонес?
Опять хамсою.
Потерей друга. Мрачной полосой.
Изменой друга. Средоточьем бед.
Глазеньем с малой долей интереса.
Изменой друга. Сдачей Херсонеса!
И жизнью той, которой больше нет.

День поэзии 1971

Не доверяй глазам и языку,
Ни кротости, ни красноречью музы.
Пусть ток по пальцам перейдет в строку
Таинственно, как наполняют шлюзы.

Река и речь — похожие слова.
Вы им не раз упреком докучали,
Ища их ключ в языческом начале,
Не зная, где их суть была сперва.

Кто этот молчаливый имярек
И, ради смысла или развлечения,
Кто этот первый в мире Человек,
Что Слову дал звучанье и значение?

День поэзии 1973

Осталась только музыка одна
Поэзии — прибежище бездомным.
Есть дно реки, вода не знает дна.
Наполню душу воздухом бездонным,
Открою слух, и пусть она течет,
Играющая всеми голосами.
Нет берегов, и дням потерян счет,
И вечностью становимся мы сами.

День поэзии 1975

СЕНТЯБРЬ

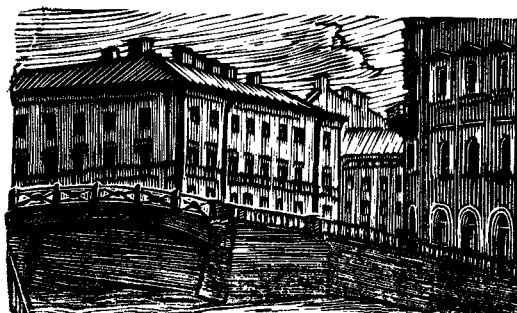
Сентябрь, ты — время зрелости земной,
От косточки отъединилась мякоть,
И о весне со странной новизной
Перестаешь печалиться и плакать.

Прочь улетел сумятиц пестрый рой,
Разреженные прояснились дали,
Цвета и звуки обрели настрой,—
Иль это чувства пристальнее стали?

Двойное вдохновенье сентября,
Добытое столь долгой немотою.
И сознаешь, что мучился не зря
За это исцеленье золотое.

День поэзии 1978

Ася Векслер
«Канал Грибоедова».

Гуляка ты и ветер,
шаловная голова.
Забудь, что я на свете
пока еще жива:
отсюда, где теперь я,
наверно, жизнь мала,—
дни падают, как перья
из белого крыла.

И пусть, и слава богу,
что скуден их запас,
что много их, так много
разъединяет нас
и что одна простая
доступна благодать:
от лебединой стаи
до смерти не отстать.

День поэзии 1972

С какой поспешностью окно
меняет свет и тень.
Мелькнет рассвет — и вновь темно,
а ночь мала, как день.
И время не умерит пыл,
вторгающийся в стих,
хоть, верно, выбились из сил
две стрелки часовых.
И трижды прав, кто говорит,
взглянув с прожитых лет:
«Без передышки жизнь горит,
как спичка: раз — и нет».
Вот и моя пришла пора
признать закон огня.
Быстрее бикфордова шнура
сгорает жизнь моя.

Смотрю на мир во все глаза,
хочу продлить с ним связь,
но вспоминаю, что нельзя
гореть, не торопясь.

День поэзии 1973

Тьму оправданий и обид
со счета сбросив,
за всем, чем живы мы, стоит
вопрос вопросов:

там, в жизни вдруг пережитой,
неповторимой,
что мы оставим за чертой
непоправимой?

День поэзии 1978

СЕНТЯБРЬ

Я сентябрю, где яблоки и вина,
другой сентябрь сегодня предпочту.
Там ни души. Там терпкая рябина.
И долгий привкус горечи во рту.
И тщетно кто-то голосом невнятным
зовет кого-то к позднему столу.
И мне уже становится понятно,
что нет цены последнему теплу.

День поэзии 1968

*Ася Векслер.
«Инженерный замок».*

ЛЕВ ГАВРИЛОВ

Говорят, что я веселый,
Говорят, что несерьезный.
Ну и что же?
Право слово,
Переделываться поздно.
Говорят, пишу смешное,
Говорят, пиши иное.
А зачем же мне иное,
Если я люблю смешное?
Я люблю, когда смеются,
Я люблю, когда хохочут,
Смех как бьющиеся блюда —
Обожаю,
Даже очень.
Я пишу,
Так смейтесь, люди!
Смейся тот, который скучен,
Смейся тот, который нуден,
Тот,
Что смеху не обучен!
Я за все свое смешное
Отвечаю сединою,

Потому что было время —
Людам было не до смеха.
Потому что было время —
Стон подхватывало эхо.
Потому что у Смоленки
Берег выложен «кульками»,
Потому что у Смоленки
Я могилы рыл руками...
Но не будем,
Нет, не будем
Растравлять стихами рану.
Я тогда боялся —
Люди
Вдруг смеяться перестанут,
Вдруг забудут —
Есть на свете
Смех залиvistый
И звонкий,
Только плач оставят детям,
Болью бьющий в перепонки.
Проклял я на сто столетий
Взрывы бомб
И гул орудий!
Пусть всегда смеются дети,
Я люблю вас,
Смейтесь, люди!
Я за все свое смешное
Отвечаю сединою.

День поэзии 1962

*Борис Смирнов.
«Прачечный мост»*

Имена моих детей,
Как узоры на хачкарах
Или пропись в книгах старых:
То лоза, то соловей.

Имена моих детей
Помнят звуком гром дорожный,
Дрожь ручьев в гранитных ножнах,
Гул пещерных крепостей.

В именах моих детей —
Зернами в плодах граната —
Судьбы множества людей,
Так же названных когда-то.

У высоких этих стен
Навсегда и ежечасно,
Свет очей моих, Армен,
Будь воспоминаям счастья.

Камня отческого грань
Над развалин мертвой грудой,—
Свод души моей, Тигран,
Стань надеждою на чудо,

Что в провалах скоростей
Мира завтрашнего рано
Не умолкнут безымянно
Имена моих детей.

День поэзии 1978

ИЗ ВОСПОМИНАНИЙ

В сорок третьем году, в Душанбе,
Мама тихо сказала: «Тебе
Здесь придется освоиться, Татка.
Эти горы надежно стоят.
Я спасла тебя. Мы в Ленинград
Никогда не вернемся обратно.
Так тепло, так приветливо тут.
Это толстое дерево — тут,
А с пятнистой корою — платаны.
У тебя загорела спина.
Скоро ты оживешь. Но сперва
На жаре не снимай сарафана».

Время ждет, чтоб увидели вы,
Как я за руку маму держала,
И лицо ее в бликах листвы
Колебалось, смущалось, дрожало.
Я глядела на смуглые лбы
Непоспешной, красивой толпы —
На нее я глядеть не могла:
Жалость горло свела.
Я и в эту минуту, сейчас,
Нажимая пером на бумагу,—
Горлом сдавленным — маминых глаз
Виноватую помню отвагу.
Я не крикнула ей: «Не реви!
Я тебя никогда не покину...»
Мне мешала ангина любви,
Ностальгии ангина.
Если в летнем сквозном кинозале,
На отвесном куске полотна,
Заслоненный людьми и слезами,
Город тот выплывал из темна,
Я лишалась дыханья и тела:
Выраставшего сердца звезда,
Добела разгораясь, летела,
Устремлялась к нему навсегда...

Мама тихо сказала: «Ну вот,
Мы и дома. У самых ворот,
Помнишь, та разорвалась фугаска
И тебя откопал морячок?
Ну, не буду. Не буду. Молчок.
Ты довольна, моя черноглазка?»

День поэзии 1981

Прожитого не исправить.
Юных — не предостеречь.
Настрадавшуюся память
Можно мудростью наречь.

Вовсе не плоды ума —
Опыта глухая область
То, что в жизни было — тьма,
То, что в слове стало — образ.

Гарантирован простор
Даже в этом мире тесном
Вести, смысл которой — скор
И неисчерпаем текстом.

Подниму свою ладонь
И поставлю против света —
В ней пульсирует огонь
Человеческого цвета.

Нынче — нищая стерня,
Завтра — колос, гроздь и ветка,
Как ты светишь, пятерня,
Не гасимая под ветром!

Как ты светишь, мой шандал
О пяти свечах, с которыми
Жизнь не кажется повтором,
А истоком всех начал.

День поэзии 1981

Вас, как заглавные титры,
Числить в начале позвольте,
Горы Армении, тигры,
Спящие на горизонте.

Жизнь началась с середины:
Черную вдовью равнину
Властно перегородили
Ваши горячие спины.

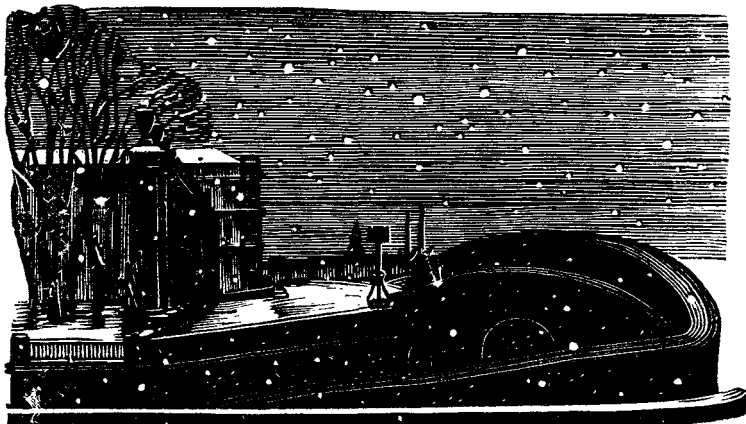
Жаждой родства обоюдной
Связаны люди и горы.
Пусть я не сделаюсь юной,
Но и состарюсь не скоро,

Ибо граненые скалы
Вечности мне уделили
В сизых созвездьях муската,
Шероховатых от пыли.

Радость азартнее риска.
Пусть я не стану красивой —
Щедрую кровь материнства
Горы во мне воскресили.

На высоте каменистой
Долгое яркое лето.
Два моих мальчика чистых
Мне гарантируют это.

День поэзии 1977

Ася Векслер.
«Прачечный мост»

Я совсем, совсем невесома.
Я ведь чайка, во мне лишь ветер.
Ни любви,
 ни обид,
 ни дома
Нету в этом плывущем свете.
Волны льются, и небо льется,
Уплывает земля куда-то.
Я пою, потому что поется,
Я лечу, потому что крылата.

День поэзии 1967

И снова знакомая сила
Меня подняла над землей.
А все, что обещано было,
Обещано было не мной —

Другую, ручной и домашней...
А нынче я снова поэт.
Я снова не ваша, не ваша,
Не ваша на тысячу лет!

Не ваша по силе смятенья,
По яркости снов наяву.
Я снова в других измереньях,
В других озареньях живу.

День поэзии 1967

ЖИЗНЬ

Не была ты мне страданьем,
Счастьем тоже не была.
Раскаленным ожиданьем,
Ожиданьем добела.

Невозможно в самом деле,
Душу сжавши в кулаке,
Так вот вечно на пределе
И всегда на волоске...

День поэзии 1968

Боюсь я дара своего:
В нем ненависть — любви сильнее,
Но, совладать с ним не умея,
Писать не смею ничего...
Умолкнет вздыбленная гордость,
Тщеславия змеинный свист,
И как из почки юный лист —
Так песня вырвется из горла!

День поэзии 1968

Каждый вечер
 в телевизоре
Все стреляют
 и бомбят.
То вблизи гудит,
 то издали
Год подряд
 и жизнь подряд,
Каждый вечер,
 в каждой комнате —
Помни, помни, помни,
 помните!
Все — от малого
 до старого,
До больного
 и усталого.
Каждый вечер,
 как в осаде,—
Ради бога,
 бога ради...

День поэзии 1981

СВАДЬБА В КАХЕТИИ

Где еще такое небо, небо цвета чернослива?
Где еще луна такая, будто женщина в соку?
Словно кахетинский поезд, утро тронулось лениво,
Ночь до гор гналась за мною и клубилась на скаку.

Вспоминаю стол накрытый — груды дынь и яблоч груды,
И на блюде поросенок, и в глазах соседа хмель.
И дома под черепицей, как грибы, растут повсюду,
А над ними только звезды, голубые, как форель.

Гости пьют, и я с гостями, мы не пьем поодиночке,
И зрачки мои, сужаясь, видят все издалека.
Вот столы от нас уходят, превращаясь просто в точки,
Словно буйволы уходят, лишь вздымаются бока.

Раздуваясь, как волынка, пьет жених, да не напьется,
Даже целой Алазанью не напиться жениху.
У гостей и у хозяев хванчкара по жилам льется,
И кузнечики стрекочут в лад грузинскому стиху.

Вот застолье опустело, песни начисто иссякли,
Словно грозди винограда выжали наверняка.
Только вижу — пролетают журавли, а может, цапли,
Будто дюжину тарелок зашвырнули в облака.

Каждый фрукт в саду сияет, каждый фрукт поименован.
И приятно мне с похмелья слово кислое «кизил».
А жених заснул, как будто на клеенке нарисован,
Загулявший Пиросмани нам его изобразил.

День поэзии 1978

Вадим Бродский

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

1909—1966

ПОЭТУ

Мы знаем — будет странный час
И по домам пойдут солдаты,
Но мы не знаем, кто из нас
Дойдет живым до этой даты.

А если все же доживем,
Друзьями станут нам едва ли
Те, кто о мужестве своем
В бомбоубежищах писали.

Им нелегко пришлось в домах,
Но был мужчиною, поверьте,
Не тот, кто смерти ждал впотымах,
А тот, кто шел навстречу смерти.

День поэзии 1956

Из цикла «Пикассо»

БЕССОННИЦА

...А тот, кто в искусстве своем постоянен,
Кто дерзок в раздумьях и ереси прочей,—
Его никогда не боялся крестьянин,
Его никогда не боялся рабочий.

Боялись его короли и вельможи,
Боялись попы, затвердившие святцы,
И если подумать, то — господи боже!—
Его кое-где и поныне боятся.

День поэзии 1962

ДЕВОЧКА НА ШАРЕ

Не тогда ли в музее — навеки и сразу,—
В зимний полдень морозный и синий,
Нас пронзило отцовское мужество красок,
Материнская сдержанность линий.

Не тогда ль нас твое полотно полонило —
Благодарных за каждую малость:
Мы видали, как вечная женственность мира
Из мужского ребра создавалась.

Но не думали мы про библейские ребра,
Просто нас — до плиты до могильной —
Научил ты, что сила становится доброй
И что нежность становится сильной.

День поэзии 1962

О ПЕРЕВОДАХ

И. Н. Конраду

Для чего же лучшие годы
Продал я за чужие слова?
Ах, восточные переводы,
Как болит от вас голова!

А. Гарковский

Уж если говорить о переводах,
Которым отдал я немало лет,
То этот труд — как всякий труд — не
отдых,
Но я о нем не сожалею, нет!

Он был моей свободой и волей,
Моею добровольною тюрьмой,
Моим блаженством и моею болью,
Сердечной болью, а не головной.

Пытаясь современными словами
Перевести восточный старый стих,
Я как бы видел древними глазами
Тревогу современников своих.

И так я сжился с опытом столетий,
Что, глядя на почтенных стариков,
Невольно думалось: ведь это дети —
Я старше их на столько-то веков!

День поэзии 1963

ПОЭТ

Есть у туристов горные маршруты
Небезопасные: на их пути
Подъемы тяжелы, тропинки круты,
И только храбрый может там пройти.

Но на вершине снежно-серебристой,
Под ветра улюлюканье и свист,
Ты видишь: все-таки они туристы,
А ты — какой ни есть — но альпинист.

День поэзии 1963

Холод ранней весны
И спокойствие русской равнины...
А уж очи ясны,
А уж белые руки невинны,

А строга-то притом,
Лишний раз улыбнуться не смеет,
Да на пальце своем
Материнский подарок лелеет.

Золотой талисман
До того уж хорош оказался,
Что любовный туман
Никогда ее дум не касался.

Ни тревог, ни вестей,—
Белый свет и без них интересен,
Только встретился ей
Сочинитель безнравственных песен.

Молод был человек —
Сочинитель, мечтал он о многом,
И провел бы свой век
Он, скитаясь по дальним дорогам.

А теперь, говорят,
Проживает с прошедшей недели
Там, где домиков ряд
Окружают лишь сосны да ели.

Ни тревог, ни вестей,
День плывет — не студен и не ярок.
Бережет от страстей
Золотой материнский подарок.

1941

День поэзии 1969

МИРУ — МИР

М и р — особое русское слово,
И в обоих значеньях его,
Взятых вместе,— он жизни основа
И грядущего дня торжество.

Пусть не только народы и страны
Сохраняют его на земле,
Пусть он будет царить постоянно
В каждом доме и в каждой семье!

1961

День поэзии 1977

МИХАИЛ ГОЛОВЕНЧИЦ

ДЕЖУРСТВО

Надет аккуратно халат,
Горят ночники в коридоре.
У тесных притихших палат
Сидит она, окна зашторив.

И ей — медсестре молодой,
Колючей на вид недотроге,—
Ей первой сражаться с бедой
И в бой выступать по тревоге.

В дежурстве ее непросто
Понять покоя непрочно,
И сестринский столик постом
Зовут удивительно точно.

День поэзии 1975

БАБОЧКА

Упрямо бьется о стекло,
Ломают слабенькие крылья,—
Там, за окном, светлым-светло
И до огня — одно усилие.

Она живет одним лишь днем,
Но в этот час понять ей надо,
Зачем меж нею и огнем
Легла прозрачная преграда.

Ни сожаленья нету в ней,
Ни страха смерти, ни сомненья —
Лишь жажда света, что сильнее
Инстинкта самосохраненья.

День поэзии 1978

Идет переулком точильщик ножей,
Слилась с ним станочная рама,
Вдоль старых громад — городских
этажей —
Идет он неспешно и прямо.

Он смотрит на окна в закатном огне,
И, как неотвязная думка,
Висит на плече на потертом ремне
Военная старая сумка.

Как будто и нового нет ничего —
Знакомая эта картина.
Но только вот сумка. Быть может, его,
А может, осталась от сына...

День поэзии 1980

СТАЛЕВАР

Как горяча неистовая лава,
Что человеку смелому под
стать,
И только он один имеет право
Ее своим творением назвать.

И он стоит спокойно у мартена,
Не ведая, как власть его

крепка,
И пусть моря ему не по колено,
Но по плечу кипящая река.

День поэзии 1982

Дмитрий Титов.
«Крюков канал»

Ребенком,
на ногах дугообразных,
я вышел на проспект
и стал — проходим.
Обыскивала мама
понапрасну
парадные.
Но не было похожих
ни на меня,
ни на мою улыбку,
с которой я,
разинув рот, шагал.

Мелькало солнце
золотою рыбкой
среди небесных
плавающих скал.
Я уходил
доверчиво-упрямо
в неведомые
дальние края...
Меня теряла
собственная мама,
а находила —
Родина моя.

День поэзии 1963

Нынче ночь сырая.
Ночь как яма.
Напишите мне письмишко,
Мама...
Не ходите, мама, нынче
В гости,
Напишите...
В синий ящик бросьте.
Если адрес мой попал в корзину,
Напишите просто: Север, сыну.
Отчим сам
Пускай готовит
Ужин.
Напишите,
Мне ваш почерк нужен,
Запах ваш от присланной бумаги.

...Первым снегом засыпает
Лагерь —
Наши две притихшие палатки...
Напишите,
Не играйте в прятки.
Сын у вас бродяга, невидимка,
Но и вы — как призрачная дымка.
Напишите, разгоните тучи.
Нам обоим сразу будет лучше.

День поэзии 1964

Посмотрите на эту березу,
на ее безобразную позу.
Как стоит она лихо,
дурнушка!..
Рядом с ней — процветает избушка.
Точно хлебец румяный —
строенье.
А береза — само неуменье
красоваться...
И шея кривая.
А на фоне того каравая
ей и вовсе, сопливой,
не место.
Но береза
бывает — невестой.
Нет ей дела до пышной халупы,
что пропахла гороховым супом,
что трещит от тепла и картошки...
Не береза, а радость на ножке!

День поэзии 1970

Розовела вода в свеженалитых лужах.
Молодая кобыла в пространстве умытом
пробегала, сжимая пушистые уши,
колотя по воде сумасшедшим копытом!

Молодая трава на глазах удлинялась,
вылезая наружу из мрака отверстий.
Молодая земля, как волчица, линяла,
обрастая на солнце зеленою шерстью.

Убегала дорога рассвету под брюхо,
над дороною птицы вершили балеты...
А внизу на дороге стояла старуха,
и была она внешне — древнее планеты.

на тот моторный,
бетонный улей...
Проезд Восторгов,
тупик Раздумий.
Они похожи,
как сказка с былью,
как дух таежный
с квартирной пылью.
Аллея Тайны,
фонтан Беседы...
Мои названья
моей Планеты!

День поэзии 1983

Татьяна Мезерина.
«Китайский дворец»

НАТАЛИЯ ГРУДИНИНА

ШЕСТОЕ ЧУВСТВО

Пять чувств от рожденья дала мне
природа,

Чтоб жизнь ощутить сполна,
А чувство шестое — особого рода —
Дала мне моя страна.

Бесценным подарком она к изголовью
Его положила мне.
То чувство зовется великой любовью
К великой моей стране.

Но есть у любви моей жесткое свойство:
Вседневно горит во мне
Мое размышленье, мое беспокойство:
А так ли служу стране?

А может, себе я прощаю такое,
Чего не простит страна?
А может, люблю — и, на том успокоясь,
Не делаю, что должна?

А может быть, хитрой корысти в угоду
Я трачу свой гнев, свой пыл?
А может, такую ищу работу,
Чтоб меньше потратить сил?

Да будь я неладна с моею любовью,
Коль в этом повинна я!
Пусть строки мои отнесут к пустословью
Сограждане и друзья,

Пускай обойдут меня чашей застойной
На честном мирском пиру,
Пусть будет руке моей жарко и больно,
Едва прикоснусь к перу!

Потребуй, отечество, щедрого дела
От щедрой моей любви.
И если я что-нибудь недоглядела —
К ответу меня зови.

День поэзии 1964

БЕРЕГИ ДЕТЕЙ

Современник мой, беспокойный друг,
Кто уже не юн и еще не стар,
Чья груба ладонь и тепла ладонь,
Кто ходил в огонь и гасил пожар!

Современник мой, кто растит детей
Для гражданских дел, для рабочих дней,
Я тебя прошу, как себя прошу, —
Каждый день и час береги детей.

Подросли, ушли — не спускай с них глаз!
Их пытливый ум — до поры не ум,
Их с прямых путей поманит не раз
И фальшивый блеск, и тщеславный шум.

Береги детей от молочных рек,
От кисельных тех берегов, где ждет
Их сперва хмельной, озорной успех,
А вослед беда, не спросясь, придет.

Береги детей, не пускай в дома
Тех шальных друзей, чей совет нестрог,
Не дари тех книг, где безверья тьма,
Как бревно, лежит поперек дорог.

Береги детей — даже взрослых, да! —
От фальшивых дум, фантазерской лжи,
Но не будь к ним зол: их душа горда,
Горечь бранных слов на узде держи.

Не хвались и сам сединой своей,
Не упрямясь там, где они правы,
Ибо юность — власть, и доступно ей
Сделать то, что ты не сумел, увы!

День поэзии 1965

В ЧУЖОЙ ИЗБЕ

Избу чужую на сезон
Снимаю каждым летом...
Жену когда-то выгнал вон
Мужик из хаты этой.

С тех пор он малость не в себе,
Весь год живет в сарае.
Одно понятие об избе —
Изба моя сырая.

Стоит погода — черт-те что,
И ветер у колодца
Деревья гнет, и ломит то,
Которое не гнется.

Когда же молния в окне
Запляшет бесновато,
Идет непрошено ко мне
Смурной хозяин хаты.

Чинит пристрастный мне допрос,
Честит гулящей бабой,
И красный свет с его волос
Дождем стекает на пол.

Велик и грозен, словно бог,
Стучит сукастой палкой,
И вдруг осядет на порог,
Беспомощный и жалкий.

Я не гоню его взашей.
Терплю его приходы.
Из перекошенных траншей
Его безумье родом.

Из немудреного вранья
В ее коротких письмах,
Да из неждущего жилья,
Да из уверток лисьих...

Один зажил — не затужил.
Другие — что ж, простили...
А этот вот заспинной лжи
Рассудком не осилил.

На все ему достало сил,
На все, а на такое —
И разлюбить не разлюбил,
И не махнул рукою.

Полнеба залито войной,
Ее трескучим светом...
Все лето я чужой виной
Болею в хате этой.

А за окном потоп, потоп,
И ветер у колодца
Деревья гнет, и ломит то,
Которое не гнется.

День поэзии 1969

Татьяна Мезерина
«Аларчин мост»

ГРОЗА

Прошла гроза над крышей дома
И, не коснувшись дел людских,
Была слияньем грома с громом
Высоких улиц городских.

Пророкотала залпом грозным,
Ничью не растревожив быть,
И отнеслась к грозе серьезно
Одна пришибленная пыль.

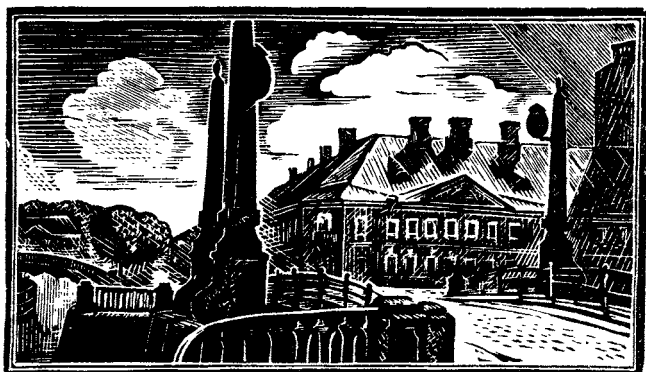
Вот если бы и мне одеться
В защитный камень и металл,
Чтобы никто не ранил сердца
И совести не волновал,

Чтоб все, что кривдою порочной
Мешает мыслям и трудам,
Безвредно уходило в почву
По заземленным проводам.

Но мне не выпала защита
Ни стен, ни кровель. Мне в грозу
Простоволосо и открыто
Стоять, как дереву в лесу,

В сраженьях равных и неравных
Не верить чопорной броне...
Ну что же... Каменное — камню,
А человеческое — мне.

День поэзии 1970

КИНОФИЛЬМ О ВОЙНЕ

Я видел кинофильм одной страны,
Которая почти не воевала,
Которая смеялась, танцевала,
Пока мы задыхались от войны.

Я видел кинофильм одной страны:
Чтоб как-то отразиться ей в эпохе,
Она сегодня собирает крохи,
Которые кидала в пасть войны.

Вот эпизод:
Откопана винтовка.
Вот эпизод:
Подброшена листовка,
Вот на дорогу свалено бревно...
Похоже все,
Все выписано ловко,
Все вспомнено, раздуто, зачтено...

Я не хочу обидеть их народа,
Но если все припомнит мой народ,
То будет фильм длиной в четыре года,
Где страшен правдой
Каждый эпизод!

День поэзии 1963

ОСЕНЬ НА ПИСКАРЕВСКОМ

Проливная пора в зените,
Дачный лес почернел и гол.
Стынет памятник,
На граните —
Горевые слова Берггольц.

По аллеям листва бегом,
Память в камне,
Печаль в металле,
Машет вечным крылом огонь...

Ленинградец душой и родом,
Болен я сорок первым годом,
Пискаревка во мне живет,—
Здесь лежит половина города
И не знает, что дождь идет.

Память к ним пролегла сквозная,
Словно просека через жизнь.

Больше всех на свете,
Я знаю,
Город мой ненавидел фашизм!

Наши матери, наши дети
Превратились в эти холмы...
Больше всех,
Больше всех на свете
Мы фашизм ненавидим.
Мы!

Ленинградец душой и родом,
Болен я сорок первым годом.
Пискаревка во мне живет.
Здесь лежит половина города
И не знает, что дождь идет...

День поэзии 1966

ИЛЬИН

Пролетела мимо окон
бездна красок и картин.
По дороге, ненароком
Я узнал про вас, Ильин.
И с тех пор живу, поверьте,
то в надежде, то в тоске:
неужели вы от смерти
все еще на волоске?..

Елки лапами качали,
Речка Луга протекла.
Две прекрасные печали
ничего не замечали
и который час молчали
у летящего стекла.
Были женщины похожи
на усталых балерин.
Вдруг одна сказала: «Боже,
только б выжил мой Ильин...»
Но вторая вслед за нею,
бледных рук ломая лед:
«Пусть же солнце почернеет,
если мой Ильин умрет!..»

Тихий голос заклинанья,—
сердца выстраданный крик.
И в заоблачном тумане
солнце дрогнуло в тот миг...

Вышли женщины за Псковом,
и остался я один,
не гадая, кто вы, что вы,
что у вас стряслось, Ильин.

О своем я думал, каюсь,
в жизни был такой момент:
мне приснилось, показалось,
что любви на свете нет.
Мне еще глядели в душу,
над судьбой моей скользя,
дефицитной венской тушью
удлиненные глаза...

Но твоей платформой, Остров,
меж вещами и людьми,
шли две женщины, как сестры,
не соперницы, а сестры,
как знаменье боли острой,
как пожар одной любви...
И отныне, где бы ни был,
на заре окно открыв,
я гляжу с тревогой в небо,
солнце вижу —
верю — жив!

День поэзии 1972

Не поэтов берегите
на своем крутом веку,
а метафору, эпитет,
гениальную строку.

Не поэтов берегите,
пусть уж Время
им судьей.
Вы себя не бередите
их внезапно судьбой.

Вечно их слова берите
в вашу песню
или речь.
Ну а их не берегите.

Разве можно их сберечь?..

День поэзии 1972

*Татьяна Мезерина.
«Львиный мостик».*

Злые встречи с войной
до скончания века
на дорогах любимых предназначены мне.
Я в Осетии
видел лицо человека,
потерявшего семь сыновей на войне.

Он считал имена
жестяными губами,
и покоя не знал его ищущий взгляд.
А недавно скончалась вдова на Кубани,
на войне потерявшая
девять ребят...
Будь десятый, она б и десятого сына
в белой хате своей
удержать не смогла...

Даже слушать об этом — и то непосильно,
от рассказов душа выгорает дотла.

День поэзии 1973

ДВОЕ

Великолепны праздники любви.
Живет меж нас молоденькая пара,
он — сильный парень,
а она — как пава,
легко несет все перышки свои.

Ослеплены друг другом и горды,
идут вдоль моря — дети или боги —
и вслед себе — еще бы! — слышат вздохи,
аплодисменты листьев и воды.

Мир открывать по-новому вдвоем!
Но почему глаза твои печальны?
Глядишь вослед любви первоначальной,
а голова кружится о своем?

Вслед за тобой и я сказать бы мог,
что это счастье легкое — тревожит,
что этой глине нужен сильный обжиг,
глубокий след,

пожизненный ожог.

Должна освободиться красота
от детскости, пустого мельтешенья,
ей не к лицу любая суета,
а ей к лицу лишь звездное движенье.

Но эти двое воскресить смогли
иное диво, из иной эпохи,
когда и нам вослед летели вздохи,
аплодисменты моря и земли...

День поэзии 1974

РЕДАКТУРА

Я женщине сказал, что я — плохой,
Со мной, сказал, утратишь ты покой,
я бью детей, не отдаю долги,
могу сбежать, могу ударить лошадь...
Но женщина ответила «Не лги!
Ты лучше всех! Я верю: ты хороший!»

«Да-да! — воскликнул я. — Все так и есть!
Всего дороже истина и честь,
борьбе за честность посвятил я жизнь
и не сверну с намеченной дороги!..»
Но женщина ответила: «Заткнись!
Устала я считать твои пороки...»

И стал я ни хороший, ни плохой,
ни белый и ни черный — никакой.
И женщина довольна, но ворчит,
спокойно жить ей что-то все ж мешает:
о чем он дни и ночи все молчит
и что он, притаившись, замышляет?!

День поэзии 1982

ЭЛИДА ДУБРОВИНА

ЯРОСЛАВНА

Я сегодня тревожная, ласковая...
Дай мне руку, не уходи.
Слышишь — снова, листву прополаскивая,
Шелестят ночные дожди.

Ты погладь мои косы спутанные,
Милой ладою назови...
В черном небе сгорают спутники,
Как сердца на кострах любви.

За священными синими реками
Плачут звонницы на Руси.
Это всем не вернувшимся реквием,
Всем погибшим в расцвете сил.

Память крови — острее в сумерках.
В ней — тоска, ликование, грусть.
Я ушла от праздных и суетных,
И теперь — только ты и Русь!

Память крови — озноб и бессонница...
Ты прислушайся не дыша:
Через смуту веков мчится конница
От Каяла до Сиваша.

Я склонюсь над тобой, счастливая...
Грянет солнце последнего дня,
Я тебе приведу златогривого,
А себе вороного коня.

Покачнусь, как былинка тонкая,
И погасну тихой звездой.
Ворон, ворон, пошли вороненка
За живой и за мертвой водой!

Пенный Волхов бежит из Ильменя.
Близок бой. Кружит воронье.
Обними меня, положи меня,
Как печать, на сердце твое.

День поэзии 1973

НА БЕРЕГАХ ДОНЦА

Как странно мне у этих берегов
Стоять и слушать вещей шум дубравы,
И думать о делах минувшей славы,
Величии Траяновых веков.

Как жутко мне в могучем забытьи
Воссоздавать трагические даты
И вспоминать моей земли утраты,
И забывать скитания свои.

Такой покой немислимый кругом...
Скажи, чем ранишь сердце, Украина?
В шемящий, древний путь зовет равнина
За Кременецким сказочным бугром.

Молчи! Стрибог! В шумящих тополях
Неизреченной негой веет воздух...
Но, как река времен, темно и грозно
При свете звезд течет Изюмский шлях.

Оттуда шли предвестники беды,
И наша кровь об этом не забыла!
И чудится — за гривой чернобыла
Крадутся вновь лазутчики Орды.

А знойный ветер пахнет чебрецом,
А там, в садах, прибежище прохлады,
И звезды осыпаются в левады,
Огнем переливаясь над Донцом.

Плывут, плывут над родиной века,
Как думы гусяров, как сновиденья...
Стрел Кончака пронзительное пенье
Уже не слышат степи и река.

Не станов половецких огоньки —
Огни плотин окрестность осветили,
И скорбный плач не слышится с Путивля,
Не кличут князя Игоря полки.

Лишь гул машин и тихий всплеск волны
Послышатся в ночи и стихнут снова...
Но нам родства не позабыть святого.
Так вейте, вейте, ветры старины!

Чтоб вечно помнить славы имена,
Чтоб чудилось, как, плача в поле диком,
О золотое стремя бьется с криком,
Рассыпав косы, светлая жена...

День поэзии 1977

СРЕДИ ДОЛИНЫ РОВНЫЯ

«Среди долины ровныя...» — издалека послышится,
Тревожным зовом родины до сердца долетит.
Сгорел костер у заводи, и к ночи легче дышится,
А где-то в даях памяти могучий дуб шумит.

Далекое, забытое — к теплу, горя, тянется,
Как будто мать у ростани все кличет сыновей.
И что там, в поле пасмурном, привиделось, туманится?
Зачем тоска по родине среди родных полей?

Какая власть у песни той, и сила в чем — неведомо.
А мне одно припомнится, и сердце вдруг замрет:
Среди долины ровныя стоит деревня дедова,
За пряслом покосившимся — изба и огород.

Среди долины ровныя у старой колоколенки
Бензином пахнут сумерки, буксуют трактора,
А у крыльца заросшего кивают колокольчики,
И окна заколочены, и тихи вечера...

Среди долины ровныя уснули в поле воины,
Все сверстники, все ровнюшки по веку и судьбе...
Когда б родиться снова мне, когда бы дали волю мне,
Лишь ту деревню родиной я выбрала б себе.

«Среди долины ровныя...» — издалека послышится,
Тревожным зовом родины до сердца долетит.
Сгорел костер у заводи, и к ночи легче дышится,
А где-то в даях памяти могучий дуб шумит.

День поэзии 1975

*Ася Векслер.
«На улице Фурманова».*

МИХАИЛ ДУДИН

ДА, Я СОЛДАТ...

Да, я солдат. Завидуй мне. Дивись.
Я принимаю всех обид упреки.
Мне плоть и душу вымотала жизнь,
Восторги века и его пороки.

Я дал в блокаду верности обет,
И, с музой оставаясь без обеда,
Я видел кровь, взлет разума и бред —
Все, чем жила и мучилась Победа.

Да, я солдат. Все шло через меня:
Остуда века и его отрада,
Сияние рассветного огня
И пепел водородного распада.

Предательство и чести правый суд,
Страсть поцелуя и мороз измены.
От стронция эпохи не спасут
Искусства бронированные стены.

Да, я солдат. Я возводил мосты.
Душа — в рубцах, и на руках — короста.
Возвышенные истины просты,
Да только их осуществлять не просто.

Я трубачом и плакальщицей был.
Меня несли бессилие и сила.
Я женщину без памяти любил, —
Она меня еще не позабыла.

Да, я солдат. Живущее любя,
На перекрестках памяти непрочной,
Как листья клен по осени, себя
Идушим дальше раздаю построчно.

В бреду ночей и в сутолоке дней
У мысли есть одна первопричина:
Чем выше — тем труднее и сложнее.
И все-таки да здравствует вершина!

Да, я солдат. И мой угрюмый страх
Живет во мне, как жизнь в подножном
прахе.

И песня леденеет на губах,
Как свет звезды на снежном Карабахе.

Пусть упаду седой горе на грудь,
Но солнце вспыхнет огненным раструбом,
И кто-то вновь продолжит этот путь,
Цепляясь за уступы ледорубом.

День поэзии 1969

ПИСЬМО КАЙСЫНУ КУЛИЕВУ

Кайсын, мне хочется в Чегем,
Под своды старой сакли.
Там угли в низком очаге
И хворост не иссякли.

Там мягок легкий мех козы,
И мы, присев на шкуре,
Поговорим о днях грозы
И предстоящей буре.

И во главу угла стиха
По мановенью ока
Поставим посох пастуха,
Как инструмент пророка.

Стадам овец нужна трава
И в полдень тень чинары.
А нам с тобой пасти слова,
Как звездные отары.

Потом сгонять от ледников
В долины гурт овечий
На перекресток всех веков
И всех противоречий.

Чтобы над пропастью пустынь
Одна спаяла фраза
России трепетную синь
И седину Кавказа.

Чтоб мы воочию смогли
Иные видеть дали,
Как сыновья одной земли,
Одной земной печали.

Чтоб наше слово мир, как цель,
Держало на примете,
Чтобы играло, как форель
В Жилге при лунном свете.

День поэзии 1972

ПРОЩАЯСЬ С ВЕНЕЦИЕЙ

В. Н. Орлову

Венеция уходит. Не тревожь,
Венеция дождей и старых дождей,
Смущавшей оборванцев и вельмож
Осанкою и золотистой кожей.

Венеция уходит в глубину,
Венеция скрывается из виду,
Перечеркнув старинную вину
И позабыв последнюю обиду.

Венеция уходит навсегда.
Несет волной разбитые подмости.
И куполом смыкается вода
Над рыжим завихрением прически.

Там в изумрудном забытии воды
Ее кольцо колышется неярко,
И медленно смываются следы
Моей любви с камней Святого Марка.

Венеция! Уходит страсть и статья.
Сестра моя, а мне куда податься?
Венеции положено блистать.
Венеция устала торговаться.

Венеция уходит. На канал
От железнодорожного вокзала
Оплакивать последний карнавал
Последняя гондола опоздала.

Парада нет, и пушки не палят.
Обманутая временем жестоко,
Венеция уходит в Китеж-град,
Как женщина, легко и одиноко.

Горит ее пленительная прядь,
Причесанная солнцем над волною.
...О чем ты призадумалась? Присядь.
Когда мы снова встретимся с тобою?

День поэзии 1972

Я прожил жизнь не одиноко.
И капля моего труда
В кипенье бурного потока,
А не в спокойствии пруда.

Я словом подвиг друга славил
И замыкал в упругий стих.
Я память о себе оставил
В судьбе товарищей своих.

И то, что жил я не напрасно
И не напрасно принял бой,
За мной идущие прекрасно
Докажут собственной судьбой.

День поэзии 1974

НОЧНОЕ НЕБО

Подняв глаза, застынем, пораженные:
Над нами,
Неподвластное судьбе,
Ночное небо густонаселенное.
Так много звезд,
Что мне не по себе.
Галактика
Бездонная,
Зовущая.
Так много звезд,
Что я затосковал.
На век так мало времени отпущено,
А я —
Ни на одной не побывал.

День поэзии 1976

ВЯЗОВСКОЕ

Порой тоска житейской прозы
Нас держит крепче якорей.
...Грустит сирень. Пасутся козы
Над прахом матери моей.

Могила стоптана. Ограда
Растащена по кирпичу.
Что мне на этом месте надо?
Чего ищу? Чего хочу?

Я — здесь! Но я уже не здешний.
Здесь все забыло про меня,
Пока я шел сквозь ад крошечный
Двух войн, блокады и огня.

Пока среди сестер и братьев,
В кровавом месиве дорог,
Я душу матери растратил
И эту память не сберег.

Я выйду в рожь. В родное поле.
В седое, как мои виски.
И рухну, выплачу на воле
Всю горечь страха и тоски.

И, может быть, из сердца прянут
Слова, как птицы из силка,
И мне в глаза мои заглянут
Два материнских василька.

День поэзии 1977

ПАМЯТИ МИХАИЛА ЛУКОНИНА

Прощайте! Уходим с порога,
Над старой судьбой не вольны.
Кончается наша дорога,
Дорога пришедших с войны.

Прощайте! Со временем вместе,
Накатом последней волны,
Уходим дорогою чести,
Дорогой пришедших с войны.

Уходим... Над хлебом насущным —
Великой Победы венец.
Идем, салютуя живущим
Разрывами наших сердец.

День поэзии 1977

ОЧЕНЬ ПРОСТЫЕ СТИХИ

Как яблоко на блюде,
У нас Земля одна.
Не торопитесь, люди,
Все выскрести до дна.

Не мудрено добраться
До скрытых тайников,
Разграбить все богатства
У будущих веков.

Жир жаден и бездарен,
И беспощаден жир.
И жиром разбазарен
И предан будет мир.

Мы общей жизни зерна,
Одной судьбы родня.
Нам пировать позорно
В счет будущего дня.

Поймите это, люди,
Как собственный приказ,
Не то — Земли не будет
И каждого из нас.

День поэзии 1981

Что-то страшное в мире творится.
Что-то в мире от мира таятся,
Мир в тревоге не спит по ночам.
И гордец человеческий разум,
Словно робот, послушный приказам,
Продолжает служить палачам.

Может, скорость мечту укачала,
Может, спутало время начала,
По дорогам познания спеша.
Может, вправду достигла предела,
В философии общего дела
Разуверясь, живая душа.

Что-то в мире случилось такое,
Что забыл человек о покое,
О делах, подтверждающих речь.
И всеобщий закон беспокойства
Растерял благородные свойства
Человеческий праздник беречь.

Но издревле донине на свете
Перед прошлым с грядущим в ответе —
Человек человеку родня.
И воистину распри и войны
Мы, как боги, оставить достойны
За порогом вчерашнего дня.

День поэзии 1982

Соломон Юдовин.
«Ленинград в дни блокады».

НИКОЛАЙ ЕВСТИФЕЕВ

1914—1980

Старый чукча спросил: «Угадай-ка, чем он может стать, этот щенок?» — «Не подойдет, так вырастет лайка!» — это все, что ответить я смог.

«Ты, приезжий, недобрый, однако (собеседник нахмурился вдруг), для тебя это только собака, а для жителя Севера — друг!

Видишь: острая, хищная морда, взгляд смысленый, ступня широка, перед сильными держится гордо — нет вернее примет вожака!

Раз уж хочешь, скажу откровенней: если в гундру поеду я, там за него мне дадут трех оленей, но и за десять я не отдам!

Мы собак заводили для дела, шибко темный ты: споришь со мной, а ведь знаешь, что лайка летела раньше всех по орбите земной!»

На губах его злая гримаса,— дескать, спорить нелепо о том... Он ножом режет мерзлое мясо: псу сначала, а людям — потом!

День поэзии 1962

БУМАГА

Деревья не напрасно умирали!
Диспетчеры отправить их спешат
по железнодорожной магистрали —
из леса на бумажный комбинат.
А там простые люди, а не маги!
И нет ни добрых фей, ни злых принцесс.
Но все-таки рождение бумаги —
таинственный и сказочный процесс.

Бумагу, вроде длинных полотенец,
машина сквозь сушильню пронесла.
И вот рулон спеленат, как младенец.

Он чист, не знает ни добра, ни зла.
Мальчишка с книгой будет спать в обнимку.
Студент получит новенький диплом.
А сукин сын напишет анонимку.
Но это все произойдет потом.

Сейчас я рад смотреть, как лесорубы
среди лесов работают в снегу.
Пусть их ладони от мозолей грубы,
но о душе так думать не могу.
Бумагу люди делают для блага.
И горе тем, кто так и не поймет,
что в наше время гладкая бумага
способна убивать, как пулемет!

День поэзии 1969

БАБУШКА

Кто проснулся в доме раньше всех,
накормил семью, помыл посуду?
Бабушка! Ей отдохнуть не грех,
но дела и люди ждут повсюду.

Дома недоверчивый малыш
снова переспросит: «Неужели
на портрете это ты стоишь,
как солдат — с винтовкой и в шинели?»

Маленькая, хрупкая на взгляд,
так откуда в ней такая сила?
Бабушка израненных солдат
под огнем из боя выносила.

Вечером придет с работы сын,
усмехнется: дескать, бодрость духа
он порой теряет без причин,
только ты — железная старуха...

Но бледнеет бабушка подчас,
если слышит, в очереди стоя:
«Молодым нигде уже от вас,
от пенсионеров, нет покоя!»

День поэзии 1974

ЛЕОНИД ЗАМЯТНИН

ГОРЫ

Уж я потерянным не буду,
Разочарованным — едва ли.
Ведь я притрагивался к чуду,
Встречал восход на перевале.

Прекрасна жизнь, и даже в горе
Ее бранить навряд ли стоит —
Все зачеркнуть,

уехать в горы
И захлебнуться высотой.

День поэзии 1972

До сих пор качают рюкзаки.
До сих пор дорога дорогá.
Собираю горы, ледники,
Лунные безмолвные снега.
Хижин антарктическую тишь,
Ветра бесприютного скулеж.
Мама, отчего же ты молчишь?
Я вернулся. Ты не узнаешь?

День поэзии 1981

Андрей Ушин.
«Карельский перешеек»

МЫ С ТОБОЙ

Мальчишка Фебу гимн принес:
— Мне говорили — ты умелый.
Тут, может, встретишь перекося,
Поправь.
Додумай.
Переделай.

Добавь огня.
Блесни.
Воспой.
Гимн полновесный выдай людям!
И мы с тобой, само собой,
Тогда — соавторами будем!

День поэзии 1966

РАСТУТ ГОДА

Ходил мальчишка в детский сад.
Читал стихи друзьям-товарищам.
Потом, порадовав ребят,
Стал называться — начинающим.
До молодых затем дорос,
Как и положено мальчишкам...
Когда он Фебу гимн принес,
Мальчишке было сорок с лишком!

День поэзии 1966

МАЛЬЧИК ДЛЯ БИТЬЯ

Свой опус Фебу метр принес.
— Да тут поэзии не вижу,—
Феб стал чесать в раздумье нос,—
А напрямик сказать — обижу!..—
И метра Феб за хилый гимн
Вознес торжественно на вышку.
А розгами на страх другим
Нешадно высекли мальчишку.

День поэзии 1966

НАТАЛИЯ КАРПОВА

Годы как проходные дворы,—
Прохожу их насквозь, возвращаюсь...
Но уже выхожу из игры
И с друзьями почти не встречаюсь.

Я в дороге отстала от них,
Может быть, пропустила удачу
И годами пишу черновик,
А они уж решили задачу.

День поэзии 1972

Случайные встречи
 вернее задуманных встреч,
Как будто сличаются
 мысли, и души, и речь.
А коль оборвутся,
 сотрутся слова, имена —
Легко усмехнуться,
 ведь это ж случайность сама.

День поэзии 1972

КОГДА РАЗВОДЯТСЯ МОСТЫ

Ты видел, как разводятся мосты?..
Неспешно, плавно поднимают крылья —
И замирают.

 Словно нет усилья,
Естественны движенья и просты.

Так ночь за ночью,
 путь открыв судам,
Как бабочки, парят мосты ночные.
И кажется, паришь душою сам,
Обнять пытаюсь берега речные.

День поэзии 1980

СЕРГЕЙ КАШИРИН

АВИАЦИИ РЯДОВОЙ

И до сих пор иные люди
Под нежным крылышком жены
Твердят, что было так и будет:
Мы все к земле пригвождены.

Мол, и того, кто рвется к звездам,
Как и того, чья жизнь тиха,
Потянет рано или поздно
К теплу земного очага.

Таких романтика не манит
Туда, где шторм, где ветер лют.
Готовясь к старости заране,
Они с расчетом гнезда вьют.

Они блаженствуют в уюте,
В плену дремотной тишины.
Но есть же, есть на свете люди,
Что для полета рождены!

И как бы там ни толковали,
Совсем не слава, не почет —
Влекут их взвихренные дали,
Простор космический влечет.

И счастлив я, что, взмыв над миром
В строю пилотов рядовым,
Лечу не праздным пассажиром,
А окрыленным рулевым.

День поэзии 1976

Борис Смирнов
«Иоанновский мост»

БРОИСЛАВ КЕЖУН

Мне приснилась ночная дорога,—
Будто вновь на далекой войне
Орудийный взрывается рокот,
Самолеты гудят в вышине.

Свет ракеты горит, не сгорая...
Пуля смертная песню поет...
Это чувство переднего края
Через время сигнал подает.

Долетело до нашего тыла,
Хоть, казалось бы, стало старо...
Годы шли, а оно не остыло
И сегодня все так же остро.

И все так же, как в давние годы,
Как в родимом гвардейском полку,
Под ногами — дороги походов,
И планшетка всегда на боку.

И опять, о друзьях вспоминая,
Мы походные песни поем...
Это чувство переднего края
Бьется в сердце твоём и моём.

И зовет, и горит, не сгорая,
Как летящая в небе звезда...
Это чувство переднего края,
Как в бою,— до конца, навсегда!

День поэзии 1971

На ветру неугомонном,
Осеня Ленинград,
Знаменитые колонны
На Васильевском стоят.

Подошли к воде поближе
И хранят свой вечный пост...
Справа — Фондовая биржа,
Впереди — Дворцовый мост.

Мне милы колонны эти,
И в любые времена
В чуть синеем рассвете
Я их вижу из окна.

Кораблей старинных ростры
Рвутся в мир береговой...
Словно каменные сестры
Две колонны над Невой.

Две подруги дорогие.
И сегодня, как всегда,
Ходят люди молодые
На свидание сюда.

И, подобно тем влюбленным,
Как к былому рубежу,
На свидание к колоннам
Иногда и я хожу.

А когда в ночном тумане
Ухожу, мечтой влеком,
Мне колонны на прощанье
Машут огненным платком.

День поэзии 1975

ОВИДИЙ

Я был в Констанце,
где крики чаек
и гул гудков...
Я помню вышки
портальных кранов
и маяков.

Когда от рейда
мы уходили
сквозь темноту,
Вдали горели
ее алмазы —
огни в порту.

Я помню зелень
садов приморских
и синь воды...
Там жил Овидий!..
Там я увидел
его следы.

Я помню площадь,
сквер и деревья
с густой листвой,
И он, печальный,
на пьедестале —
навек живой.

Он смотрит грустно,
как будто видит
судьбу свою:

Здесь, если пел он,
 он пел тоскуя
 в чужом краю!
 Чужие земли,
 чужие песни,
 чужой народ,
 Чужие волны,
 чужие звезды
 и небосвод!..
 А дух поэта —
 как белый парус
 на корабле,
 Как вольный парус,
 всегда стремится
 к родной земле.
 Нет счастья выше —
 иного в жизни
 я не приму:
 Петь песни-думы
 об отчем доме
 в родном дому!
 Нет счастья выше —
 в краю родимом
 найти покой...
 Поэт-изгнанник —
 Судьба, не дай мне
 судьбы такой!
 Я видел камень,
 мне говорили
 слова на нем:
 «Под этим камнем
 Назон Овидий
 спит вечным сном!
 И если, путник,
 хоть раз любил ты,
 вдаль не спеши:
 Остановись здесь
 ради покоя
 его души!»

День поэзии 1969

ГРОЗА

В ее трудах — размах и сила,
 В ее руках — крутая власть...
 Она пришла в спецовке синей
 И вмиг за дело принялась.

И началась электросварка —
 Слепящих вспышек череда,
 И даже небу стало жарко
 От звездоносного труда.

И в тот же миг железной птицей
 Прогрохотал могучий гром,
 А небосвод решил излиться
 Неиссякаемым дождем.

И гонит яростную воду —
 И снова молнии полет,
 Как будто росчерк электрода
 Перекрестил небесный свод.

Она, подобно огнемету,
 Слепит прохожему глаза.
 Всю ночь ведет свою работу
 Электросварщица-гроза.

День поэзии 1972

Рудольф Яхнин.
 «У Петровской кунсткамеры».

ПЕТР КОБРАКОВ

ИСТОРИЧЕСКАЯ АРКА

Над ней летит
Коней шестерка грозная.
А рядом — Зимний,
Площади разлив...
Вплела узор свой арка
В небо звездное,
Полудугой дома соединив.
За красоту ее
Спасибо зодчему.
Пред нею
Остановится любой,
Припомнив,
Как матросы и рабочие
За власть Советов
Шли на смертный бой.

Здесь каждый раз
Мне видится:
Колоннами
Идут они в грохочущей ночи,
И режут мрак над ними
Обнаженные
Прожекторов широкие мечи.
До гребней крыш
Ночь темный полог свесила...
И слышу я
В застывшей синеве
Тяжелый выстрел
Броневого крейсера,
Зарею полыхнувший на Неве.
1953

День поэзии 1967

СОЛОВЬИ

Ловили их на белых ветках.
Вдали рассвет был распростерт.
Ловили сетками и в клетках
Везли потом в аэропорт.

Пускай порадуют солисты
Людей иной, чужой земли.
Но огласить волшебным свистом
Они чужбину не смогли.

Там — эвкалипты-великаны,
Трава под «ежик» во дворе...

А им бы — русские туманы
С рекой румяной на заре.

А им бы — окна расписные
С резьбою створок по краям,
Места озерные, лесные,
Где петь — раздолье соловьям.

Где в летний зной легка прохлада,
Где стежки вдаль берут разбег,
Где что ни девушка — отрада:
Пройдет — запомнится навек.

Где пей росу на каждой ветке,
Где им волшебный голос дан...
Не зря солисты бились в клетке,
Перелетая океан.

И там, в плену рассветной сини,
С тоски попадали в траву...
И я без воздуха России,
Как и они, не проживу.

День поэзии 1966

От друга отведи недобрый слух,
Коль поползет, как снежная лавина.
Все поровну с тобою делит друг,
Притом — его щедрее половина.

Нам светит дружба словом золотым,
Душе с врагом вовек не примириться.
Шагая в жизни по путям крутым,
В тебя твой друг, как в зеркало, глядится.

День поэзии 1980

НИНА КОРОЛЕВА

Осетия, страна цветов и гор,
Ведущая на пастбища отары
Своих овец... Как эти горы стары,
Как молод гидростанций разговор
В седых горах,— и как долга дорога,
Которую, как до вершины бога,
Замедленно проходят чабаны...
Толпятся овцы, дышат волкодавы,
На пастбище поспешно спеют травы,
И в тучах ледники уже видны.
И я касаюсь этой красоты,
Где под камнями братские могилы
Твоей войны. Я занимаю силы
У осетинок, чтобы выжил ты.
У вдов-горянок слезы я беру,—
Девчонка, опоздавшая родиться,
Девчонка, опоздавшая молиться,
Чтоб выжил ты в Синявинском бору...
В горах целует женщина меня,
Царапая морщинами своими.
А я еще твое не знаю имя,
Еще твои пути, тебя храня,
Волною до меня не докатились,
И только вдовы черные молились
Уже, чтобы ты дожил до меня.

День поэзии 1969

Прожила неторопливой.
И жила б еще, жила...
— Значит, ты была счастливой? —
Нет, счастливой не была.

Я хотела жизни-сказки
При семейном при огне.
Только милый был неласков,
Неуютно было мне.

А жила я — как хотела.
Если верила — ждала.
А жалела — так жалела,
Помогала, как могла.

И считала делом чести,
Первым правилом в дому —
Не унизиться до мести
Никогда и никому.

Так живу. И глаз не прячу.
Если друг попал в беду,
За спиною не судачу,
Мимо дома не пройду.

День поэзии 1980

От любимой работы — и так уставать,
Так выматывать силы и света не видеть!
Я могла бы любимого возненавидеть,
Я могла бы ребячью судьбу прозевать...

Говорит мне подруга: «Да брось ты ее,
Сразу станет легко». Отвечаю ей: «Что ты,
Это горе мое, но и счастье мое,
Как же я без нее, без любимой работы?»

Вот разложены выписки на стеллаже.
Вот страница оборвана на полуслове.
Вот с наклейкой «Еще» и с наклейкой «Уже»
Две картонные папки лежат наготове.

И раскрыта машинка. И матовый свет
Так удобно от бронзовой лампы струится,
Что, наверное, я и родилась на свет
Для того, чтоб заполнить пустые страницы.

Ведь мое без меня не напишет никто.
«Что ты дома сидишь, замарашка и соня?
Ты не сшила пальто?» Я не сшила пальто —
И уже не сошью его в этом сезоне.

День поэзии 1981

АНАТОЛИИ КРАСНОВ

Ничто не бывает напрасным,
Лишь душу свою окрыли...
Еще мы в тоске о прекрасном —
Тревожные дети земли.

Никто не отринет от взора,
Что может быть сердцу милей:
Березовый свет с косогора
Над синей прохладой полей.

Увидеть предутренней ранью
Озерный туман в полумгле
И первой зарею сверканье
Росинки на хвойной игле.

Обыденны эти приметы.
Но если душа не мертва,
Есть добрые в мире заветы,
Есть добрые в мире слова.

Есть Родина с нежным и ясным
Названием, чистым как снег,
Есть с вечной тоской о прекрасном
На доброй земле человек.

День поэзии 1970

Не мальчик я,
но отчего душа
Младенчески подвластна
впечатленьям,
Обидам и мгновенным увлеченьям?
Средь зарослей прохладных камыша,
Близ озера, брожу я осторожно,
Ловлю стрекоз,

и так мне бестревожно,
Когда опять пускаю их в полет,
Трепещущих, попавших в переплет.
Обрызганные солнечною пылью,
Вздыхают перепончатые крылья,
И вот уже доносится до слуха:
Они летят, потрескивая сухо.
Мне кажется,
что мне тогда легко,

Все просто, я ответил на вопросы,
Засевшие мне в душу глубоко,—
Вот бабье лето,
озеро,
стрекозы.

И все-таки скажу я:
ни черта,
Минуй меня и эта простота!
А ты лети, бездумное создание,
И, если можешь, радуйся тому,
Что не твое нагружено сознание
Вопросом постоянным —
Почему?..

День поэзии 1971

Опять звезды ночной сиянье,
И с каждым часом все полней
Свое ты чувствуешь слиянье
С молчаньем леса и полей,

С той тихой нежностью и грустью,
Что в мире вольном разлита,
Когда звезда горит над Русью
И бесконечна высота.

Когда так много за плечами
И веришь — много впереди...
Когда ни боли, ни печали
И ни отчаянья в груди.

Еще декабрьскою метелью
Не занесло звезды над ней,
Твоею первой колыбелью,
Последней пристанью твоей.

День поэзии 1976

Утро прохладой умоет,
Выветрит зимние сны.
Маленький город у моря,
Взятый десантом весны.
Солнце, цветение, птицы,—
К сердцу никак не прижать..
Господи, не торопиться
И от себя не бежать.

Старые улицы узки,
Льются к прозрачной волне.
Эти подъемы и спуски
Внове и радостны мне.
Моря размеренный рокот,
Ночью прибоя удар...
Что я брожу одиноко —
Это негаданный дар,
Славное то одиночество,
Близкое с миром родство,
Необязательность творчества
И непременность его.

День поэзии 1978

Однажды порой листопада
Свернуть у Фонтанки с пути,
Аллеями Летнего сада
Легко и неспешно пройти.

Он памяти многое скажет,
Очистит и сердце и взгляд,
Когда над канавкой Лебяжьей
Прохладные листья летят.

И станут тревожнее мысли,
Как ветер над пенной Невой,
И времени желтые листья
Кружат над твоей головой.

Но ты ни на что не досадуй,
Смотри, если снова ты здесь,
На солнечность мраморных статуй
При свете открытых небес,

На ранний закат черепичный,
И четкость ограды витой,
На женщины профиль античный
Над вечно текущей водой.

И если ничто не случайно
И сам ты со временем слит,
Быть может, великая тайна
Искусства тебя осенит.

День поэзии 1980

Вадим Бродский

БАЛЛАДА О ГЛОБУСЕ

Эта быль
сурова, как расплата.
Оживает память — только тронь!
Я вхожу в балладу
как в палату,
где лежат прошедшие огонь.

В горле — горький ком,
но я не плакал:
в десять лет
я был как на войне.
Здесь, бинты срывая,
шли в атаку...
Сон и бред,
тут с правдой наравне.

Госпиталь.
Давно ль была в нем школа?
«Господи!..» — старухи крестят лбы.
За окном —
юннатский садик голый,
яблоньки от стужи голубы.

В бывшем классе,
у окна,
на койке,
высохший,
как дряхлый старичок,
в нашем классе
умирает Колька,
голубятник,
спорщик,
звездочет.

Год назад
он дрался на указках,
как на шпагах,—
чем не мушкетер!

Но война
ему вручила каску
и двенадцать пуль
почти в упор...

В бывшем классе,
голубом и светлом,
слышит он, забывшись в полусне,
немых, как ночь!

как стенают яблоньки под ветром.
Это он
сажал их по весне.

Он лежит,
всем сердцем чуя пропасть,
в госпитальном призрачном тылу.
Не мигая,
смотрит он на глобус,
что стоит, забытый,
на полу.

Старый,
в темных трещинках,
облезлый,
со скрипучей осью,
весь в пыли.
Никому не нужный,
беспольный,
жалкое подобие Земли —
той, большой,
что крутится устало
с блиндажами,
с пеплом городов,
с братскими могилами,
с крестами,
с огневою трещиной фронтов.

А солдат глядит,
глядит на глобус,
меркнет зимний день в его окне.
Вдруг я слышу жаркий,
хриплый голос:
— Глобус!..

Слышь,
поставь на грудь ко мне!..
Крутани!..—
Я крутанул.
Как странно,
от моей

беспомощной руки
вдруг пошли кружить
меридианы,
океаны и материки...

Ожили глаза
и заблестели,
и тогда мне стало вдруг невмочь:
словно солнца,
лампочки висели
у него в зрачках,
немых, как ночь!

Там,
 в потемках,
жизнь еще вершилась,
шли бои,
 живое пепеля,
и под каждым солнышком
 кружилась
крохотная,
 круглая Земля.

...Мы могилу рыли
и тужили
в сорок... страшном,
 яроетном году.
Мы облезный глобус положили
рядом с Колькой
в Колькином саду.
День поэзии 1964

Не сложилась любовь, как песня,
или просто не повезло,
но девчонка на почте
 письма
торопливо рвала и зло.

Отвернулась, чтоб было не видно,
как изломана болью бровь.
Было горько ей и обидно,
было стыдно ей за любовь.

Чем утешить ее,
 не знаю,
ведь не скажешь, что все пройдет...
И стоит молчаливая,
 злая,
затаив
нетающий лед.

А какой-то доверчивый парень,
открывающий мир этот вновь,
о неверие, точно о камень,
разобьется однажды в кровь...

Мне не двадцать,
 не восемнадцать,
но не знаю я, как тут быть.
Лучше верить и ошибаться,
чем не верить и не любить.

День поэзии 1962

Жизнь мы прожили с тобой,
может, лучшую на свете.
Был и полдень голубой,
были дождь, и снег, и ветер.

Что поделаешь?.. Судьба!
Презирая все напасти,
повторял я про себя:
«Это — счастье...
Это — счастье!»

Умирают чувства?.. Ложь!
Воскрешу.
И околдую.
...Если даже хлещет дождь —
это я тебя целую!

Доползу до кромки льда,
долечу к звезде высокой —
да, люблю!.. И никогда
ты не станешь одинокой.

День поэзии 1979

Человек красив в полете.
И седой —
он молодой.
Приглядевшись, вы поймете:
он не властен над собой.

Над судьбой своей не властен,
хоть и спорил с ней не раз.
Это главный козырь счастья:
небо выбирает нас!

Тот, кто к солнцу взмыл однажды, —
убедился навсегда...
Утоляет ярость-жажду
не вино
и не вода.

Всей душою,
смертной плотью
небу я принадлежу.
Человек красив в полете —
только это и скажу.

—День поэзии 1975

ЛЕВ КУКЛИН

АНТЕННА

Пускай заочен разговор,—
Хочу спросить я в общем гвалте:
Как вам актерится,

актер?

Как вам считается,

бухгалтер?

Со звездами ведете ль спор,
За хлебом в булочной стоите ль,—
Как вам рубается,

шахтер,

Как созируется,

строитель?

Мир познается не из книг.
Он добрый, светлый и зеленый.
Как вам зубрится,

ученик?

Как вам влюбляется,

влюбленный?

Не спится вам — и мне не в сон,
И эта служба неизменна:
Я над землею вознесен,
Как ваша чуткая антенна.

При солнце и в полночной мгле,
Внутри квартир и общежитий,—
Как вам живется на земле?
Мне,

люди добрые,

скажите...

День поэзии 1968

СТАРЫЙ МАРШАЛ

...А как там на пенсии маршалу,
Когда отгремела война?
Когда лишь парадными маршами
Войска представляет страна?

Мундиры, что грудь облегалы,
В шкафу, словно в царстве теней,
И тускло мерцают регалии
Всех рангов и всех степеней...

Актер в кинофильмах спокойненько
Копирует маршальский жест,
И — ах! — молодые полковники
Лелеют свой маршальский жезл...

А как там на пенсии маршалу,
В огромной сплошной тишине,
Над жизнью и смертью стоявшему,—
Вновь с памятью наедине?

Отмечена всеми победами
Его на погонах звезда.
Оплачены горькими бедами
Его грозовые года.

Стратегия,

замысел,

тактика,

Сражений нелегкий конец...

Война,

к сожалению,

практика

С расходом машин и сердец!

Старик

не вдается в теорию...

Но здесь,

возле дачных перил,

На цыпочках ходит История,

Которую он сотворил!

День поэзии 1975

ПРИКОСНОВЕНИЕ К КАЗАХСТАНУ

Пронзительно красивы степняки!
По их гранитным, выветренным скулам,
Мне кажется, века проходят с гулом
И по степям топчут косяки.

А женщины казахские добры,
Их темных кос томительные струи
Звучат под жарким солнцем, словно струны
Велеречивой дедовской домбры.

Девичьих лиц изысканный овал
Казался раньше преувеличением,
Но нынче в самом правильном значенье
Их луноликость тоже я признал.

И поражен я этою землей!
Еще не знаю — как, зачем, откуда,
Но чувствую: в ночах родится чудо
Под яростной казахскою луной!

Далекie от славы и хулы,
Глядят на нас внимательные горы.
А юрты, юрты — словно пиалы! —
Стоят вверх дном на скатерти простора.

День поэзии 1980

РАЗМЫШЛЕНИЕ О ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ ИЗОБРАЖЕНИЯХ

С икон,
с фотографий,
с портретов

Великое множество лиц
Глядят на живую планету
Из-под любопытных ресниц.

Следят неотступно за нами,
Со стен никуда не спешат
И только поводят глазами,
Шелками чуть слышно шуршат...

Их жизнью исчерпаны сроки,
Но тлеет невидимый трут:

Какие-то тайные токи
От них ощутимо идут!

Да, что-то осталось,
осталось!

И я это чувствую вдруг:
Какая-то странная жалость
В их взглядах и жестах их рук.

Как воины сторожевые
У самых бессонных границ,
Не мертвые и не живые,
Они не смежают ресниц.

Вся наша работа-забота
Проходит у них на виду.
Они уже поняли что-то
В каком-то далеком году...

И часто
часами ночными,
Когда город смутен и тих,
Я молча беседую с ними
И думаю что-то за них...

День поэзии 1979

*Олег Почтенный.
«Зимний Ленинград».*

У ДОМА ЕСЕНИНА

Я вижу дом и ветлы рыжие.
Они — друзья поэта верные.
Со славою поэта вижу я
Шаги его по жизни первые.

Сливается в одно на родине
С мечтою явь, с великим — малое,
Как за плетнем, за огородами
С землей зари тесемка алая.

Здесь сходятся с годами детскими
Года огромные, весомые,
Как с улицами деревенскими
Дороги дальние, бессонные.

Одноэтажный дом в селении!
Как он сроднился с этой местностью,
И как он мал теперь в сравнении
С его всемирною известностью!

День поэзии 1961

Он волшебник, чародей:
Превращал зарю в котенка,
Руки милой — в лебедей,
Светлый месяц — в жеребенка.

Говорить учил леса,
Рощи, травы в брызгах света,
И слились их голоса
С чистым голосом поэта.

День поэзии 1961

ВСЕ БЫЛО, ПОТЕРИ И ВОЙНЫ

Судьбе не сдаюсь я на милость,
Дороги по жизни верны,
Но в сердце давно притаилось
Неясное чувство вины.

А в чем провинился, не знаю.
Я в том виноват, может быть,
Что подвигов не совершаю,
А только хочу совершить.

Все было, потери и войны.
Какую вину назову?
Ту, может, что в век беспокойный
Я слишком спокойно живу?!

Что день мой порою не светел,
Своих не достиг я вершин,
Что новых друзей я не встретил,
А старых друзей пережил?!

День поэзии 1982

АЛЕКСАНДР КУШНЕР

Когда тот польский педагог,
В последний час не бросив сирот,
Шел в ад с детьми и новый Ирод
Торжествовать злодейство мог,
Где был любимый вами бог?
Или, как думает Бердяев,
Он самых слабых негодяев
Слабей, заоблачный дымок?

Так, тень среди других теней,
Чудак, великий неудачник,—
Немецкий рыжий автоматчик
Его надежней и сильней,
А избением детей
Полны библейские преданья,
Никто особого вниманья
Не обращал на них, ей-ей.

Но философии урок
Тоски моей не заглушает,
И отвращенье мне внушает
Нездешний этот холодок.
Один возможен был бы бог —
Идущий в газовые печи
С детьми, под зло подставив плечи,
Как старый польский педагог.

День поэзии 1967

СИРЕНЬ

Фиолетовой, белой, лиловой,
Ледяной, голубой, бестолковой
Перед взором предстанет сирень.
Летний полдень разбит на осколки,
Острых листьев блестят треуголки,
И, как облако, стелется тень.

Сколько свежести в ветви тяжелой,
Как стараются важные пчелы,
Допотопная блещет краса!
Но взглядишь в эти вспышки и блески:
Здесь уже побывал Кончаловский,
Трогал кисти и шурил глаза.

Тем сильнее у забора с канавкой
Восхищение наше, с поправкой
На тяжелый музейный букет,
Нависающий в желтой плетенке
Над столом, и две грозди в сторонке,
И от локтя на скатерти след.

День поэзии 1967

То, что мы зовем душой,
Что, как облако, воздушно
И блестит во тьме ночной
Своейравно, непослушно,
Или вдруг, как самолет,
Тоньше колющей булавки,
Корректирует с высот
Нашу жизнь, внося поправки;

То, что с птицей наравне
В синем воздухе мелькает,
Не сгорает на огне,
Под дождем не размокает,
Без чего нельзя вздохнуть,
Ни глупца простить в обиде,
То, что мы должны вернуть,
Умирая, в лучшем виде,—

Это, верно, то и есть,
Для чего не жаль стараться,
Что и делает нам честь,
Если честно разобраться.
В самом деле хороша,
Бесконечно старомодна,
Тучка, ласточка, душа!
Я привязан, ты — свободна.

День поэзии 1967

Жизнь чужую прожив до конца,
Умерев в девятнадцатом веке,
Смертный пот вытирая с лица,
Вижу мельницы, избы, телеги.

Биографии тем и сильны,
Что объять позволяют за сутки
Двух любовниц, двух жен, две войны
И великую мысль в промежутке.

Пригождайся нам, опыт чужой,
Свет вечерний за полостью пыльной
Тишина, пять-шесть строф за душой
И кусты по дороге из Вильны.

Даже беды великих людей
Дарят нас прибавлением жизни,
Звездным небом, рысцой лошадей
И вином, при его дешевизне.

День поэзии 1968

Неромантичны наши вкусы.
Нам утешаться до конца
Волос начесом светло-русый
И миловидностью лица
С чуть-чуть размытыми чертами
И носом, вздернутым слегка.
Где рок, сверкающий очами?
Как иступленность далека!

Угля на брови не хватило
И синей краски — на глаза.
Губа другую прикусила,
Чтобы не вылилась слеза.
Не плачь, пройдет!
Вся жизнь, с пустыми
Мечтами, все пройдет, вполне.
Какими средствами простыми
Ты надрываешь сердце мне!

День поэзии 1972

Женский, легкий, веселый затылок
На моей отдыхает руке.
Ведь не кукла, и не из опилок,
И румянец на влажной щеке.

Как две бабочки, дрогнули веки.
Как же мало я знаю о ней!
Годы, улицы, книги и реки,
Целый мир на ладони моей!

Целый мир, воздвигавшийся где-то,
Далеко от меня, в стороне.
И доверчивость сонная эта
Что-то резко меняет во мне.

А на кресле лежащее платье
Так сплит среди блесков дневных...
Как все странно: и эти объятия,
И такая любовь после них!

День поэзии 1973

ПРОЩАНИЕ СО СЛАВОЙ

О слава, ты так же прошла за дождями,
Как западный фильм, не увиденный нами,
Как в парк повернувший последний
трамвай.
Уже и не надо, не стоит, прощай!

Сломалась в дороге твоя колесница,
На юг улетела последняя птица,
Последний ушел из Невы теплоход.
Я вышел на Мойку: зима настает.

Нас больше не мучит желание славы.
Другие у нас представленья и нравы.
И милая спит, и в ночной тишине
Пусть ей не мешает молва обо мне.

Снежок выпадает на город туманный,
Замерз на афише концерт фортепьянный,
И руки застыли, как будто надет
На оба запястья железный браслет.

Простимся без слез, односложно и сухо.
И музыка медленно выйдет из слуха,
Как после купанья вода из ушей,
Как маленький, теплый, шекотный ручей.

День поэзии 1973

ПЧЕЛА

Пятясь, пчела убирается вон из цветка,
Ошеломленная, прочь из горячих объятий.
О, до чего ж эта жизнь хороша и сладка,
Шелка нежней, бархатистого склона
покатей.

Господи, ты раскалил эту жаркую печь
Или сама она так распалилась — неважно,
Что же, ты дал нам такую разумную речь,
Или сама рассудительна так и протяжна?

Кажется, память на время отшибло пчеле.
Ориентацию в знойном забыла
пространстве.

На лепестке она, как на горячей золе,
Лапками перебирает и топчется в трансе.

Я засмотрелся — и в этом ошибка моя.
Чуть вперевалку, к цветку прижимаясь
 всем телом,
В желтую гущу вползать, раздвигая края
Радости жгучей, каленьем подернутой
 белым.

Алая ткань, ни раскаянья здесь, ни стыда.
Сколько ни вытянуть — ни от кого не
 убудет.
О, неужели однажды придут холода,
Пламя погасят и зной этот чудный
 остудят?

День поэзии 1981

Ах, эта ночь, этот плащ на железном гвозде,
Жирная зелень и яркая лампа в сто ватт.
Лампу гашу, но нельзя же сидеть в темноте!
И мотыльку говорю я: «Ты сам виноват».

Загримированным кажется сад, но никак
Сообразить не могу, подо что, под кого?
Если б листва не кипела, не ерзала так,
Мне, может быть, разгадать удалось бы его.

Кто-то томится, и тополь подходит к нему,
Сбить предлагая жестокое пламя и пыл.
В августе бог принимает, как врач, на дому.
Если пойти к нему, скажет: «Ты сам полюбил».

Падают звезды. С шоссе ударяют лучи
Белых, сверкающих, словно заплаканных фар.
Сколько здесь бархата, шелка, фланели, парчи!
Глянцево-гладкий, волнисто-ворсистый кошмар.

Весь он умрет... по сравнению с тем, кто не весь,
В лире продлившись,— его безнадежны дела.
Что до любви, то она бы сошла за болезнь,
Если б любовь, как болезнь, излечима была.

Передо мной то зеленый провал, то пятно,
То содроганье и приступ с захлестом тугим.
Сад бы напомнил безумие, если б оно
В шуме листвы не казалось прекрасным таким!

День поэзии 1981

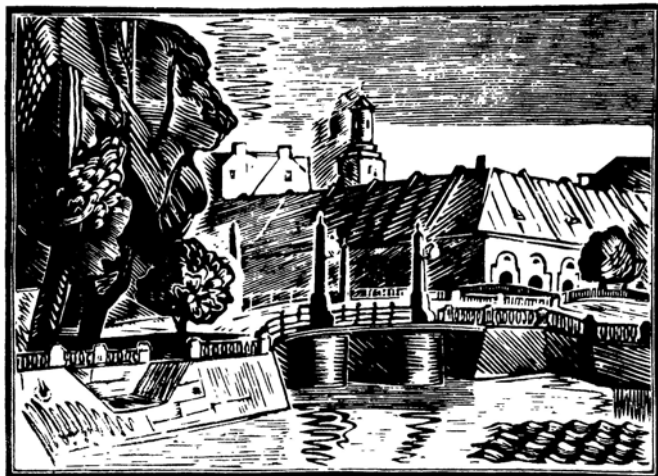
ДОЛГОЖИТЕЛЬ

Седой поджарый горец в Пятигорске
кивнул мне, как знакомцу, со скамьи
и ссыпал алычу из смуглой горстки
в ладони неуклюжие мои.
У разговора не было начала,
старик его повел с конца, вразброс,
и спрашивал, как будто отвечал он
на мой как будто заданный вопрос.
— Ге-рон-то-логия?
Прекрасно. Расскажите.
Прочел статью. Пока что все же — мрак...
Но кто придумал слово «долгожитель»?.
Ругательство, я понимаю так.
Акцент имею, но по-русски все же
читаю, письма правнукам строчу...
Ну, что за слово? Ай, на что похоже?
Вы кушайте, берите алычу...
Ай-яй, что за словечко — «долгожитель»?
Как будто неисправный одолжитель,
не впору задержавшийся жилец, —
когда, мол, уберешься наконец?!
И вообще, я думаю, не надо
без толку много шума подымать.
Женил я внука — вот мне и награда,
благодарю своих отца и мать.

А то спешат перекричать друг друга:
гляди, Мафусаил Кавказских гор!
Какое достижение? В чем заслуга?
Не помер, слава богу, до сих пор!
Я понял, как он добр, как мудр и тонок,
как солнышком он весь насквозь прогреет,
и вдруг спросил чужим наивным тоном:
— А сколько вам, отец, коль не секрет? —
Он посмотрел на детское ведро,
где мягко розовела алыча,
и как-то виновато, как-то горько
сказал:
— Я на год старше Ильича...—
Шли долгие минуты.
Мы молчали.
Журчала за деревьями вода.
Потом он — снова как бы отвечая —
вздыхнул:
— Вот так. Несправедливо, да?..

Старик, старик!
Твои глаза прекрасны,
твоя рука суха и горяча...
Под старость улыбнуться так хоть раз бы!
И чтобы — солнце, листья, алыча...

День поэзии 1970

*Татьяна Мезерина.
«Канал Грибоедова»*

Оказалось, работа бывает еще и такая:
не похвалит никто,
не заплатит никто ни гроша,—
я тружусь круглосуточно:
я от тебя отвыкаю,
для чего даже план,
даже график такой сочинил не спеша.

Встану я, отвыкая,
вовсю отвыкая, побреюсь,
отвыкая, на старое фото твое погляжу
и себе улыбнусь...
Отвыкание, право же, прелесть,
если все по науке, конечно,
по графику, по чертежу.

Я хитер!
Инструментик вернейший привлек на
подмогу:
небольшую отмычку — от вычку себе
приобрел.

У нее брючки-клеш,
каблучки — чтобы топтать со временем в
ногу,
закрывающиеся глаза
и волос голубой ореол.

Мы с ней ходим в кино,
ездим в лес — до платформы Морская,—
вслух читаем «Рога и копыта»,
друг друга посменно смеша.
...Я работаю,
ем,
сплю,
хожу —
от тебя отвыкаю.
И уже есть успехи:
почти опустела душа.

День поэзии 1973

Люблю этот мир —
человечий, древесный и птичий —
со всеми тревогами века,
со всей суетой,
где женщина,
сбросив, как платье, оковы приличий,
идет за любимым
кремнистой тропинкой крутой...
Люблю эту землю,
где все еще лошади скачут,
где можно еще пробежать по траве
и уплыть по реке,
где так удивительно
дети смеются и плачут
на общем,
прекрасном,
понятном для всех языке.

День поэзии 1978

Человечество — в детском возрасте.
Пробуравив глазок во тьму,
увлеченно детишки возьятся
с первой серией «почему?».
А история по спирали
знай наматывает витки...
И, по совести, не вчера ли
догорали еретики?
Не вчера ли в края Колхиды
плыли греки, волне вразрез?
Не вчера ли встал с четверенек,
гневно губы кривил Рамзес?
Не вчера ли встал с четверенек
и задумался о житье
гениальный создатель денег,
бомб, наркотиков и досье?
Век невиданнейшей нервозности,
свежих цифр и прогнанных догм...
Человечество — в детском возрасте:
чиркнет спичку — и кончен дом.
...А листочки весенние клейки...
На могилах свежа трава...
Дети, дети! Скорей взрослейте!
Бросьте спички.
Вот буква «А»...

День поэзии 1980

ВИЗИТ

Здесь в прихожей гостям разуваться велят,
как в мечети.

Угощают на кухне. В столовой включают
кино.

Здесь раскинула скука
густые незримые сети,
и каштан со двора
опасается глянуть в окно.

Ни пылинки.

Вся мебель — на месте,
все плоскости — в блеске,
непорочные книги
в стеклянный упрятаны склеп.

Здесь есть все —

и почти неприличная копия фрески,
и сотысячный рыночный Хэм среди ковра,
сиротлив и нелеп.

А хозяйка жеманно гордится судьбой

Пенелопы:

— Он все ездит и ездит, а я все одна
и одна...

— Не грустите, вернется.

И вам привезет сувенир из Европы,
а возможно —

нейлоновый дубль Золотого руна.—

Да-а... У них тут не тронешь рукой
защищенный салфеточкой «Рёниш»,
чтобы дрогнула люстра подвесками
с музыкой в лад,

сигареты задумчивый пепел

на стол не уронишь

и не хлопнешь граненый стакан
под вечерний салат.

Что тут скажешь?

Я вправду чертовски испорчен и грешен,
да еще и горжусь
моим племенем бардов, бродяг и гуляк...

Но беру с хрусталя
только горсточку спелых черешен
и, вздохнув, оставляю нетронутым
их драгоценный коньяк.

Ухожу.

Ведь отель мой — всего в трех кварталах
отсюда:

в коммунальной квартире
усталая фея готовит обед...

Там все листья — в окне,
там все полки — пристанище чуда,
там — дворец:

чемодан, раскладушка, да трубка моя, да
кисет.

Переулком Причин

выхожу на бульвар Неминуемых

Следствий,

и черешнину косточку, щурясь,
меж пальцами жму,

и стреляю в девчонку

почти так же метко, как в детстве,

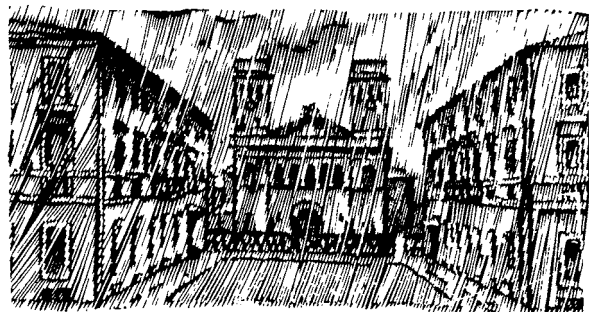
а она, морща нос, улыбается,

тоже как в детстве,

озорству моему

и немножечко — мне самому.

День поэзии 1976

Ася Векслер.
«Б. Собор св. Петра».

ПОМНЮ

Где я рос?
За излучиной Волги.
С кем играл?
С камышами речными.
Верил сказкам,
Где серые волки
Были добрыми,
Были ручными
Помню весть,
Овладевшую всеми,
Радость песен
Родимой сторонки:
День Победы явился
И в семье
Запретил приносить
«Похоронки»!
Не тревожимые
Канонадой,
Веселили над Волгою
Дали!
...Немцы пленные
Хмурой бригадой
Дом жилой
Из руин возрождали.
Помню, в полдень
Какая-то птица
Рассвистелась на иве
За хлевом;
Хромононого
Тошего фрица
Я, мальчонка,
Подкармливал хлебом,—
Бескорыстно,
Не ради обмена!
А потом я
Вспотел от смущенья:
Немец плакал,
И встал на колена,
И просил почему-то
Прощенья...

День поэзии 1973

Здесь, в государстве деревянном,
Висит комолая луна
И, отбеленные туманом,
Березы спят за стлищем льна.
Дымит село в печные трубы!
Невест на выданье — не счесть,
У них некрашенные губы
И незамазанная честь,
Румянцы — как налив малины...
Невестам каждый вечер люб:
В нарядах, будто на смотрины,
Они заходят важно в клуб.
А в клубе — это вам, подружки! —
Баяна звончатый раскат,
Наперебой летят частушки,
И все — отборны, все — впопад!
Ох, залюбуешься вдовою,
Ух, жаркоглазая вдова,
Ах, дышат страстью яровою
Ее озимые слова!
От шуток смелых и обильных
Веселью жить сейчас и впредь!
Не нужно яблок молодильных —
Здесь невозможно постареть!

День поэзии 1972

ЖДУ

Уже
Не молод,
Еще
Не стар,
Ценящий шутку
И откровенье,
Я жду всю зиму,
Как лучший дар,
Простое чудо —
Первовесенье.
И не в затворье —
Под лепет рек
Найду для песни
Живые строчки,
Когда на ветках
Ослепнет снег,
Когда прозреют
Слепые почки!

День поэзии 1972

АНТИМИР

Никаким космическим снарядом
странствовать не стоит в те края:
антимир,
 по сути дела, рядом —
он в дырявой каске
 у ручья,
в скромном обелиске возле тропки,
в потной немоте дурного сна,
в двух шагах,
 в одном нажать кнопки,
проще именуемый —
 Война...

День поэзии 1970

НОЧНЫЕ УЧЕНИЯ

В войну играли офицеры штаба —
в прорыв тысячеверстного масштаба.
Зачеркивались красным города.
Ничто пока не гибло,
 не стреляло,
и ничего на карте не стояло —
лишь локти генерала иногда...
Сраженье шло в одной из рош планеты.
Дышала полночь, шифры шевеля.
И пепел генеральской сигареты
засеивал нездешние поля.
Дымилась возле полюса окурки.
Штабисты операцию вели,
штабисты колдовали, как хирурги,
над прободною язвою земли.
И был я главным голосом сраженья.
Я был штабным радистом в той «войне».
И радиодуша из окруженья,
как богу, исповедовалась мне.
И в перепонки била тишина.
Земля во мгле вращалась под ногами,
и, как сова, неслышными руками
неслась над рошей белая луна.
И чавкала под хромачами грязь,
и офицер кричал:
 — Давайте связь!..—
Всю эту ночь я царствовал в эфире.
Я узнавал, когда давили «те»,
по пульсу лихорадочной цифири,
по этой адъютантской суете.
И ядерным нутром ворочал шар.

И тишина была невыносима!
И был рассвет — как атомный удар
в той самой стороне,
 где Хиросима...

День поэзии 1970

ОГРАДКИ

И сгинет снег...
 Скатеркой-самобранкой
воскресная потешит зеленца...
Я снова крашу
 краской «серебрянкой»
ограду над могилою отца.
Не для красы.
 Такая есть опаска:
не подновишь —
 и медленная ржа
сожрет металл,
 когда облезет краска;
и все путем,
 пока она свежа.
Вот где семью соединило нашу!
Куда ни глянешь — близкие одни...
Не золотом,
 а «серебрянкой» крашу
последнее пристанище родни.
Докрашу
 и скажу себе: «В порядке!»
Да будет жив простой мой русский род,
покуда подновляются оградки,
покуда память
 за сердце берет.

День поэзии 1979

СВЕТА

Ее рука
была в моей руке!
Она звалась так лучезарно —
Света!
Я счастлив был в заволжском городке,
сиял с утра.
И знать не знал про Фета.
Мы залезали с ней
на облака
по лесенке таинственной и шаткой —
до них так близко было
с чердака,
и дворнику махал я с неба
шапкой!..

В ее руке
моя рука была!
Влюблен я был!
Такие вот дела!..

Бродили,
под собой не чуя ног,
«родную речь» и «пение»
мотали!
И ангелами падшими
слетали
с небес
в забытый богом городок.

Но даже порознь
были мы близки!

Я ложку
только левой брал рукою,
а к той руке
я припадал щекою
и вспоминал тепло ее руки!..

Светила прежде
и свети мне впредь!
Те облака
летят над миром где-то,
летят,
и люди шурятся от света,
нас в небесах
не могут разглядеть!..

День поэзии 1981

*Владимир Сердюков.
«Торговый мост»*

По-моему, все это — лишь начало
того,
что мне судьба предназначала,
свою тропинку под ноги кладя.
По-моему, все это — лишь вступление
в провинцию,
где ждут стада олени
идушего по ягелю дождя.
Его шаги почти неразличимы,
как будто он и сам обулся в пимы,
оделся в серо-бурые меха
и вот идет туда,
где буровая,
как гриб последний, землю пробивая,
встает среди лишайников и мха.
Участок тот — Маринины владенья,
за нею здесь ребята ходят тенью,
в том сам начальник признавался нам...
По-моему, нефтяница Марина
переместилась из романов Грина,
вернее —
прибежала по волнам.
По-моему, не дождь, а я в дороге,
такой же молодой и длинноногий,
русоволосый, рослый, ветровой!..
Мне так легко и так просторно в тундре,
что нет заботы —
тучи или кудри
вихрятся над моею головой!..

День поэзии 1981

АРХАНГЕЛЬСК

На Котласском вокзале,
Кивая головами,
Два шустрых морячка
Архангельск описали
Всего тремя словами:
«Доска,
Треска,
Тоска!»
Доска!.. Я плыл по водам,
Шел по полям и весям
Сторонушки родной.
Я видел теплоходы,
Нагруженные лесом,

Малиновой сосной.
Треска!.. Лихое судно
Торило в море тропки,
Чтоб промышлять треску.
Я понимал, как трудно:
Муж — где-то на «коробке»,
Жена — на берегу.
Тоска!.. Я помнил руки,
Лицо твое в улыбке,
Зеленые глаза.
Не новость, что в разлуке
Заметнее ошибки,
Слышнее голоса.
Причал, и звуки вальса,
И флаг на мачте поднят,
На синем — красный флаг.
И тут я догадался:
Не так ребят я понял,
Истолковал не так!
И я решил,
Что в песнях,
Идя на вечный зов их,
Своими нареку
Треску столовых местных,
Доску мостков тесовых
И по тебе тоску!..

День поэзии 1977

МОСТ

За прибрежной тропинкой крутую,
Средь таежных немереных верст,
Над протокой —
Над прыткой водою —
За день вырос осиновый мост.
Он не прыгал, как зверь, через реку,
Застывая в нелепом прыжке:
Просто были здесь два человека,
Нарубили деревьев в леске,
Отесали сучки торопливо
И, стараясь успеть дотемна,
Сбили,
Вицей связали на диво
Мост нехитрый в четыре бревна...
Нет ни вымысла в этом, ни фальши.
Люди сделали все, как могли,
И пошли,
Неизвестные,
Дальше,
А за ними —
Другие пошли!..

День поэзии 1971

ИРИНА МАЛЯРОВА

РОЖДЕНИЕ ВЕСНЫ

На север, на север стремится
Чуть слышная там, в вышине,
Гусей-лебедей вереница,
Как стрелка-указка весне.

И снег не по-зимнему зыбкий —
Местами он сер, как зола.
Подснежники — будто улыбка
Весны, и любви, и тепла.

Подснежник! Он скоро погибнет,
Закроет свой крошечный глаз,
Но цвет его ласково-синий
Он целой весне передаст!

День поэзии 1961

БАЛЛАДА О ПАЛЬТО

Нам выдавали ордера
В военные года.
Была раздета детвора,
Стояли холода...

Случилось это так давно...
Но буду помнить век.
Ведь было то
Пальто одно
На двести человек.

Наверно, теплое оно,
Американский мех...
Но было то
Пальто — одно
На двести человек.

— И мне пальто!..
— И мне пальто!..
Бесстрастны и чисты,
Ложатся к завучу на стол
Анкетные листы.

Звучит неслышно
Детский хор,
Как будто стук сердец:
«Погиб отец...»
«Погиб отец...»
«И мой погиб отец...»

Как будто ветер
С тех могил
Зашелестел в листьях...
И завуч даже позабыл
О всех своих делах.

А утром он
Пораньше встал.
Курил, смотрел в окно...
Решил:
Поехал, ордер сдал
Обратно в гороно.

День поэзии 1964

Когда земных снегов
Вдруг полегчает бремя
И после долгих снов
Потянется трава,—
То нежности моей
Опять приходит время,
Весна в моей душе
Берет свои права.

И белизна берез
Пронзительнее станет,
Им зябко узнавать
Себя в речной волне,
Где переспелый лед
Крошиться не устанет,
Где облаков снежки
Не тают в глубине.

Зеленый первый дождь
Застрянет между веток,
И черная земля
Качнется под ногой...
Согреет, как птенца,
Весна мою планету
И нежностью на миг
Затопит берег мой.

День поэзии 1971

Всю жизнь я время гнал кнутом:
скорей бы летние каникулы,
скорей вернуться б в отчий дом,
скорей бы сдать — статью ли, книгу ли,
скорей дожить до встречи с ней —
скорей, скорей, скорей, скорей...

Уже немогоду коню —
а все гоню, гоню, гоню...

День поэзии 1963

Как много было пролито Еленой
Денисьевой соленых, горьких слез,
чтоб тютчевских элегий несравненный
щемящий звук в поэзии пророс!

Какой был нужен сплав, где уйма боли,
жестокость, жалость, и восторг, и страх,
чтоб стала вдруг Калашникова Оля
русалкой вольной в пушкинских стихах!

А горничная Гаша, в светлый час
Толстому растревожившая душу,—
той, с мокрою смородиною глаз,
слегка косящих,— Масловой Катюшей!

Ушло безропотное существо —
остались в книге взгляд, черты и речи...
Но ей-то разве легче оттого,
что он ее беду увековечил?

Искусство — как Молох, не дрогнув
бровью,
бесстрастно ждущий всех, кто внидет в
храм:
не сытый нашей собственной кровью,
он жаждет крови тех, кто дорог нам!

День поэзии 1981

СКРОМНЫЙ УЧИТЕЛЬ ЛИТЕРАТУРЫ

Скромный учитель литературы.
Русский язык. Сочиненья. Диктант.
Сердца отзывчивость. Щедрость природы.
«Души растить — это тоже талант».

Ладно... Признайся-ка, брови не хмуря,
что там в подтексте? Семья да нужда?
Ранняя стужа, внезапная ль буря
сбили полет твой еще у гнезда?

Были ж они, воспаленные ночи,
образы, рвущиеся напролом,
горы окурков, метелица строчек
над очумело притихшим столом?

Нынче устанет, а завтра — сробеет,
гаснет в душе недовольство собой...
Я ли не знаю, как крылья слабеют,
без толку сложенные за спиной?

Многого за борт не выбросил, видно,
сам за себя в ежедневном бою...
Вот и растишь ты в кружке вундеркинда —
школьную гордость, надежду свою.

Ты не позволишь с пути ему сбиться —
пусть подкует, оседлает мечту...
Может быть, в нем суждено тебе сбиться,
выкричать людям свою немоту?

День поэзии 1982

СВЕТЛАНА МОЛЕВА

Прощались — смеялись!
Хоть не было сил...
Вот поезд, как пояс,
Лесок охватил.

И светит — не светит
В мельканье берез.
Вот скажешь на ветер,
А выйдет всерьез...

День поэзии 1974

ЕГОРУШКА

По-над горушкой,
По-над горушкой
Избы в маревой чистоте.
Перелистывает Егорушка
Сказки, лежа на животе.

У продмага — бабы на ящиках.
Никнет скучная лебеда...
А глаза его, как две ящерики,
По страницам туда-сюда.

Золотую макушку солнышко
Гладит ласково, не печет:
Кем, мол, будешь-то ты, Егорушка?
А пока еще — дурачок...

День поэзии 1978

ДОМ

Из года в год все беспокойней мне.
Я думаю о доме, тишине...
О матери... о красных георгинах.
И так мне снится дедова рябина,
Что даже горечь чувствую во сне.
Я просыпаюсь, зажигаю свет.
«Там хорошо, где нас с тобою нет», —
Твержу себе, ничуть не утешаясь.
И до утра по комнате слоняюсь...
Уеду я. Уеду я потом...

А этот дом?
Да, как же этот дом,
Где лифт грохочет и непрочны двери,
Где с осени заделываем щели
Мы с шестилетней дочерью вдвоем —

В заботах о друзьях, друзьях друзей,
Которые приходят, прилетают
Откуда-то,

случайно приезжают,
В трамваях промерзая до костей...

Так думая ночами о своем,
Я дочь учу, что город — тоже дом,
Заботливыми созданный руками,
И оттого Фонтанка хороша,
Что в каждый камень вложена душа,
А без нее — он просто серый камень.

Дочь тянется, как тоненький росток.
Вздыхнув, поглажу изредка висок:
В моей науке столько беспорядка!
К тому ж еще она — акселератка.
Ну а сказать и проще, и верней:
Не успевает «Детский мир» за ней.
И детства мир порой не успевает —
Так все дается быстро и легко.
Я ей твержу про маятник Фуко,
А дочь моя давным-давно уж знает,
Что вертится вокруг оси Земля...

И постепенно подмечаю я,
Что ей куста поломанного жалко,
Газона ей истоптанного жалко,
И в этом вся — до клетки — горожанка,
Да, горожанка — девочка моя.

День поэзии 1979

НА НОЧНОЙ РЫБАЛКЕ

Вот костер заалет,
Помашет звезде...
Твоя лодка чернеет
на зеркальной воде.

Я в рыбачки не гожа,
И ты уж прости!
Мне б не выловить больше,
А побольше спасти.

Ты не рыбу, а «штуки»
Бросаешь в траву.
Твои руки, как щуки,
Хватают плотву.

Мои руки, как птицы,
За твоим за плечом
Хвать живую плотвицу —
Да и в речку...
Молчком.

День поэзии 1974

ГЕННАДИИ МОРОЗОВ

НА РОДИНЕ ПОЭТА

Николаю Рубцову

Земля твоя скупа, печальна,
а древний Липин бор — угрюм...
И на земле твоей ночами
я долго слушал сосен шум.

И над ночным Софийским храмом,
в отображение светлых вод,
как бы в единой круглой раме,
висел зеркальный небосвод.

Звезда над полем подымалась...
А ночи лунное пятно
все ярче, шире расплывалось,
реки высвечивая дно.

А осень птиц на юг бросала,
а ночи были — все темней...
Но с новой силою сияла
звезда полей, звезда полей...

День поэзии 1973

ЖЕРЕБЕНОК

В просторной и чистой конюшне,
Как в доме,
Лежит жеребенок
На свежей соломе.
Он утром родился,
Он жить привыкает.
И лошадь
Дыханьем
Его согревает.
Прилип он
Всей шерсткою
К радостной маме,
В тепле и покое
Брыкает ногами.
И только понятно
Лишь мне одному,
Что где-то телегу
Готовят ему...

День поэзии 1977

ПОД СОЛНЦЕМ

Вновь красны
от брусники бугры!
Лед на речке, что стеклышко,
тонок,
Твердокрылы, как стрелы
быстры,
Ввысь взлетают и гусь,
и гусенок.

Говорю я сынишке: «Гляди!»
Распахнулись глазенки
сынишки.
Эй, ты, солнце, повыше взлети,
И стремительных птиц освети,
И льянью головку мальчишки!

Вот светило летит выше крыш...
Гордый гусь, разве солнце
догонишь?
«О-го-го!» — голосит
мой малыш.
«Га-га-га!» — горлопанит
гусеныш...

День поэзии 1977

Вадим Бродский

ЛЕВ МОЧАЛОВ

СПЯЩЕЙ ДОЧКЕ

Моя.

Еще совсем моя.

Я тихонько

беру тебя на руки,
под подушку кладу подарки.
И, к щеке

щекой прикасаясь,
плечико

накрывая худенькое,
я тебя называю —

заяц,

я тебя называю —

кутенька,

я тебя называю — ежик,

я тебя называю — синица.

Ничего тебя не тревожит?

Ничего плохого не снится?

Кто узнает?

И кто ответит?

И во сне хватает обид.

Может, снюсь я тебе

медведем,
что над ухом

жадно сопит?

Что, обдав

дыханьем горячим,
съест тебя.

И станет темно...

Но бессмертно

сердце ребячье,
часто-часто

стучит оно.

И, дыхание затая,

я слежу,

как, раскинув руки,
ты летишь сквозь грозы и вьюги
в недоступные мне края...

Моя.

Еще совсем моя.

День поэзии 1961

Начинаем жалеть старину —
над крыльцом завитушку кронштейна,
ту нелепую кривизну,
что уже проржавела музейно;

петушка, что застыл недвижим
над наивно-причудливой башней,
все, что выплыло вместе с ним
из эпохи позавчерашней.
Тумба каменная у ворот,
где витает пыль золотая,
где булыжное эхо живет,
от облупленных стен отлетая;
где, кивая нам головой,
как видение нереальна,
лошадь движется по мостовой
и процокает мемориально...
Что-то помнит нахохленный дом.
Вылезает пронырливо-робко —
сквозь невзгоды и годы — на нем
несмываемая татуировка;
в слове хлеб — никчемная ять,
экзотически-странная птица,
та, которой и ныне, видать,
крендель булочной все еще снится...
Прощена прямизной кривизна,
и наверное, это неплохо,
раз возмездием прощена
та, отхлынувшая, эпоха.
И грехи ее как бы не в счет,
вдалеке дымятся закатно,
и своей завитушкой влечет,
точно в ней таится
загадка.

День поэзии 1973

Была Война, как перевал.
Осталось за Войною
все то, что каждый потерял;
всему — Война виною.
За перевалом Невойны
осталась наша дружба.
И в этом чьей-нибудь вины
отыскивать не нужно.
Ах, эта вкрадчивость потерь,
вдруг выплывающих теперь:
пошел купить газету,
оставил неприкрытой дверь —
и до сих пор все нету.
Как будто не было чернил —
не написал!

Не позвонил —
забыл как будто номер.
И жил — как будто помер.

И вот — под ветром Невойны,
блестя металлом седины,
острей, неумолимей
мы в стороны разведены
отчетливостью линий...
И чтобы друга повидать —
не то ли, что вернуться вспять, —
и волен, да не волен!
Мы в тех краях уже, видать,
где каждый в поле воин.
А все ж по полюшку идем,
оглянемся — и не пойдем,
когда пред ясным взором
равнина взгорбилась холмом,
тем самым — за которым?..

День поэзии 1979

ОСЕННЕЕ

Сегодня и вчера
все тот же говор, гомон,
промозглый шум двора
беспамятно-огромен.
Как раковина, двор
шумит, вздыхает ветер.
Не ветер — а простор!
И шум его всесветен.
И сеется с небес
дождь, возвещая осень.
Глаза закроешь — лес
звучит многоголосьем.

И я тебя зову,
а ты застряла где-то
в лесу... Кричу: «Ау!
Ау!..» И жду ответа.
И долетает он,
прорезываясь в шуме,
как из дали времен,
из глубины раздумья.
Ты рядом. Я с тобой.
Мы — эхо друг для друга.
Мы ниточкой тугой
повязаны упруго.
Но память тяжело
ложится нам на плечи:
неужто все прошло,
отхлынуло далече —
цветения пора,
пыланье карнавала,
напор, азарт, игра?..
Неужто миновало?
И те, что отошли
на десять лет, на двадцать,
они в такой дали, —
зови — и не дозваться!
А позовем, так что ж,
ответа и не чаем...
И только этот дождь
осенний нескончаем,
как жизнь — еще одна! —
не знающая грани,
предела, меры, дна
в безмолвном океане.

День поэзии 1982

*Олег Почтенный.
«Ленинград. Мойка»*

РОАЛЬД НАЗАРОВ

В краю степей и гор могучих,
где жизнь сурова и светла,
мальчишек с малолетства учат
скакать в седле и без седла.

Таков закон, судьба такая,
и тут уж плачь или не плачь,
отец тебя верхом сажает
и одного пускает вскачь.

Приходит срок, и ранним утром,
лишь маков цвет зажжет луга,
берет тебя отец из юрты,
с тепла ночного очага,

и к своему коню подводит.
Затихнет мать едва дыша.
Скакун расседлан, без поводьев,
шально косит на малыша.

До боли вцепишься ты в гриву —
так начинается джигит.
Рванется конь нетерпеливый —
и только пыль из-под копыт!

Вдогонку мать: «Держись покрепче!»
Замрет, опустится рука,
и лишь с мольбою губы шепчут:
«Не потеряй, скакун, сына».

Отец вдогонку ни полслова,
но, шурясь вслед, как от огня,
он просит молча и сурово:
«Не потеряй, сынок, коня!»

День поэзии 1978

УГРЫЗЕНИЯ ПАМЯТИ

Годы, годы — вечные старатели,
годы, годы — вечные косцы.
Умирают старенькие матери,
умирают старые отцы.

Хочется не верить в это, хочется,
но не верить правде не дано.
Отданы последние им почести.
на поминках выпито вино.

По утрам теперь уходим из дому,
в детский сад ведя своих внучат,
и привычки, нажитые издавна,
молча гасим шелканьем ключа.

Матери не носят больше пенсии,
сдан в райком отцовский партбилет.
Будто слово выпало из песни,
что нам тихо пелась с давних лет...

Правда не нуждается в пророчестве.
Жизнь одна отпущена живым.
Нас отцы с рожденья дарят отчеством,
матери — дыханием своим.

И не оттого ли чаще матери
снятся, как живые, на заре?
Есть на свете угрызенья памяти —
плач о несодееянном добре.

Поздно! Этим словом все измерено
у предельной роковой черты —
от благих несбывшихся намерений
и до запоздалой доброты...

Годы, годы — вечные старатели,
годы, годы — вечные косцы.
Умирают старенькие матери,
умирают старые отцы.

Словно бы своей походкой тихою
вышли на крылечко и — назад...
В тишине часы, как прежде, тикают,
стоптанные шлепанцы стоят...

День поэзии 1980

Я много раз твой покидал порог,
Послушный зову жизненных дорог.
Вела вперед меня совсем не слава.
И где бы ни был — в сердце я берег
Твой образ, Невская застава.

С тобой я крепко связан, навсегда,
Как с берегами звонкая вода,
Как дерево с кормилицей-землею,
Как труд и радость честного труда
С рабочей узловатую рукою.

День поэзии 1961

Когда мальчишкой был, частенько слышал,
Как говорил отец по вечерам:
— Куда ни глянь, работы выше крыши.
Потом зато полегче будет нам.

Работа эта, знать, не шла на убыль.
А я не мог еще понять всего.
Не об одних он паровозах думал,
Заждавшихся рабочих рук его.

Домой он возвращался с темнотою
И молча умывался, молча ел.
И говорила мать ему порою:
— Себя бы хоть немножко пожалел.

Смотрел я на отца, и мне казалось,
Что он в своих бессонных мастерских
Решил все сделать сам,
Чтоб не осталось
Работы неотложной для других.

День поэзии 1971

Из нас не разберется ни один,
Издали увидев лес зеленым,
Где дуб, где клен, где рошица осин
К реке сбегает по отлогим склонам.

Но вот придет осенняя пора
И, словно по таинственному знаку,
Начнется красок буйная игра,
И лес уже не будет одинаков.

Вдруг станет сгустком солнца старый клен
И темной медью дуб украсит ветви,
Плеснут осины красным в небосклон...
И память не погасит краски эти.

И наша осень, кем бы ты ни слыл,
Расскажет всем, каким ты в жизни был.

День поэзии 1972

Три сотни рек вливаются в Байкал,
И лишь одна выходит из Байкала,
Прорвав окружье вековечных скал,—
Так Ангара берет свое начало.

Какая мощь в стремительной реке!
Гудят турбин тяжелые колеса,
И новые под грохот водосброса
Закрутятся в недалеком далеке.

А сколько в жизнь тебя вело умов!
Тебе подвластна, как река седая,
Вся мудрость необъятная веков,—
Живи, себя и мир преображая.

Покой чтоб только душу не сковал,
Как сковывает синий лед Байкал.

День поэзии 1973

Я знаю, жизнь куда как непроста.
Все хорошо. И вдруг метель с налета
В лицо ударит с яростью хлыста,
И в сердце словно оборвется что-то.

Глядишь вокруг и думаешь: как быть,
Куда шагнуть, как с силами собраться,
Чтобы не только бурю пережить,
Но посильнее бури оказаться?

И в этот миг нелегкий сам собой
Встает передо мною образ твой,
Он полон неподдельного участия.

И вот я от смятения далек:
В твоих глазах сверкает огонек,
Что путника спасает в ночь ненастья.

День поэзии 1973

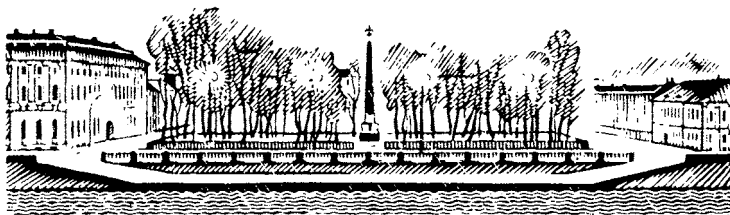
РОДНОЕ

Горячий воздух, кажется, дрожит,
Холмы уходят вдаль неторопливо,
На каждом созревающая нива
Осколком солнца в зелени лежит.

Подобно стражам, на холмах стоят
Березы и березовые рощи.
Что может быть еще на свете проще?
А ты не в силах отвести свой взгляд.

День поэзии 1977

*Ася Векслер.
«Соловьевский сад».*

ИГОРЬ НЕРЦЕВ

1933—1975

Сосны и тополя,
Круглая мать-Земля,
Вечным трудом крестьянским
Вытканые поля.

За белизной берез
Ели темны до слез,
Лес, обступая душу,
Ластится, словно пес.

Веется сено с вил,
Шорох тебя обвил,
Чтобы до самой смерти
Этого не забыл.

Хлеба и молока
Сытость — кругла, легка.
Тают в глазах любимой
Пенные облака.

День поэзии 1971

Изначальное слово,
Тополиная дрожь:
В половине шестого
Ты сегодня придешь.

Мир посмотрит сурово,
Рассмеется в глаза,
С половины шестого
Невозможна гроза.

Вся земная основа
Словно дым под ногой,
С половины шестого —
На планете другой.

С половины шестого
Остановлены дни,
Это проще простого:
Мы

остались
одни!

День поэзии 1972

Поэту вечно дальняя нужна.
И если пробудится он однажды,
Уже не ощущая этой жажды,—
То жизнь его исчерпана до дна.

Он может быть истерзан и разбит,
Изборожден суровыми летами,
Но неизменно дальняя витает,
Касаясь молодеющих ланит.

Его дерзання славу обрели,
И мир его встречает триумфально.
Куда же он, тревожно и печально?
О, все за той, мерцающей вдали!

...Когда тобой в венце счастливых дней
Полна моей души любая долька —
Будь женщиной, женой, судьбой, но только
Останься вечной дальностью моей!

День поэзии 1981

За все заплачено сполна —
За сны и за игру,
За пламень пенного вина
На жизненном пиру,

За упоений звонкий шелк,
Обманов колкий холст,
За то, что в сделки не вошел
И в шелки не восполз.

Вся жизнь поставлена в заклад
За царственную высь,
И холод высшей из расплат
Сближает кровь и мысль.

День поэзии 1981

ТАМАРА НИКИТИНА

ОТЕЦ

Ни апельсинами, ни мятою
Машинный запах не стереть.
Я помню руки узловатые
И пальцы без фаланг на треть.

На них рубцов шершавых полосы —
Следы железа и труда.
И если ими гладят волосы,
То очень редко, иногда.

Такой рукой цветы веселые
Срывать и боязно, и жаль, —
Такой рукой берут тяжелую
Стальную черную деталь.

И не отмоется, не вытрется —
В них въелась гарь, огонь прожег.
Но боевое знамя питерцев
Они несли, как я — флажок.

Я помню луг, покрытый росами,
Дорогу длинную в пыли...
А руки те меня подбросили
И в речку кинули: плыви!

И я плыла, и я их слушалась,
Учась бороться до конца.
Я верю: сделано все лучшее
Руками моего отца.

День поэзии 1958

БАБЬЕ ЛЕТО

Л. Морозовой

Самоварная песенка спета,
Огрубела у елок хвоя.
Отлетело отрадное лето
В голубые иные края.

Отлетела медовая юность
Поздней бабочкой в поле пестреть.
Наши души еще не согнулись,
Ах, как сердце не хочет стареть!

Пусть вплелась паутинка седая,
Только бабы — упрямый народ:
Все грустят о весне, все гадают —
Возвратится? Придет? Не придет?

День поэзии 1973

НА СЕНОКОСЕ

Я помню: сенокос за речкою,
И мой длиннородый дед
Поил коня,
И конь уздечкою
Вызванивал парням обед.

И полдень плыл...
И все — степенно так —
Садилось в круг, хлебали щи,
И молоко цедили пенное,
И вкусно ели калачи.

Пока конек полкруга вытопчет
(Мол, хоть худое, да мое!) —
Мой дед в сторонке косы выточит
И на ладони поплюет.

И уж пойдет махать до вечера,
Большой и дюжий, как медведь,
За ним ребятам делать нечего:
Как ни старайся — не поспеть!

Пред ним трава ложится, охая,
И небо кажется видней.
Мелькает лишь рубаха потная,
Да кудри русые темней.

А конь звенит уздечкой кованой:
Конец, и вся тут недолга...
И, словно великаньи головы,
Вдоль речки высятся стога.

День поэзии 1973

**ЧИТАТЕЛЯМ КОЛХОЗА
«СЛАВА ГЕРОЯМ»**

Так в те брани, так в терати было.
«Слово о полку Игореве»

В названье вашего содружества,
Как достояние молвы,
Живет поэтов русских мужество
И Ленинграда, и Москвы.

В лесах над братскими могилами
Горит солдатская звезда,
С товарищами, сердцу милыми,
И юность отошла тогда.

И если ныне мирной озимью
Цветут поля, тучнеет хлеб
И, майскими омытый грозами,
Встал ясный день людских судеб,—

Пройдите старыми траншеями,
И эхо дальних голосов
В тот час Карельский перешеек
К вам донесет из тьмы лесов.

Тогда не только слово спетое
Шло у знаменного древка,
По самой сущности поэтовой
И в штатной должности стрелка —

Баяны ленинской России,
Чеку срывающая гранат,
Своею кровью оросили
Походный строй своих баллад.

И русый чуб, от солнца выгорев,
Не здесь ли падал на жнивье,
Где некогда дружинник Игорев
Им «Слово» завещал свое!

Минувших битв святыми былями
Живем, их преломив, как хлеб,
В наш мирный, полный изобилия,
В наш ясный день больших судеб.

Мальчишки в школьной хрестоматии
Внимают звуку вечных строк.
И с ними повторяют матери
За слогом слог, за слогом слог...

День поэзии 1961

ОПЯТЬ ВЕСНА

Капель стучит о подоконник
Так дробно, словно на мосту
Рассыпал цокот красный конник
В двадцатом памятном году.

Он только что сраженье кончил
И, отирая горький пот,
Трубит всего на свете звонче
Про день работ, про день забот.

От детских лет, когда гражданства
Впервые ощутил я вкус,
С тех первых лет, когда родился
Республик ленинский Союз,—

Мне в пробудившейся природе
Всегда всего слышнее зов
И гром буденновских мелодий,
Весны, капели и подков.

День поэзии 1965

**ПАМЯТИ МАРШАЛА
С. М. БУДЕННОГО**

Последний
всадник

Первой
конной
скрывается
за горизонт —

за ту черту,
где он — Буденный —
еще ломает

белый
фронт.

Еще он
скачет,
скачет,
скачет,
взвивая шашки
острие,—

и Ленин
трудной
ждет
удачи
и верит
вместе с ним
в нее.

День поэзии 1974

ВЫСОТА

Летун отпущен на свободу.

Ал Блок

Ах, тот аэроплан старинный
из проволочек и метафор,
И Уточкин на нем, бывало,—
как будто стриг траву — летал,
И он в провинциальном небе
уездным мальчишкам потрафил
Хотя бы тем, что все — впервые,
и сам себе рукоплескал.

А хорошо подняться ныне
на древней утлой «этажерке»,
На силе духа, силе мысли
и как бы там еще назвать!
Чтоб это все в кругу фантастов
и вовсе не считалось жертвой,

Коль просто некий горожанин
задумал полубогом стать.
Все было на своем пределе,
начальной вехой века было —
Свой космос был, и свой Гагарин,
и скорбь своя, и свой поэт,—
И той поры нам солнце детства
тогда по-своему светило
И всем воображеньем сердца
подсказывало свой сюжет.

Но вслед разносит стюардесса
напитки, леденцы, журналы
На рейсовой, такой обычной,
своей служебной высоте,—
И это все не так уж бедно,
не так уж, вероятно, мало!..
— О чем бормочешь, старый мальчик,—
о сбывшейся своей мечте?

А высота должна быть внове!
Она всегда должна быть внове!
Нельзя привыкнуть к ней!
Не выйдет!

Она особый материк!
Живет в тебе, живет тобою,
тобою выношена в слове,—
Та, всероссийская, сквозь звезды
рванувшаяся напрямик...

День поэзии 1979

Олег Почтенный.
«Охтинский мост»

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

1921—1977

ВЕСНОЙ ПОВЕЯЛО НАД МИРОМ

Россия, Родина, Отечество —
Любовь, надежда, правда, сила,—
Ты вновь во имя человечества
Невиданное совершила.
О, как горжусь тем, что причастен я
К твоим лесам, равнинам, рекам,
К земле, своею волей властно
Пославшей к звездам человека.
Он крепок был твоею верою,
И мужеством твоим, и разумом.
Его полетом слово первое
Твое в межзвездных высях сказано.
И во Вселенную вселение
Твое по землям всем и странам
Сейчас гремит как откровение
Твоих забот, свершений, планов.
Не знаю, что природа сеяла
В межзвездных даях беспредельных,
Но нынче там весной повеяло,
Землею, почками, апрелем.

День поэзии 1961

Красный бархат и алый шелк.
На траве преклонил колени
Тридцать третий гвардейский полк,
А на знамени в небе Ленин.
Где-то там, в полковом строю,
Лейтенант в свои девятнадцать,
На одном колене стою
Со словами клятвы солдатской.
Шлем кирзовый в руке зажат,
Говорю слова беззаветно,—
Четверть века тому назад,
А как будто вчера все это.
Небо рвется над головой
В черных всплесках осенней сини,
А завтра уходим в бой,
В бой за Ленина и Россию.
Горьким дымом плещут ветра,
Пахнут кровью, газойлем, толком.
Все как будто было вчера.
Только я уж давно не молод.

102

Почему же не раз, не два
Вспоминаются неизменно
Небо грозное и трава
Та, железная, под коленом?
Вспоминаются не в бою,
Где-то в залах и кабинетах
И в далеком чужом краю,
На краю почти бела света.
Видно, память крепка у нас,
Или просто дело не в датах,—
Присягают солдаты раз,
Только раз присягают солдаты.

День поэзии 1969

Ничему не научился,
А прошел войну, года,
Белый свет когда мутился,
Словно в трещинах слюда.

Дальше были повороты,
Открывался день, как век.
Говорят, что для полета
Создан небом человек.

У друзей менялись лица,
Ходуном ходила спесь.
Мог бы и перемениться,
Но иду такой, как есть.

Ни о чем не сожалею,
А ведь мог бы — сожалеть,
Стать умнее, жестче, злее,
Высоко наверх взлететь.

А куда лететь, куда там?
Мир, не сказку о добре,
Подарили мне, солдату,
В сорок первом, на заре.

Мир такой, могло какого
Очень запросто не быть.
За него сгорел под Псковом
Полк, меня учивший жить.

День поэзии 1978

Не хочу я участвовать в той кутерьме —
В той, где каждый себе на уме.
Не хочу я выслушивать новости те,
Что сорочка несет на хвосте.

Возвращаюсь к далекой поре, в те года —
Пусть не телом, а только душой,—
В те, где «нет» было «нет» и где «да»
было «да»,

Пусть уж лучше заботы о хлебе своем
Заполняют и ум и дела.

День поэзии 1978

Май приносит дым воспоминаний:
Вновь над миром светится звезда —
Ждут свободы, поднимают длани
И горят в Европе города.

Дует ветер молодой, весенний.
Гимнастерка на плечах дымна.
Молодость. Ни страха, ни сомнений.
Может, завтра кончится война.

И сиренью на шоссе — девчонка,
Юная, как младшая сестра,
Плачет и смеется у трехтонки.
Все — как будто было бы вчера.

Прошрое мешая с настоящим,
Ты глядишь, как в зеркало, в года.
Да бывал ли ты когда-то счастлив
Так, как был счастливым ты тогда?

1976

День поэзии 1978

«Стерпится — слюбится, все позабудется».
Старая песня не так уж проста.
Строились с песенкой этою улицы,
Да и побольше места.

«Крутится, вертится, все перемелется».
Белый, как сказано, свет —
Это давнишняя старая мельница,
Ну, а другой-то и нет.

Нету другой и никак не предвидится,
Как ты умом ни раскинь.
Что там меж звездами может увидеться
В громе безгласных пустынь?

Где там еще неподвижные движутся,
Белая тропка во ржи,
В небе льняном журавлиная ижица
И на Онеге Кижи?

Разве без них на муку перемелются
Вместе любовь и вражда?
Крутится, вертится старая мельница,
Не устает никогда.

День поэзии 1978

Я требую немногого,
Немногого хочу:
Планету за порогом
Всю в солнце, как бахчу.
В июле, с тишиной,
Всю белую — зимою,
Всю черную — весной.
Да, может быть, травинку
С росинкой в желобке,
Травинку с паутинкой,
Одну на сквозняке,—
Когда мой сын, не старший,
Да и не молодой,
Со мной прощаться станет,
Обросшим бородой.

День поэзии 1978

НИНА ОСТРОВСКАЯ

НИКОЛЬСКИЙ САД

Назад возвращаться не надо,—
Бреду я, о том позабыв:
Ограда Никольского сада —
Как давнего детства призыв.

Заполнила небо, темнея,
Дубов молчаливая рать,
Вот эта скамейка, аллея,
Где мы так любили играть...

Но что это, память, куда ты?
Нарушив дорожек уют,
Пузатые азроstats,
Как туши китовьи, плывут.

И купола солнечный слиток
Под краской померк в синеве,
И тонкие дула зениток
Хоронятся в тихой листве.

Еще чечевицы и хлеба
До осени хватит, но вот
Расколет сентябрьское небо
Смертельного груза полет...

Нет, я не хотела, поверьте,
Сейчас вспоминать о войне,
Дыханием жизни — не смерти —
Склоняются ветви ко мне.

Расчищены травы от хлама,
Путей в невозвратное нет.
На куполе древнего храма
Дробится ликующий свет.

День поэзии 1966

Я все пишу о старом, о былом,
Как будто тыщу лет живу на свете.
А юность бьет серебряным крылом
И чертит путь в грядущее столетье.

А я? Я не стара и не юна,
Я вновь стою у синего причала,—

Еще не проступила седина,
Еще не поздно жизнь начать сначала.

Я счастлива — мне есть о чем жалеть.
Пусть будет так — не задохнусь от жажды.
Но как решиться перерезать сеть,
Своей рукой сплетенную однажды?

День поэзии 1966

ЕЩЕ ИГРАЮТ ГОРНЫ...

Еще играют горны
В оранжевом бору
И ловят солнце зерна
Колосьев поутру.
Еще струится дико
В траве родник живой
И смотрит голубика
Небесной синевою,
А у озерной чаши,
От глаз людских вдали,
На красных кочках пляшут
Лесные журавли.
И, в алый шелк одеты,
Ровняя тихий ряд,
Грибы, прощаясь с летом,
Навытяжку стоят...

День поэзии 1981

ДЫХАНИЕ

Я дышу, я ликую сегодня,
И обиды на прошлое нет,—
Снова брошены гибкие сходни
В перемытый ветрами рассвет.
Я ушла из проклятого плена.
Пусть поют о весне соловьи,—
Захлестни, тополияная пена,
Все больничные тропы мои!
Разметай, унеси мои сети,
Расколдуй мою боль навсегда!..
Ах, как мир необъятен и светел,
Как сверкает и плещет вода...
И навстречу июньскому раю
Я, смеясь, осторожно спешу...
Что-то ждет меня завтра — не знаю,
Но сегодня я солнцем дышу!

День поэзии 1981

НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА

ВЫСТУПЛЕНИЕ ПО ТЕЛЕВИДЕНИЮ

Я ухожу от милых рук
И превращаюсь в свет и звук.

В дома, минуя дверь и стены,
Спускаюсь по телеантеннам,
Вслед за прославленным певцом
С заgrimированным лицом.

Светло гляжу в людские лица,
От сердца к сердцу строю мост,
Могу спросить, о чем грустится,
О чем хохочется до слез.

Могу сказать — «Садитесь ближе!»
Спросить — «Ну как живется вам?»
Как будто всех, кого я вижу,
Давно зову по именам.

Меня запомнят — не запомнят,
Не в том спасение мое.
А в том, что в миллионах комнат
Я отдаю тепло свое.

В том, что, шагая в ногу с веком,
Не тяготясь своей судьбой,
Я звуком делаюсь и светом —
И остаюсь сама собой.

День поэзии 1964

ТЫ КУДА СОБРАЛСЯ, МАЛЬЧИК?

— Ты куда собрался, мальчик?
— В детский сад!
В детский сад! —
У него румяны щеки,
И глаза его блестят.

— Ты куда стремишься, мальчик?
— В школу,
В школу
Тороплюсь...—
Там спрягает он глаголы,
Учит басню наизусть.

— Ты куда уходишь, мальчик? —
В юность дальнюю взгляну.

Неподвижными губами
Отвечает:
— На войну...

На стандартном фотоснимке
Взглядом «птичку» ловит класс.
На стандартном фотоснимке
Тридцать пар веселых глаз.

Ах вы, люди-человеки!
Не дожили до чинов,
Не прославились навеки,
Не добыли орденов.

Я гляжу на лица эти,
На ровесников-ребят
С убеждением: на планете
Неизвестных нет солдат.

Просто где-то не записан,
Просто кем-то не учтен.
Просто слишком мало писем
Написал знакомым он.

Он стоит на снимке с краю,
Щурит глаз и морщит нос.
Я его отлично знаю,
Я задам ему вопрос:

— Ты чему смеешься, мальчик,
Слева, с краю, у окна?
Разве ты не знаешь, мальчик,
Что тебя взяла война?

Ослепила черным дымом,
Пулей клюнула в висок...
— Мне уйти необходимо —
Я не выучил урок.

Я еще не понимаю,
Что такое жизнь и смерть.
Я сбегу сейчас
Чапая
В тридцать пятый раз смотреть.

На мое — за партой — место
Сядет кто-нибудь другой.—
...Над Солдатом Неизвестным
Вечный теплится огонь.

День поэзии 1967

СТРАНИЧКА ИЗ СТЕПНОГО БЛОКНОТА

Когда затевались большие дела —
Ах! — под Павлодаром и под Кокчетавом,
Как смерч я неслась по нетоптаным травам
И штурмом глухие овраги брала.

Гнала мотоцикл по колючей стерне,
Гналась за стихом, за строкой для блокнота.
Восторгом во мне отзывалась работа,
И кофта от соли спеклась на спине.

Глаза наполнялись такой синевой,
Бывало, кто взглянет в глаза — и утонет.
И плавилось золото зерен в ладони
От солнца, прибитого над головой.

Усталая, к ночи, не чувствуя ног,
Одна под созвездьями падая шало,
В степи растворялась и степью дышала,
Уткнувшись горячим лицом в полынок.

Впечатаны в память мою времена,
Где, веря душе, позабыв о бумаге,
Встречала людей беспримерной отваги,
И пахли пшеницею их имена.

Подходит пора подбивать барыши.
Богата я тем, что живу я, считая:
Как колос пустой, так и строчка пустая —
Не могут насытить ни рта, ни души.

День поэзии 1980

ПАМЯТНИК ДЕКАБРИСТАМ

В старом парке — грай вороний,
Снег, упавший с высоты...
Ничего на свете, кроме
Этой каменной плиты;

Кроме трех гвоздик печальных,
Поджигающих сугроб,
Вместо тех цветов прощальных,
Не положенных на гроб;

Кроме выбитых по камню
Золотых пяти имен,
Кроме книжек под руками,
Где их дух запечатлен;

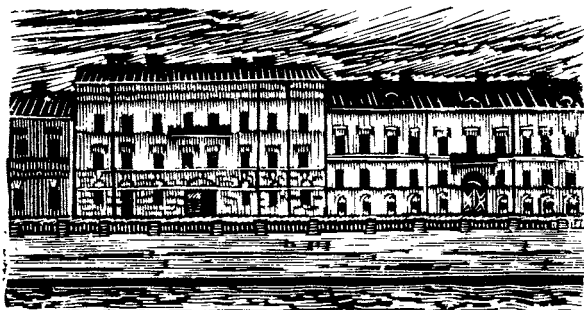
Кроме тех портретов старых,
Где, прекрасны и чисты,
Перед будущим предстали
Их прозрачные черты;

Неподвижно стынут кроны
Над гранитною плитой...
Ничего на свете, кроме
Щепок виселицы той,

Щепок, выбеленных светом,
Снегом, ливнем добела
И отысканных Поэтом
Там, где казнь произошла;

Ни могилы, неугодной
Тем, кто власть держал в руках..
Кроме памяти народной,
Не растерянной в веках.

День поэзии 1981

Ася Векслер.
«Набережная Фонтанки».

ПАМЯТЬ — ЗИМНЯЯ ПТИЦА

День, посыпанный снегом, как сахарной пудрой пирог
С запеченной монеткой.
Нараспашку пальто. За спиною — звонок и урок
С самой лучшей отметкой.

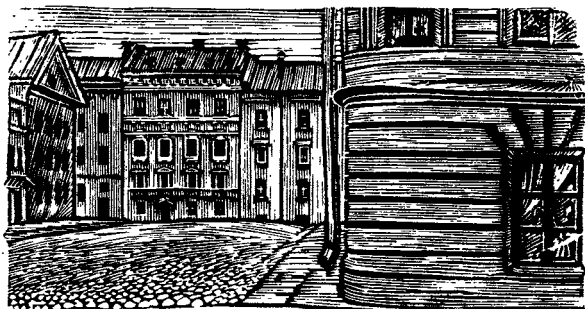
Запрокинув лицо под игольчатым редким снежком,
Замерев, чтоб заныли поджилки,
Не пугаясь ангины, лиловым от клякс языком
Детство ловит снежинки.

Скрип ступенек, крыльцо, непослушный в руках голичок,
А под мышкой — ушанка.
Ах, как некогда, двери — рывком и плечом.
В доме тихо и жарко.

Суп грибной, хлеб ржаной, запотелый стакан с молоком
Под овсяной коврижкой..
Память — зимняя птица. Ее ли держать под замком,
За железной задвижкой?

Как незваная гостья, легко переступит порог
Со смолистою веткой.
А за ней — новый день, как под сахарной пудрой пирог
С запеченной монеткой.

День поэзии 1980

Ася Векслер.
«На Васильевском острове».

ВАЛЕНТИН ПОПОВ

СОВРЕМЕННОСТИ

Живущие одновременно,
не все мы современники друг друга.

Знать можно о пульсации Вселенной,
но женщину предать и выдать друга.

Знать можно о частицах невесомых,
судить,
как пластика Родена глубока,
летать на лайнерах,
писать о хромосомах...
И жить при этом в средние века.

День поэзии 1973

ЖЕСТЫ

Как они выразительны,
рук падежи,
междометия глаз,
губ глагол откровенный.
Трудно ими поведать
о сути Вселенной,
но легко —
о любом состоянии души.

Можно так потрясающе громко молчать,
так вздохнуть,
так взглянуть,
так чуть двинуть межбровьем,
так со лба отстранить непослушную
прядь —
что покажется всякая речь
пустословьем.

День поэзии 1977

В ИНТЕРНАТЕ СЛЕПЫХ ДЕТЕЙ

Бывало,
кроху в очках увижу —
и то сжимается сердце.
А тут —
дети рисуют в полной темноте...
Бывало, сетовал:
мой кошелек
тоньше моей книжки.

А тут —
дети никогда не видели
себя и маму.

Бывало, грустил:
отчего неизбежна грязь новостроек,
отчего понимание любое
приходит ко мне с опозданием,
как на зимовье — газеты.

А тут —
дети играют в жмурки
с открытыми глазами.

Бывало, скулил:
в душу лезут с гаечным ключом.

А тут —
слепая девочка
слушает телевизор...

Хожу невидимый,
глазастый,
будто в голод блокадный объелся,
будто в атаке выжил,
когда все погибли,
будто тонет корабль с детьми,
а кроме меня
никто не умеет плавать...

День поэзии 1977

В моих карманах
курево и медь.
Я жалить не умел,
умел жалеть.
Хотел, чтоб вам была
строка моя нужна,
хотел понять,
а не пенять на времена.

Хотел,
чтоб на земле осталось войско —
солдатики из олова и воска.
И так хотел, чтоб люди не хотели
вранья в речах,

в поэмах
и в постели.

Я в этом весь.
Все остальное — прах:
и то, что был несдержан,
вспыльчив,
желчен,
и то, что водку пил,
любил бескрылых женщин
и чувствовал и думал второпях.

День поэзии 1979

ЛЮДМИЛА ПОПОВА

1898—1972

МОИМ ДРУЗЬЯМ

Да! Все чаще я слышу возгласы:
— В вашем возрасте,
 в вашем возрасте
Разве можно так много летать?
— Разве можно так много курить?
— И писать, и блокноты листать
От зари до зари?

Отвечаю: — Друзья хорошие,
Мое сердце еще не изношено,
И глаза мои смотрят пристально
На огни вокзалов и пристаней...
И уже, по летным обычаям,
Я всхожу по трапу привычному
На крылатый борт корабля,
И плывет под крылом Земля...
И чем выше, тем глубже чувствую,
Как прекрасна страна моя...

...Даже с добрым своим сочувствием
Не спешите, мои друзья!

День поэзии 1969

ЛЕТЧИКУ-ИСПЫТАТЕЛЮ

Ему говорю я: — Себя берегите,—
Хоть знаю, что просьба моя бесполезна,—
Опять устремился его истребитель
В раскрытую настежь небесную бездну.

Опять реактивного грома раскаты,
И новых полетов и страстность, и
 сложность...

Прошу я рассветы, прошу я закаты:
Привейте, внушите ему осторожность!..

Но небо есть небо и летчик есть летчик,
И ползать не будет рожденный крылатым,
Пусть скорость безумна,— расчет его
 точен,
Он счастлив сейчас в высоте необъятной.

И знаю — из всех испытаний суровых
Он выведет солнечный свой истребитель...
Вздохнув облегченно, я все-таки снова
Скажу ему тихо:
 — Себя берегите.

День поэзии 1973

СИКСТИНСКАЯ МАДОННА

Когда мне в светлый,
 в мирный день апреля
Явилась воплощением красоты
Сикстинская мадонна Рафаэля,
Глаза младенца,
 ангелов черты,—
Мне виделся художник, чья рука
Картину эту создала когда-то,
И рядом облик
 русского солдата,
Что спас ее от смерти —
 на века.

День поэзии 1972

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

1900—1971

ВОТ КАКИЕ ХОДЯТ ПАРНИ...

Вот какие ходят парни в нашем песенном краю,
Вот какие парни славят землю милую свою.

Вот какие топчут землю, топчут небо, черт возьми!
На виду у звезд России, перед звездными дверьми!

Вот какие по державе ходят парни в полный рост,
И глаза у них сверкают светом самых дивных звезд!

Вот какие ходят парни в нашем песенном краю,
Я смотрю на них, красивых, я их сразу узнаю.

Узнаю их — по надлому, по излому их бровей
В час, когда моя Россия обнимала сыновей.

Узнаю их, справедливых, весь их облик молодой,
Узнаю я их под красной, под стремительной звездой,

Там, где, бравых, их встречали,
Как положено в роду,
Под пятью ее лучами,
У Вселенной на виду!

День поэзии 1962

ИЗ БИОГРАФИИ

Я хожу не по графику,
По тропинкам и мхам.
Вся моя биография
Разошлась по стихам.

Вся — от красного флага
До ломтя на столе,
Вся — от первого шага
По родимой земле.

Вся — от песни певучей,
Что зовем и поем,
До былины дремучей
В Заонежье моем.

От подснежников милых
На вешней заре
До отцовской могилы
На старом бугре.

Вся — от листьев опалых
До весенних ветвей,
До звезды пятипалой
На папaxe моей.

Мы, где надо, не трафили
Ни чужим, ни родне...
Вся моя биография
На родной стороне:

Не в какой-то оgrade,
А в ветрах верховых,
И в походной тетради,
И в стихах фронтовых,

И в делах, и в опале —
Той, что лютой зовут,
И в друзьях, что отпали,
И в друзьях, что живут.

Кто-то вечно под тучами,
День за днем — ни строки,
Где-то слово замучили,
Зажимая в тиски.

Ну их к дьяволу с квотой,
Утверждающей лень,
И глубинной зевотой,
Низвергающей день!

Я же знаю дорогу,
Путь извечный, крутой,
И пока, слава богу,
Незнаком с немотой!

День поэзии 1964

Они все наши, ленинградские,
Хороший вид,
Хороший взгляд.
И ложки, ставшие солдатскими,
За голенищами блестят.

И город смотрит дивен, дивен,
Да и ему не все равно,
И матери спешат за ними,
Как в киносьемках,
Как в кино!

Прощайте, дни, витки зеленые,
Прощайте, кудри словно смоль,
Ведь нынче мальчики орленые
Идут подстрижены под ноль!

По-ленинградски оморяченный,
Идет по улице отряд,
И запевалы в нем назначены,
Без них и звезды не горят!
И не играют гармонисты,
Трудней и круче перевал.
Дорога кажется гористой
Без запевал,
Без запевал!

А их здесь двое на две тысячи,
И пусть не так уж долог путь,
Но видно мне, как песня тычется
В одну мальчишескую грудь!

День поэзии 1968

НОВОБРАНЦЫ

Идут они не по-отменному,
Не боево,
Не боево,
Идут они не по-военному,
Но ничего,
Но ничего!

Соломон Юдовин.
«Блокадный Ленинград».

А ведь было —
завивались в кольца волосы
мон,
А ведь было —
заливались по округе
соловьи,
Что летали, что свистали,
как пристало на
веку,
В краснотале,
в чернотале,
по сплошному
лозняку.
А бывало,
знала Юность
много красных
дней в году,
А бывало, море гнулось,
я по гнучому иду;
Райна, лопнув как мочало,
не годилась
никуда,
И летела, и кричала
полудикая вода!..

День поэзии 1971

ИЗ ПОЭМЫ «РОССИЯ»

Сколько звезд голубых, сколько синих,
Сколько ливней прошло, сколько гроз.
Соловьиное горло — Россия,
Белоногие пуши берез.

Да широкая русская песня,
Вдруг с каких-то дорожек и троп
Сразу брызнувшая в поднебесье
По-родному, по-русски — взахлеб;

Да какой-нибудь старый шалашик,
Да задумчивой ивы печаль,
Да родимые матери наши,
С-под ладони глядевшие вдаль;

Да простор вековечный, огромный,
Да гармоник размах шире плеч,
Да вагранки, да краны, да домны,
Да певучая русская речь!

Каждый день был по-своему громок,
Нам войти в эти дни довелось.
Сколько ливенок, дудочек, хромок
Над твоими лугами лилось!

Ты вовек не замолкнешь, родная,
Не померкнут веснянки твои,
Коль сейчас по переднему краю
Неумолчно свистят соловьи!

Все равно на тропинках знакомых
И сейчас, у любого крыльца,
Бело-белая пена черемух
Льется, льется — и нет ей конца!

День поэзии 1975

Наша Родина — Россия,
Дольняя да горная,
Наша Родина — Россия,
Грозная и гордая.

Василек мой, цвет мой синий,
Песни колыбельные.
Ой, Россия ты, Россия,
Сосны корабельные...

Сосны корабельные,
Да ветра метельные,
Да красивые девчонки,
Да ребята дельные;

Да черемухи в цвету,
Да луга с покосами,
Да девчонки-сговоренки
С золотыми косами;

Да на ветке соловей,
Да без счету версточки,
Да отважных сыновей
На погонах звездочки!

1943—1944

День поэзии 1975

НА ПАРАДЕ ПОБЕДЫ

Посмотри, как проходит пехота,—
сквозь улыбки,
сквозь море цветов...

А на лицах

застыла забота
четырёх рукопашных годов.
Из-под Киева, Бреста, Катуня...
Вижу, вот они —

дети земли,
что от двадцать второго июня
до девятого мая дошли...

День поэзии 1981

Так просто женщина не плачет,
ты виноват наверняка,
когда лицо подруга прячет
в квадратик белого платка.

Твоя любимая вздыхает.
Во вздохе слышится упрек.
Все реже, реже отдыхает
тобой подаренный платок.

Оставь нелепые сомненья:
потом поймешь свою вину.
Но в эти трудные мгновенья
не оставляй ее одну.

Из самых горьких испытаний,
из тех, что выпадут всерьез,
бояться надо не рыданий,
а вот таких — усталых — слез.

День поэзии 1968

ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР

АКТЕРСКИЙ КАЛЕНДАРЬ

О календарь, ты знаешь наперед,
что мне играть в четверг и в воскресенье,
тасуешь судьбы и ведешь расчет:
во вторник — смерть, а в среду —
спасенье

Не отменю тебя, не заменю,
я подчинен твоей железной власти.
В каникулы две гибели на дню,
два горя от ума... Одни напасти.

И только одного не знаешь ты,
диктуя время, автора и моду, —
когда из оглашенной темноты
пробьется свет и обрету свободу,

когда в одной из клеток из твоих,
составленных подряд для пользы дела,
погну я прутья и прорвусь сквозь них
бог весть куда!.. Куда душа глядела...

День поэзии 1969

Когда играешь короля,
и за тобой твоя земля,
и ты един в трех лицах —
подумай о границах...

Когда играешь короля,
а вражья конница, пыля,
смела твои границы —
подумай о столице.

Когда играешь короля
и все надежды у ноля,
а вокруг тебя измена —
то смерть милее плена...

Когда играешь короля,
а над тобой висит петля
и рядом кат угрюмый —
о будущем подумай.

Теперь ты больше не король,
теперь позволь себе, позволь
тонуть в слезах незримых
о близких и любимых...

День поэзии 1978

*Ася Векслер,
«Александро-Невская лавра»*

АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ

1909—1971

Я не люблю бумажные цветы
С их лживою красотью бездушной.
И делать их, по-моему, не нужно,—
Где нет души, там нет и красоты.

Не стал, да и не станет знаменит
Никто из тех, кто мастерил их честно.
Они в столовых портят аппетит,
Пыль собирая там, где ей не место.

Взор человека в звездном корабле
От их красоты не потеплеет.
Подснежник скромный больше и живее
В других мирах расскажет о Земле.

Когда умру, ты мне простишь грехи,
Живой цветок на тихий холм положишь
И вспоминать не будешь те стихи,
Что на бумажные цветы похожи.

День поэзии 1961

Ласточенок до срока покинул гнездо
И не вверх полетел, а вниз.
А внизу, на траве,
Кот крутил хвостом,
Пес от скуки полено грыз.

И последним бы стал
Этот первый полет,
Но раздался окрик старухи —
И не тронулись с места
Ни пес,
Ни кот,
Все успели добрые руки.

Возвращенный в гнездо,
Вновь не падал в траву,
Рос птенец, набирался сил.
А когда полетел —
Полетел в синеву,
Желторот,
Белогруд,
Чернокрыл.

Ах, как ласточки любят в июле летать!
Как свобода их хороша!
Ничего, что старухе никак не узнать
В стае
Бывшего глупыша.

День поэзии 1962

Огонь войны не сжег в душе, не выжег
Ни нежных чувств,
Ни дорогих имен.
Как темен путь!
Вот орудийных вспышек
Мгновенным блеском озарился он.
И в этот миг, взнесенные высоко,
Предстали этажи передо мной,
И глянули ряды дрожащих окон
С огромных стен, израненных войной.

Рванулось сердце, словно ждало знака,
Но мы в строю,—
И все, что мне дано:
Из тысяч окон, глянувших из мрака,
Лишь различить заветное окно.
И прошагать в ночи осенней мимо,
Во имя встреч благословляя ту,
Что, может, в этот час,
Тоской томима,
В грохочущую смотрит темноту.

1942

День поэзии 1975

ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ

1895—1977

КОРАБЛЬ НА ИГЛЕ АДМИРАЛТЕЙСТВА

На острие сверкающей иглы
Ты выбрал путь, начертанный заранее
По компасу расчета и дерзаний,
В лазурь и свет — поверх балтийской
мглы.

Здесь под тобой над дельтою Невы
Сто островов, проспекты и каналы,
Кварталов белых веер небывалый
И парк Победы в празднестве листвы.

Крылатый вестник отшумевших лет,
Доставшийся мечтателям в наследство,
Тебе дано великое соседство
Иных свершений и иных побед.

Не по твоим ли медным парусам
Скользнула первой молния «Авроры»,
Не ты ли гром, раздвинувший просторы,
Ответно бросил яростным ветрам?

Над городом, сверкая с высоты,
От наших дней в иные поколенья
Лети, как символ вечного движенья,
Корабль надежд и сбывшейся мечты!

День поэзии 1962

ЛИНДА

Сидит безутешная Линда на камне, обтесанном грубо,
Склонилась под гнетом печали в осенней сырой полумгле.
Над нею по-братски простерты объятья узлистого дуба,
И листья, янтарные листья, лежат на остывшей земле.

Отлитая в пасмурной бронзе, лишённая сердца и речи,
Она воплощением горя поникла под серым дождем,
И кружатся поздние листья, и зябнут покорные плечи,
А осень, созревшая осень, сухим догорает костром.

...Скрывалось за тучами солнце, растаявший день опечалив,
Ей очи слеза застилала, клубилась над рощами мгла,
Когда она к тихой могиле, где муж ее, доблестный Калев,
Лежит под увядшей травой, тяжелые глыбы несла.

С камнями в широком подоле взбираясь по осыпи черной,
Скользя, спотыкаясь, носила, а горькие слезы текли...

Пропитанный потом и кровью, все рос ее холм рукотворный,
Венчая леса и озера студеной эстонской земли.

Шумели пожары и войны. Стонало бессонное море,
Топтали тевтонские кони спаленные пашни в крови,
А холм из нетесаных глубин стоит на крутом косогоре
Как памятник доблести женской и горем омытой любви.

День поэзии 1966

Раздольный, словно песня, дух народа
Лепил его скуластые черты;
В его лице вся русская природа
Отражена в величье простоты.

Могучей Волги плавные просторы,
Не знающая края ширь степей,
Леса, поля, долины, реки, горы —
Весь светлый облик Родины моей.

В слегка раскосом глаз его прищуре,
В крутом надлобье, в крепкой лепке лба,
Во всей его стремительной фигуре
Отражена народная судьба.

Он — и порыв, и грозный пламень воли,
И зоркий ум, пронзающий века.
За все, что он принес народной доле,
Земной поклон, великая река!

День поэзии 1967

Смотри, как розовеют облака,
Просвечивая дымкой голубую.
Спит озеро. Метелки тростника,
Глядясь в него, любят себя собою.

К восходу повернул я свой челнок,
Там крылья распахнет сейчас жар-птица,
И узкий багровеющий зрачок,
Как уголек на пепле, разгорится.

Вот лег и луч. Толчется мошкара,
Затрепетали листики осины,
И как он свеж в росистые утра,
В соседней роще рокот соловьиный!

Как молод мир! Таким он был всегда
В своем неистощимом повторенье.
Шуршит тростник. Колышется вода.
И шмель гудит над гроздьями сирени.
День поэзии 1971

ГУСИНОЕ ПЕРО

Я очинил себе перо
Старательно, почти с умением.
Оно теперь легко, остро
И вольным дышит вдохновением.

В пере гусином что-то есть
Весьма достойное вниманья.
Удобств его не перечесть
Не только для чистописанья.

Немало же в веках былых
Тростинкой этою гусиной
Стихов писалось — и каких! —
Породы самой лебединой.

О, если б мне хоть как-нибудь
Вступить на этот славный путь,
А не растаять стружкой дыма,
Плывущего неудержимо!
День поэзии 1972

Стареют книги... Нет, не переплет,
Не тронутые плесенью страницы,
А то, что там, за буквами, живет
И никому уж больше не приснится.

Остановило время свой полет,
Исохла старых сказок медуница,
И до конца никто уж не поймет,
Что озаряло наших предков лица.

Но мы должны спускаться в этот мир,
Как водолазы в сумрак Атлантиды,—
Былых веков надежды и обиды

Не только стертый начисто пунктир:
Века в своей развернутой поэме
Из тьмы выходят к Свету, к вечной теме.

День поэзии 1973

Всю ночь шуршало и шумело,
Шептало, в темень уходя,
Текло, срывалось, шелестело
И что-то мне сказать хотело
 Под шум дождя, под шум дождя.
И мнилось мне, что кто-то, строго
Дням отшумевшим счет ведя,
Стоит у темного порога
Неотвратимо, как тревога,
 Под шум дождя, под шум дождя.
Рассвет туманно разгорался,
И умоляя, и стыдя,
А я понять его старался,
И засыпал, и просыпался
 Под шум дождя, под шум дождя.

День поэзии 1973

Все обычное приелось,
Больше музам не под стать.
В наши дни большая смелость
Сердце сердцем называть,
Речь ровнять живым размером
И у моды на виду
Слыть упрямым старовером
В поэтическом ряду.
Наш язык правдив от века,
Прям и прост его устав.
Не безродный он калека,
У него особый нрав.
Музе суетной в угоду
Для чего же тщишься ты
Заменять сиропом воду
Родниковой чистоты?
Разве станешь жить ты в доме,
Где нет окон в свежий сад,
Ничего не видя, кроме
Лингвистических усад?
Глушь словесного бурьяна
Разрывая напролом,
Время поздно или рано
Опрокинет этот дом,
Языку вернет родному
Прямоту и чистоту.
А мякину и солому
Видно будет за версту.

День поэзии 1978

ЦЫГАНСКАЯ ПЕСНЯ

Нине Шишкиной

Никого не люблю — только ветер один
Да ночлег под телегами в поле,
Только ветер один с черноморских равнин
Да веселую вольную волю.

Да в широкой степи одинокий костер,
Да высокие звездные очи,
Да на шали твоей молдаванский узор,
Да любовь, летней ночи короче!

День поэзии 1980

Вадим Бродский.
«Дерево ночи».

Но ворота они не открыли
И не вышли к стене городской.

Без воды,
без тепла,
без света,—

День,
который похож на ночь.
Может, в мире и силы-то нету,
Чтобы это все превозмочь.

Умирали —
и говорили:
— Наши дети увидят свет! —
Но ворота они не открыли,
На колени не встали.

Нет!

Вот в осенней уже позолоте
Город наш,
величав и хорош,—
Петр построил его на болоте,
А прочнее земли —
не найдешь!

1945

День поэзии 1975

Старость —
это тоже блокада.
Это тоже выстоять надо.

Той зимой,
ледяной и грубой,
Коченея в пути за водой,
Наши женщины красили губы,
Оставались сами собой.
Не сдавались беде и печали,
Каждый день начинали борьбой,
Наши женщины выживали,
Оставаясь сами собой.

Старость — это тоже блокада.
Это тоже выстоять надо!

День поэзии 1977

Какое счастье говорить «люблю»,
А я еще молчать себе велю,
Прикинувшись суровой и бесстрастной,
А я еще любовь в себе гблюю.
Какое счастье говорить «люблю»
Беспомощно,
доверчиво,
прекрасно.

Какое счастье слышать «я люблю»,
Но я вовеки,
даже во хмелю,
Не забываю этого различья:
Какое счастье говорить самой,
Не быть ни осторожной, ни немой,
А ворковать
по-детски или птичьи.

День поэзии 1978

Не мимолетно и не кстати,
А ежедневно — вновь и вновь —
Благодарю тебя, любовь,
Явившаяся на закате!

Уже ушла, но обернулась,
Узнала, видно, усмехнулась,
Наверно, вспомнив о былом.
Уже ушла — и вдруг вернулась,
И моего плеча коснулась
Своим божественным крылом.

Не мимолетно и не кстати,
А ежедневно — вновь и вновь —
Благодарю тебя, любовь,
Явившаяся на закате!

День поэзии 1979

АЛЕКСАНДР РЫТОВ

1935—1974

ТИШИНА

Из бухенвальдов в сумерки густые
Идут, идут ботиночки пустые
Тенями, замерзая на свету,
Годами, бесконечными рядами,
Ночами и ночными городами,
Всё маленькие туфельки идут.

Вдоль улиц, тишиною напряженных,
На площадях, туманом оглушенных:
«Тук-тук... Шлеп-шлеп!» — и шарканье, и
всхлип —

Они идут... Не верьте праздным листьям,
Порывам ветра судорожным, рысьим,
Речной струе под плавниками рыб!
Быть может, ими бредят города...
Быть может, ночь — несвязанная совесть,
Которая извечно молода?
И не во сне ли вскрикнул дальний поезд?
И не от них ли, тайно беспокоясь,
В спокойной Эльбе вспыхнула вода
Зеленым всплеском в сиром

предраассветье?

Ботиночки, а где же наши дети?

...И у витрин в безмолвии встают
На цыпочки и смотрят на медведей
Так, будто все тепло тысячелетий
За стеклами нашло себе приют!
И, что-то безнадежно вспоминая,
Нездешними зовут их именами...

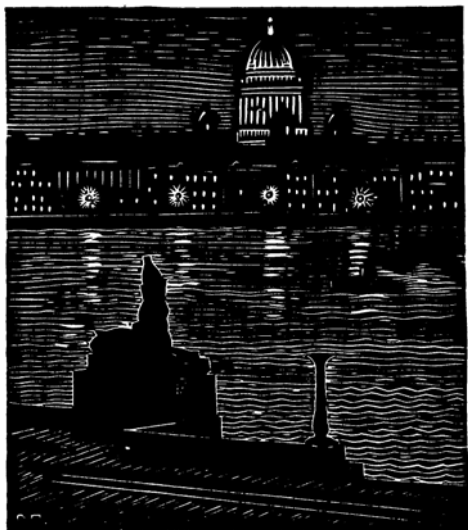
И так же явны, как неона купол,
Как волосы капроновые кукол —
Сосем как настоящие! — как их,
Тех кукол, настоящая посуда,
Кроватки под перинками, простуда —
Как настоящая, совсем как у живых!

Мое сознание, загнанное в угол,
Среди ревущих вновь сороковых...

О, подлое всегда «не может быть»!
Где наши дети, бывшие живыми?
В каком лесу, в какой они пустыне?
Не много ли преступной тишины им?
Как смели мы так мало их любить,
Что допустили воплощенье бреда —
То лето — лишь похожее на лето?!

День поэзии 1969

Олег Почтенный.
«Нева»

РИЖСКАЯ СВАДЬБА

Это не ветер в Риге, а Уленшпигель.
Это не осень вовсе — пиво для Ламме.
Рига качнула в небе пламенем шпилей,
Рига взлетела в небо колоколами.

С мокрых от смеха кровель флюгеры машут.
Отсвет буланных молний мчится по жести.
Мерно проходят башни в свадебном марше.
Тучи собрались в кучи чисто по-женски.

Листья горят, как лица, от любопытства.
Рига выходит замуж -- всякому близко.
Осень выносит пиво — как не напиться!
Домский орган, как море, в пене и брызгах.

Это не грозы — гезы вышли на берег.
Это не Рига — Неле в грозном портале.
Чайки с фатой на перьях, если поверить
В то, что стрижи-рижане мне рассказали.

Правда, приврали малость — просто усталость,
Но безобидно, видно, так — безотчетно:
Будто ждала так долго, что застоялась
В шелковых лентах «Волга» в шашечках черных.

День поэзии 1969

НА ДВОРЦОВОМ МОСТУ

По реке стаи льдин вдоль гранита плывут и плывут.
Легкий перистый лед прижимается к розовым глыбам.
И скользит и скользит, ломким звоном наполнив Неву,
Белозубьем своим улыбаясь и чайкам и рыбам.
Мы летим на мосту, на парящем Дворцовом мосту.
Тихо ветер свистит, как мальчишка худой, голенастый.
И того и гляди фонари в синеву прорастут
Любопытной листвой — только в крепости грянет двенадцать.
Теплоходик бежит, под мостами водой шелестя,
Спотыкаясь, спеша, на бегу отраженье роняя.
Как тяжелые теплые-теплые капли дождя,
На асфальт из окна вдруг упали аккорды рояля.
Водопад колоннад обрывается с Зимнего вниз,
И втекают в Неву по-гренландски седые колонны,
И выносит залив мимо наших и финских границ
На далекие отмели их ледяные короны.

День поэзии 1971

МИХАИЛ САЗОНОВ

КУЗНЕЦ

Сказал мне
Кузнец родовитый,
Свое передав ремесло:
— Всем сердцем
Его полюби ты,
Чтоб в душу
Корнями вросло.
Трудись,
Не жалея размаха,
Чтоб каждый удар был хорош!
И кровлю,
И хлеб,
И рубаху —
Ты все, что захочешь,
Скуешь.—
...Волнуется пламя,
Бушует.
Я сталь накалил добела.
Работу,
Как радость большую,
Упрямая жизнь мне дала.
Чтоб тверже,
Надежнее стала,
Не покорялась рублю,
Я правду скую из металла,
В огне горновом
Закалю!

День поэзии 1973

КРОВНОЕ РОДСТВО

Крепила наша бригада
На Волге устои шлюза.
К нам подошли делегаты
Бельгийского профсоюза.

А нас тут с монтажем затерло.
Ливнем грозится лето.
Спешим. Работы по горло...
Бельгийцы поняли это.

Недолго думая, вскоре
Спецовки они надели.
А переводчик — горе,
Не смыслит в слесарном деле.

Зевать бы бельгийцам от скуки,
Была б не работа — мука,
Но в труд влюбленные руки
Сумели понять друг друга.

Плечом к плечу, без простоя
И без единой помехи,
Крепим стальные устои —
Дружбы крепкие вехи.

Рабочим с Волги и Марны
Дала родная работа
Международный слесарный
Язык железа и пота.

И радуемся как дети.
Пылают задором лица.
На нем обо всем на свете
Мы сможем договориться!

День поэзии 1964

ГЛЕБ СЕМЕНОВ

1918—1982

ГОРОДСКОЙ РОМАНС

Уляжется грохот и скрежет,
уснут пешеходы,—
окно твое наискось брезжит
сквозь годы и годы.

И, узник тшеты и шумихи,
я издали вижу:
огонь поднимается тихий
все выше и выше.

Средь ветра, над каменной кручей,
в крошечном просторе —
горит горячо и горяче,
и горе не в горе.

Как будто давнишнего лета
застыла зарница;
как будто вопрос без ответа
все длится и длится;

Как будто бы музыка где-то,
далече-далече...
Всего-то в окошке и света —
от встречи до встречи.

День поэзии 1968

Мне однажды приснилось: я стал
молодцом —

хитрецом,
гордецом,
наглецом,—
очень важным лицом
с очень важным лицом,
все трепещут — и дело с концом.

Вслед за этим приснилось: я стал
циркачом —

силачом,
ловкачом,
трепачом,—
не грущу ни о чем
и смеюсь ни о чем,
я и думать забыл, что почем.

А под утро приснилось: я стал
муженьком —
простаком,
тюфяком,
бедняком,—
я грешил табаком
и дружил с кабаком,
а теперь лишь вздыхаю тайком.

Я проснулся, глаза кулаками протер —
и свою судьбою доволен с тех пор.

День поэзии 1968

Н. О.

Вот женщина, которую люблю!
За нею следом вьюга у-лю-лю.
Фонарь скрипит... А переулочок спит...
Вот женщина — глоток моих обид!

Горячий и соленый мой глоток!
А переулочок спит... Фонарь скрипит...
Заиндевел у женщины платок.
А под ногами — лед моих обид!

Полварежки всего-то и тепла...
Скользи до следующего угла!
Ах, если бы забыть, как ты любила:
вот падаешь,
а было два крыла!

День поэзии 1969

УЕЗДНЫЙ ВАЛЬС

А сквозь деревья музыка мелькала —
вся в белом-белом, челочка на лбу.
Зеленых лейтенантов окликала
и увлекала в смежную судьбу.

Вальсируя, взаимности просила,
форсируя, наивностью форсила,
подпрапорщикам головы кружа,
фуражечки сбивала на затылок,
отмахивалась вчуже от ухмылок,—
и каждый выпуск, вышколен и пылок,
в атаку шел с того же рубежа.

В атаку по-геройски шел, по-русски,
топорщились отглаженные блузки,
бывали широки, бывали узки,
по щиколотку юбки, до колен, —
сдавались и захватывали в плен.

Порхай, любовь, на крылышках мотива!
Дурней и охорашивайся вновь.
И вспоминайся горько и счастливо,
разлива предвоенного любовь!

День поэзии 1976

Сколько ж было!.. А было... и жгло...
Неужели со мной это было?
Поросло.

Или сплыло.

Вот, казалось, любовь навсегда.
Дальше некуда вроде, казалось!
И следа

не осталось.

Не осталось следа, говорю...
Нет, не то что забыл, а не помню.
Не курю —

и легко мне.

И легко пожимаю плечом.
Да когда и вздохну тяжелее —
ни о чем
не жалею.

Так и чувствую, как с высоты
шаг за шагом спускаюсь я к дому...
Ну а ты?

По-другому?

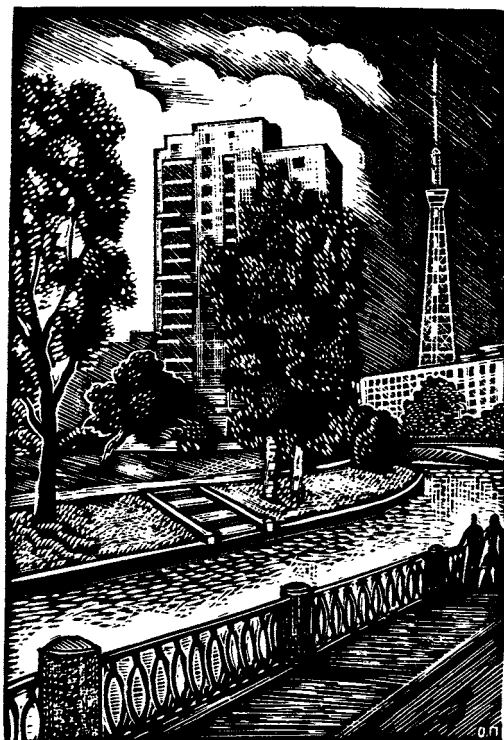
День поэзии 1981

Любовь... О господи, любовь!
Любила — не любила...
Чурайся, ерничай, злословь,
забудь, как это было.

Не верь, что было не уснуть,
все перепутай даты —
и все ж до гроба счастлив будь,
что мог любить когда-то.

Когда под шорох грозных крыл
держать ответ придется,
шепни одно лишь: «Я — любил», —
и жизнь тебе зачтется!

День поэзии 1981

Олег Почтенный.
«Набережная Черной речки».

ШАШКА

Ты спишь, как воин, как герой,
за голову закинув руку,
и шашку — верную подругу —
во сне несешь над головой.
Но никогда рука твоя
не знала шашки и гранаты,
она фисташки и гранаты
в садах Осетии рвала.
Ты спишь, как воин. И к лицу
тебе спокойствие победы,
как двести лет назад шло деду,
как двадцать лет назад — отцу.

День поэзии 1966

ХЕВСУРСКИЙ ТАНЕЦ

Хевсуры
выставят дозоры,
найдут врага,
заманят в горы,
его настигнут
и убьют.
Так было,
А теперь танцуют
и резко
в саламури дуют,
и глухо
в барабаны бьют.
Их шаг упруг,
их жесты — четки,
и с древних ритмов
их не сбить.
Они — нанизанные четки.
А танец —
связанная нить.

День поэзии 1968

КАХЕТИНЕЦ

Наяву, как на картине,
заключен в проем дверей
крепкоплечий кахетинец
в черной шапочке своей.

Он из кремня или дуба,
он крестьянин-тугодум.
Скулы вырезаны грубо.
Нос печален. Рот угрюм.

Но лица его ошибка —
доброты его залог,
на таком лице улыбка
расцветает, как цветок.

День поэзии 1969

ХЕВСУР

Ты словно тур, хевсур ты, Гигаури!
То весел ты, то хмур ты, Гигаури!
То нежный, то мятежный, ищешь бури, —
кого погубишь — не твоя вина.
Как сверстники, прекрасен ты и строен.
Как предки все, охотник ты и воин.
Но та любовь, которой ты достоин,
быть может, и на свет не рождена.

День поэзии 1971

ГРУЗИНСКОЙ КРЕСТЬЯНКЕ

Женщина с лицом иконным,
в вечно траурном платке!
Я приду к тебе с поклоном,
припаду к твоей руке.
Пусть отныне ни слезинка
не мрачит твоих очей.
Научи меня, грузинка,
скромной гордости твоей.
Пусть, стремительны и долги,
будут дни твои легки,
как пожатье этой тонкой
нецелованной руки!

День поэзии 1972

Не откладывай любовь на «потом»,
на «потом» — признайся в том — на
когда?
А потом в часу пустом входят в дом
надоеды — суета, маета.

Не откладывая любовь про запас,
испаряется она без следа.
Береженная любовь не про нас —
не сбывается она никогда.

День поэзии 1981

БАЛЛАДА О СКРИПКЕ

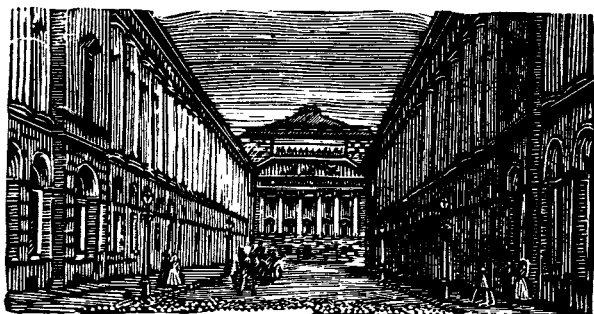
Горит молодое солнце
и в окна глядит мой.
И милый пришел, смеется
от счастья и от любви.
А скрипка в соседнем доме
играет всю — хоть плачь.
И словно бы на ладони
в окне молодой скрипач.

Дождями окно умыло
и листьями замело.
Дождалась — приходит милый,
со мною ему светло.
А скрипка в соседнем доме
играет опять, хоть плачь,
играет она и стонет,
и виден в окне скрипач.

Морозом стекло покрылось.
Темнеет. И я одна.
Недолго же ты продлилась,
счастливой любви весна!
И день мой проходит зыбко,
от горя почти незряч.
Запела бы, что ли, скрипка!
Не слышно ее, хоть плачь...

День поэзии 1982

*Ася Векслер.
«Улица Зодчего Росси».*

Для меня вино припасено
В городском саду, в зеленых чашах,
В солнечных глазах твоих вино,
Колдовское, словно дружба наша.

Для меня вино припасено
В деревянном ящике поюшем,
В голубе, взлетевшем на окно
И привет от птиц передающем.

Для меня вино — во всем вокруг:
Вот географическая карта —
И уже души коснулся друг,
Ветер странствий, влажный ветер марта.

Для меня вино припасено
В запахе весеннем краснотала,
В радости, обещанной давно,
Что пришла и на пороге встала.

Я вино обидеть не хочу:
Тешатся игрой его в бокале
Те, которым тоже по плечу
Радости людские и печали.

Только я и без него хмельна,
Потому что хитрая весна
Ставит на пути моем капканы,
Потому что на небе — луна
И луне подвластны океаны,
Потому что кликни, позови —
И возьмется хмель чудить в крови!

День поэзии 1966

АФРИКАНСКИМ СТУДЕНТАМ

Что говорить — я незнакома с вами,
Я только из окошка вижу вас,
И мне вы не приносите, как маме,
Все горести свои в вечерний час.

Вы по утрам торопитесь к трамваю,
На лекции, наверное, спеша,
А я на миг о прочем забываю —
Тревогой наполняется душа:

Ну что франтишь, оделся нараспашку,
Закутай горло, шапку натяни!
Под свитер потеплей надень рубашку,
Не Африка, где сорок пять в тени!

Торопятся студенты и по снегу
Настойчиво печатают свой шаг,
И мысленно шагаю я по следу
Грядущих судеб, будущих атак.

Вам укрощать Сахару — ох, не быстро
Пустыня сдастся — богатырский труд!
А кто-то выйдет, может быть, в министры,
Кого-то и повыше изберут.

У Пушкина был прадед-африканец,
В России нас не удивить давно...
Вам собственными вашими руками
Вращать штурвал истории дано.

Судьбы борца суров жестокий норв,
А вам придется побывать в бою.
С лица же вы похожи на шахтеров,
Что смену отработали свою.

...Бегут, теряя минуты не желая,
По Шкиперке, где смотрит из окна
Одна из белых женщин, пожилая,
И беспокойства, и надежд полна.

День поэзии 1979 .

Вижу явственно стылую осень.
Избы черного горя полны...
Мой отец хлебопашество бросил
И ушел по дорогам войны.

Нету в сердце ни злобы, ни злости —
Только звездная ночь да мороз.
По дорогам моим — только кости,
Только белые кости берез.

Вы скажите, долина и пажить,
Где лежит, под которой сосной,
Новгородский простой хлебопашец,
Мой отец и предшественник мой?..

День поэзии 1965

МАТРЕШКА

Ничего досель не славил,
Кроме сосен и берез.
Надо мною полдень ставил
Солнца желтого кокос.

За морями, за горами,
В той далекой стороне
Я одаривал дарами
Всех, кто с миром шел ко мне.

И была со мной гармошка
На серебряном ладу.
И была со мной матрешка,
Золотая, как в меду.

Не мадонна, не матрона,
А нехитрая игра,
Синеглазая Матрена,
Русских девушек сестра.

Не богиня, не рабыня,
В светлом платье цветном,
А береза и рябина
Под родным моим окном.

А береза и рябина
Тихо смотрятся в зарю.
Негритянке Коломбине
Я матрешку подарю.

День поэзии 1979

НОННА СЛЕПАКОВА

В ДВЕРЯХ

Стучали? Открываю.
Молоденький моряк.
Он хочет видеть Валю,
он топчется в дверях,
краснеет, словно вишня,
а я ему — сплеча:

«А Валя

замуж вышла
за Сашку-москвича!
Варила, убирала,
рогалики пекла,
бусы примеряла
из белого стекла.
Так долго,

долго-долго
рассматривала их.

И на машине «Волга»
увез ее жених...»

Господи помилуй!

Не надо было так!

Глядит куда-то мимо
молоденький моряк,—
еще и не в обиде,
а словно во хмелю.

И говорит:

«Простите!»

— «Простите!» —
говорю.

День поэзии 1963

А жил ты где-то очень рядом —
недалеко-недалеко.

Тебе и мне носили на дом
из гастронома молоко.

И хлеб из одного фургона
нам доставался по утрам,
и небо одного района
в глаза заглядывало нам.

А я шепталась по скамейкам
и целовалась у ворот,
и дом твой знала только мельком —
там был трамвайный поворот.

А в парке было все, что надо,—
шаги и смех невдалеке,

скамья, безветрие, прохлада,
сирень, согретая в руке.

Вдоль парка бегали трамваи.

И где-то после десяти
мои мальчишки не скрывали,
что больше некуда пойти...

От них запомнилось немного:

под вечер — полы пиджака,
да чуть заметная тревога,
да щеки вроде наждака.

Я им, наверное, казалась
немного сделанной не так:
зачем я к листьям прикасалась,
зачем я гладила собак?

Но только что-то начиналось
и еле теплилось еще.

А рядом спичка загоралась,
чужое двигалось плечо,
и было небо голубое,
была зеленая вода...

И хорошо, что мы с тобою
еще не встретились тогда!

День поэзии 1963

Смотрю — все хуже год от года

С лесами, воздухом, водой,

И называется природа

Почти клинически — средой.

Мы деловиты и угрюмы.

Но кое в ком еще пока

Неторопливо бродят думы,

Как чистой влаги облака;

И зелень теплая, сквозная

Кой у кого глядит из глаз;

И замшевая лань лесная

В губах припрятана у нас;

И полноводная — спасибо! —

Течет любовная река,

И плещет женщина, как рыба,

В счастливой хватке рыбака.

День поэзии 1978

МОНОЛОГ СТАТУИ САМСОНА В 1947 ГОДУ

Меня везла открытая машина,
Чтоб знал послевоенный Ленинград,
Что я на место встану нерушимо —
Как до войны. Как двести лет назад.

Я двигался замедленно и плавно,
С упорной мощью шею наклоня.
А между тем — погиб совсем недавно.
Совсем недавно — не было меня...

Но вот он я! Стою вполоборота,
Пригнув к земле ощеренного льва,
И мускулов блистающих работа
На мне опять подробна и жива.

Я воскрешен для битвы неустанной, —
Да слышат вновь родные берега
Сей ярый вопль — свирепый вихрь
фонтанный,
Исторгнутый из глотки у врага!

Знак двух времен — я через город еду.
Соединить настала мне пора
Громадную недавнюю победу
С далекою викторией Петра.

День поэзии 1981

В ВАГОНЕ

В раю вагонного тепла
Я видела двоих.
Напротив сидя, не могла
Я не глядеть на них.

Он, в лыжной курточке своей,
Мальчишески костист,
Сидел — студентик, воробей,
Должно быть, слаломист...

Она была бледным-бледна
От жара своего,
И задевала всех волна,
Что шла на одного.

Я видела — едва-едва
Ползла ее рука
По ацетату рукава
К ладони паренька.

Спортивной красною рукой
Он брал ее персты,
И тайной дрожью никакой
Не трогались черты.

И с дружелюбной простотой
Худые мослаки
Вовсю сжимали тайну той
Сияющей руки.

И в посторонности своей,
Не зная почему,
Я так завидовала — ей,
А вовсе не ему.

День поэзии 1981

Я жалею старух бестолковых,
Я их бережно к дому веду,
Плоскостопых и разночулковых,
На разлапом утином ходу.

Я прощаю им шаг неуклюжий,
Забыванье того и сего,
Медлю с ними пред каждою лужей,
«Перейдем, — говорю, — ничего!»

Доставляю им маленький праздник:
Торжествуя открыть предо мной
Золотую кубышку, запасник
Трепыханья эпохи иной.

А ведь как же они раздражали
По отдельности и сообща,
И какими я их виражами
Обегала, подолом плеча!

Наступает жалеющий возраст,
Словно платья изношена ткань
И щемящий, предчувственный воздух
Холодит через первую рвань.

День поэзии 1983

Я К ЛЮДЯМ ПРИЧАСТЕН...

Я к людям причастен,
Я к боли причастен.
И к песне,
И к дрожи лесного листа.
Я впитывал солнце
Для жизни и счастья.
Не мог, если жизнь разрывали на части,
Стихи собирать, как малину с куста.
В кого-то стреляли.
Блаженствовал кто-то.
Там храм низвергали.
Там строили храм.
Я посадил махом
В окне переплеты,
Лицо я подставил
Бродячим ветрам.
В них брызги Атлантики,
Пыль от базальта,
Они опадали
Пыльцой на поля.
Но пухлые пеплы
Печей Бухенвальда
Осесть не могли.
Не брала их земля.
Сирокко бежал
С эшафотов Алжира.
Муссоны полны
Смертоносной золы.
И это не ночь
Придавила полмира,
А страшный от пыток
Зрачок Джамилы.
Но, злу неподвластен
И лжи неподвластен,
Я шел
В опрокинутый кратер зари.
Причастен к тебе я!
Причастен! Причастен!
Бери меня, жизнь!
Только круто бери.
Из топей болотных
И с гор, где лавины,
Где беркуты звезды
Срезают крылом,
Откликнулись ритмы
И сшиблись, как льдины,
И песни сквозь сердце
Пошли напролом.

А ветры вели
Все упрямей и дальше,
К рабочим парням,
Осиянным трудом,
Где верили свято
Без выгод и фальши:
Верно идем!

К коммунизму идем!

И пусть эти парни
Зовут Зурбаганом
Четыре барака,
Два яруса нар,—
Но дружба без трещин,
Но взгляд без обмана,
Но сердце за сердце,
Удар за удар.

День поэзии 1961

ВИКТОР СОСНОРА

Когда от грохота над морем
бледнеют пальцы и лицо,
гребни, товарищ!

В мире молний
необходимо быть гребцом.

Из очарованных песчинок
надежный не забрезжит мыс.
Знай: над разнузданной пучиной
надежды — нет, и — не молись.

Не убедить молитвой море,
не выйти из воды сухим,
гребни, товарищ!

В мире молний
бесстрашный труженик стихий!

Над Ладогой вечерний звон.
Перемещение водных глыб.
Бездонное свечение волн.
Космические
блики рыб.

У туч прозрачный
облик скал.
Под ними красная кайма.
Вне звона различимо, как
поет комар,
поет комар!

Мои уключины — аккорд
железа и весла-меча.
Плыву и слушаю: какой
вечерний звон,
вечерний час!

Озерной влаги виражи
и музыкальная капель.
Чего жалеть?

Я жил, как жил.

Я плыл, как плыл.
Я пел, как пел.

И не приобретал синиц,
небесных журавлей не знал.

Афористичность этих птиц
смешна.

А слава не нужна.

Не нужен юг чужих держав,
когда на ветках в форме цифр,
как слезы светлые, дрожат
слегка пернатые пенцы.

Когда над Ладогой лучи
многообразны, как Сибирь...
Когда над родиной звучит
вечерний звон моей судьбы.

День поэзии 1969

ПУШКИН В МИХАЙЛОВСКОМ

Улетели птицы и листья.
Небеса — водяные знаки.
По стеклянной теплице ходит
цапля в белом, как дева в белом.

Однозвучен огонь.

Мигают
многоглазые канделябры.
Ты один. В деревянном доме
деревянная тишина.

Улетели пчелы и утки.
В небесах невидимки — бесы.
А вчера уползли улитки
в сердцевину земного шара.

Ты один в деревянном мире.
Черной молнией по бумаге
пробегает перо воронье,
и чернеют черновики.

Пчелы в ульях, улитки в недрах.
И у птиц опадают крылья.
Перелетные птицы, где вы?
Опустели улицы неба.

За стеклянной решеткой ходит
цапля в белых, как бал, одеждах,
чертит клювом на мглистых стеклах
водяные знаки свои.

День поэзии 1969

НА КЛАДБИЩЕ КОММУНАРОВ

Если молнии-горнисты
протрубят конец Бастилий,
ураганами гонимы,
гномы гомонят бессильно.

Ураганы — к переменам,
перемены — к мерам новым,
перемены непременно
выйдут боком всяким гномам!

Не до дремы, не до нормы:
топоры торчат над холкой!..
Гномы уползают в норы
и хихикают тихонько.

Любо в норах бесноваться,
переваривать запасы.
Пусть немного тесновато,
но намного безопасней!

Ураган прошел.
Подсудно
установлены каноны.
Глазом не моргнешь: повсюду
гам и гомон! гном на гноме!

И горнистам, тем, что пали
(ну а пали все горнисты!),
воздвигают мрамор в память,
восхваляют безгранично,
гномы —
 воздвигают,
 моют,
 роют,
глядь: к рукам прибрали
все остатки малых молний
и больших протуберанцев.

День поэзии 1971

Ты уходишь,
как уходят в небо звезды,
заблудившиеся дети рассвета,
ты уходишь, как уходят в небо
на кораблики похожие птицы.

Что вам в небе?
Наша мгла сильнее снега.
Наше солнце
навсегда слабее сердца,
а кораблик журавля на самом деле
небольшое
птичье перышко, не больше.

Ты уходишь,
отпускаю, потому что
опустели
сентябри моими журавлями.
До свиданья.
До бессонных сновидений.
До рассвета,
заблудившегося в мире.

День поэзии 1971

Все равно — по смеху, по слезам ли.
Все равно — сирена ли, синица..
Не проснуться завтра, послезавтра,
никому на свете не присниться.

День поэзии 1971

Не прилетай ты, черная птица,
в дом мой!
Не прилетай!
Сына единственного улыбку,
черная, не пугай...

Прочь уходи!
Ты клевать не смеешь
слезы его — желают
они отражать зеленую ветку
под молодым небосводом.

Черная птица, не приходи,
гнев не буди —
чтоб злобное пламя
не бушевало над миром,
над нами.

Не приходи ты, черная птица,
не нависай
над нашей судьбою:
черное облако,
злобное облако
тянешь ты за собою.

Не прилетай ты, черная птица,
и не пугай голубей на рассвете!
Не приноси ты
стона вулканов
из одичавших дебрей.

Слушать хочу я,
как тихо проходит
утро по травам и пашням,—
чтоб сердце
билося легко и спокойно в груди...

Не приходи ты, черная птица,
не приходи!

Перевел с сербскохорватского

С. Ботвинник

День поэзии 1980

ЖАЛОБА ПАСТУХА

На рассвете с прутом и свирелью
я на пастбище стадо повел;
луч еще только крался к ущелью,
и резвились ягнята у ног.

Но почуяли овцы несчастье,
застучали копытцами вдруг,
уши чуткие насторожили —
покачнулись тропинка и луг.

Задрожал колокольчик, забился,
прянул в сторону старый вожак,
словно волк ему в шею вцепился,
овцы с бляньем бросились прочь.

Замолчала свирель, захлебнулась.
Как я стадо теперь соберу?
Сквозь кусты и колючий терновник
разбрелось, обдирая кору.

Там, где был родничок светлоокий,
не осталось ни капли воды,
только ящерица на припеке
разлеглась и поводит хвостом.

Где найду я своих подопечных?
То не овцы белеют в лугах,
то раскиданы в позах беспечных
камни, с грохотом сползшие с гор.

Смотрят камни с израненных склонов
на морской белопенный прибой,
но не гасит соленая влага
углей жажды. Столпились гурьбой

уцелевшие жалкие овцы,
их не ждут в разоренном селе,
и лежит обгоревшее солнце
на расколоте черной скале.

Перевел с сербскохорватского

А. Кушнер

День поэзии 1980

В ДЕНЬ СМЕРТИ ПАБЛО НЕРУДЫ

Между смертью и тем, что называют
бессмертием, я выбираю гитару.

П. Неруда

Черный пронесся ветер —
пронесся по белому свету.
Остался голос гитары,
зовет он и проклинаяет,
поет о любви,
о смерти —
о смерти поет бессмертье...

Гитара не умолкает,
все раны родины знает,
и струны ее натянулись
под этим солнечным небом.

Гитара подобна птице,
трепещущей, раскрыленной,
подобна цветку огневому,
пылающему во мраке.

За каплей капля
на струны
земные падают слезы,
и острова Досона стоны
до струн этих
ветер доносит.
И в сердце века гитара
поет —
а вокруг пожары...
Поет в ожиданье солнца.

Уснуло сердце.
Поет гитара
его борьбу
и его любовь.
И алый перстень зари
надеждой
горит на руке земли...

Уснуло сердце.
Поет гитара —
на струнах солнца
пальцы Свободы.

Поет гитара —
и сердце Пабло
к земле
опять прикоснулось...

Поет гитара —
и голос Пабло
растет
из солнечной сердцевины!

День поэзии 1975

*Перевел с сербскохорватского
С. Ботвинник*

КОЛИЗЕЙ

Воздух ненавистью пропитан,
накрывают кровавым плащом
гладиатора; стынет, убит он:
еще крови, крови еще!

Свою голову на ладони
проношу, кровь стекает со щек.
Гладиаторы гибнут в загоне:
еще крови, крови еще!

Грудь железным трезубцем пробита,
гибну, факелом освещен.
Сломан ритм, и строфа под копытом:
еще крови, крови еще!

Где-то труп обезглавленный тащат,
танк поводит граненым плечом,
тени бомб из-под тени летящей
осыпаются: крови еще!

Ты хотел бы подальше от схватки,
с краю жизни прожить, не при чем,
но, с судьбою играющий в прятки,
вдруг услышишь ты: крови еще!

Нету трещин таких и расщелин,
чтобы спрятаться. Встань во весь рост,
чтобы рухнули все Колизеи,
голос правды взметнулся до звезд!

Я стихов своих звучность утрою,
всеми бедами века крещен,
вопреки беспощадному вою:
еще крови, крови еще!

*Перевел с сербскохорватского
А. Кушнер*

День поэзии 1981

У дороги ее мне послала судьба:
боевая, измята, лежала труба,—
бог войны утомился,
куда-то исчез,
не вернуться ему
ни с земли, ни с небес.

Опускается осень — желта и ясна,
боевая труба у дороги видна,
и густая лежит паутина на ней,
и листва на нее опадает с ветвей...

Слышу — травы поют:
— Нету бога войны,
умирать под копытами мы не должны,
нас железом пылающим
не извести,
сможешь ты, наше семя,
в тиши прорасти!

Мирно воды прозрачные льются теперь.
В доме —
ясному солнцу распахнута дверь.
У дороги уснула,
от ржави ряба,
в паутине, в пыли —
боевая труба.

*Перевел с сербскохорватского
С. Ботвинник*

День поэзии 1981

После смерти фараоновой
становилось благовонно,—
как героя обожженного,
бинтовали фараона.
От макушки до конечностей.
И такой,
 лишенный вида,
с гарантированной вечностью
отплывал он в пирамиду.
В сундуке скучала мумия
век, и два,
 и даже тридцать...
Ни минуты бы не думая,
предпочел я раствориться!
Подкормить собой растение —
хоть осину, хоть березу,
чахлым травам дать цветение —
пусть потом их сгложут козы.
Эти козы будут доены,
молоко возляжет в кринки...
Будет жизнь моя усвоена —
стану я частицей Зинки
или Ваньки...
И завертится!
Где конец, а где начало?
...Можно ль так бинтам

 довериться?

Вот стою я среди зала.
И лежит его величество
в полной целости-сохранности,
и в него указки тычутся,
как во все иные странности.

День поэзии 1967

ИСПАНСКИЕ МОТИВЫ

Невесомую галерой
мимо туч плывет Селена.
Тихий плеск реки Дуэро.
Тишина во всей Вселенной.
Спят дома и переулки,
спят купцы, и спят поэты,
альгвасилы в караулках
спят, оставив арбалеты.
Спят ремесленники мирно...
Только, чу!
Откуда звяки?

Это чей там стук настырный
железякой в железяку?
Это славный дон Фернандо
бьется насмерть с дон Диасом.
Может, подана команда
двум бойцам такого класса?
Может быть, вражды столетья
или страсть к одной сеньоре?
Может быть, интриги сети
привели их к этой ссоре?
Нет и нет!
Не угадали!
И напрасны все потуги.
Час назад еще не знали
эти гранды друг о друге.
К пункту А спешил Фернандо,
к пункту Б — Диас влюбленный,—
два отдельно взятых гранда
к двум отдельно взятым доннам.
И в процессе продвиженья
в два часа и три минуты
вышло здесь пересечение
их стремительных маршрутов.
Разойтись бы. Да непросто —
переулочек слишком узкий.
Гранду гранд — что волк тамбовский
или даже андалузский.
Драка грандам — что находка,
день без драки — что пропажа.
Кто проткнет,

 кто будет проткнут —

это им неважно даже!
И тотчас же в угол вещи:
и плащи, и мандолины.
И по шпаге шпага хлещет,
и в душе у них — малина!
...Не боятся в жизни риска,
высекая шпагой искры,
дон Диас д'Сан-Франциско,
дон Фернандо д'Канистро.
— Поздравляю, дон любезный,
вы мою проткнули печень!
— Поздравленья бесполезны —
я смертельно изувечен! —
...И упали враз без стопа
два отдельно взятых донна —
близнецы в своей судьбе.
...И ворочаются бессонно
в ожиданье оскорбленным
двум отдельно взятым доннам
в пункте А
и в пункте Б.

День поэзии 1981

В КОРИДОРАХ ЛУВРА

— Сир! —

сказал королю кирасир,
нервной шпорой терзая паркет.—

Вам известно, что жулик кассир
вашу гвардию сводит на нет?

Мы все лето средь ядер и пуль,
мы сражаемся с мыслью о вас!

Государь!

На исходе июль,

а получен лишь майский аванс!

Ну и сумма!

Ведь это не раз!

Посидели,

и снова — в кредит...

А починка разбитых кирас?

Сир! Пробойны все — на груди!

Обнищали, проелись дотла,

без графинь, баронесс и маркиз...

Умираем, чтоб ваша взяла!

А теперь — этот подлый сюрприз?!

Государь,

может, он наболтал,

что не будет квартальных щедрот?

Что не выполнен план за квартал

по количеству взятых высот?

Негодяй! Тыловой крючковтор!

Это ж место болотных низин!

Где там горы?

Хоть малый бугор?

Мы же там пропадаем в грязи! —

...Кирасир говорил и кричал,

рвал кирасу в припадке тоски.

А король сокрушенно молчал

и поглаживал грустно виски.

— Поль,— сказал кирасиру король,—

я и сам-то к нему что к врагу.

Я его колесую, изволь,

но придаться к нему не могу! —

...А кассир все трудился в поту,

пятернею копал в парике.

И любому свою правоту

доказал бы с бумажкой в руке.

День поэзии 1981

НИКОЛАЙ ТИХОНОВ

1896—1979

ШАХРИСТАНСКИЙ ПЕРЕВАЛ

Пропасти все шире и отвесней,
Горы все грознее сквозь пургу,
Вот бы им сейчас ответить песней,—
Не имею права, не могу!

Я спускаюсь нынче с перевала,
Эту песню за меня поет
Мальчик, что в халате темно-алом
Мне навстречу по снегу идет.

Юный горец, в путь он вышел рано,
Звезды гасли, только рассвело,
Перед строем горных великанов
Время петь теперь ему пришло.

И в своем халате темно-алом,
Вот таким, каким сейчас возник,
Пусть идет к высотам небывалым,
Сквозь снега и вьюги напрямик.

Мать сидит на ишаке мышастом,
Никуда от снега не свернуть,
По камням по ледяным, по насту
Вверх тяжел и долгод этот путь.

Мать лицо от ветра закрывает.
С поднятой высоко головой
Мальчик смотрит прямо, точно знает:
Ветер — брат стихии стиховой.

И, покрытый клочьями тумана,
Чудных слов каких-то слыша звон,
Может быть, на высях Шахристана
Первый стих сегодня сложит он!

День поэзии 1961

Прибой стиха идет волне вослед,
Один и тот же берег перед ними,
Волна горит, распавшись в пенном дыме,
Но стих живет, ему распада нет!

Но стих, родившись из глубин бездонных,
Идет волной и облаком летит,
Кочует птицей по лесам зеленым,
Листвой над самым сердцем шелестит.

Лежит зерном в глухое время года,
Вновь говорит после молчанья сна,
Он входит в жизнь, в круговорот природы,
В нем чувства все, все года времена.

И мы горды стихиею родною,
Пусть пенный стих, цвет жизни огневой,
Абхазской или русской волною
Вдруг налетев, накроет с головой!

День поэзии 1963

Есть такое в ленинградцах —
То, чему они верны,
В чем никак не разобратся
Никому со стороны.

Не в удаче, не в богатстве,
Не в упрямстве даже суть —
А в особом нашем братстве
Над Невой, не где-нибудь!

И в бою, и в непогоду,
Среди самых злых забот —
Ленинградская порода
Никогда не пропадет!

День поэзии 1966

О ХЛЕБЕ

Из руин седых и хмурых,
Точно вечность сторожит,
Черных зерен Кармир-блур
В чашке горсточка лежит.

То сожженная пшеница
Из подвалов крепостных,
Сквозь века ей поле снится,
Где серпа размах затаил.

И теперь в юдоли бедной,
В этой комнате простой,
Стала песней и легендой,
Зерен черной наготой.

Зерна наших дней, светитесь
Позолотою резной.
Говорим мы: берегите,
Берегите хлеб родной.

Берегите каждый колос
Наших радостных полей,

Словно песен тихий голос
Громкой родины своей!

Не хотим мы видеть черных
Зерен, выжженных войной,
Пусть сияет нам узорный
Золотистых волн прибой.

Не мечтаем мы о чуде,
К нам полей живая речь:
«Берегите хлеб. Вы, люди,
Научитесь хлеб беречь!»

День поэзии 1974

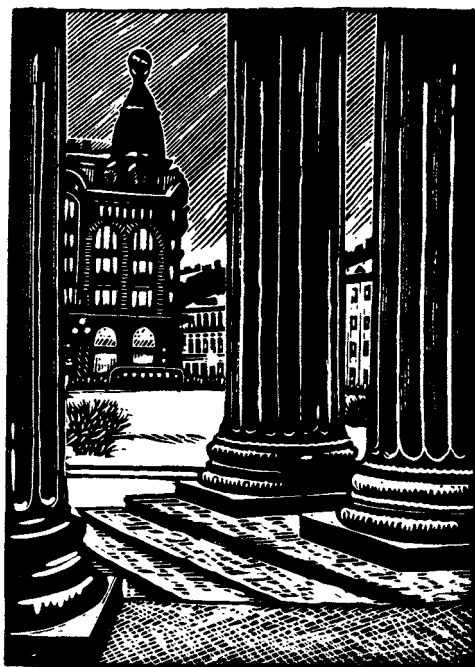
Я видел, как город ветров засыпает,
Становится тих он и нем,
Как музыка улиц нестройная тает
И вдруг замирает совсем.

Так в час, не доступный ни шуму, ни стуку,
Смотрел я на город на берегу,
И видел я в небе простертую руку
Бессменного стража Баку.

И мне показалось той тихою ночью,
Когда я стоял и смотрел из окна,
Как будто бы статуя бурей клокочет
И — Киров зовется она.

И сила той бури бессмертна на свете,
Ее потушить не смогли,
А руку он поднял в сердечном привете
Всем труженикам земли!

День поэзии 1977

Олег Почтенный.
«Дом книги»

ДМИТРИЙ ТОЛСТОБА

Ах, черт...
И чем берет береза,
как бросит ветви на закат?
Тут бормочи стихи ли, прозу —
все будешь мал и виноват.
Нахлынут болью —
диво детства,
тоска недавнего греха...

И чем берет?
Ведь приглядеться —
три полутона, два штриха.

День поэзии 1969

Стихи — не зеркало души.
Не сотвори из них кумира.
Попробуй, чувства опиши,
получишь жалкую сатиру.

Душа как юркая плотва,
она играет, плещет, бьется,
но лишь вонзишь в нее слова —
сушеной воблой обернется.

День поэзии 1969

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Соседский пес обнюхивает ноги.
Ко мне родня кидается на грудь.
Но я устал. Простите. Мне с дороги
хотя б немного нужно отдохнуть.

Целуйте крепче. Но не тормозите.
Мне восклицанья громкие странны.
Вы — у себя. А я пока не житель
Ни здешних мест, ни дальней стороны.

А я пока разбросан по вагонам.
Я в листопадах Легницы и Мги.
Не снят бушлат, не спороты погоны.
Не пройден путь, но прерваны шаги.

Я не хочу ни выпивки, ни хлеба.
Как мал диван... Как близко абажур..
Везде я был. Нигде я толком не был.
Сначала спать. Потом соображу.

День поэзии 1971

Большеглазый кошмарик мой,
не пойду я сейчас домой.
А пойду я сейчас туда,
где от солнца бела вода.

Ты платок собери в горсти,
ты вполголоса погрусти.
Если станет совсем невмочь,
погляди, как играет дочь,
как живой голосок ее
греет наше житье-бытье.

День поэзии 1971

Я возьму коробку с красками
и набор карандашей.
Нарисую солнце красное
и улыбку до ушей.

Нарисую белку рыжую.
За окошко погляжу.
Все, что там один увижу я,
я для всех изображу.

Синеву раскину по небу.
Тучи ветром разгоню.
Если что-то вы не поняли,
приходите — объясню.

День поэзии 1978

ВЛАДИМИР ТОРОПЫГИН

1928—1980

О, Тянь-Шаня отроги гордые,
вы стоите, туман клубя,
вы поите арыки города
и долины вокруг себя.
Все вы знаете, и не надо вам
малых радостей,— вывод прост:
если дружба, так с водопадами,
а любовь, так в сиянье звезд!
Как вам много, друзья, отпущено:
с небесами быть наравне!
Вы красивые. Вы зовущие.
Вы пример подаете мне.

День поэзии 1963

Возникает на голом откосе растенье,
возникает нежданное стихотворенье,
пароход из тумана, что медленно тает,
женщина возникает.

Возникает... И это не значит, что просто
длинноножка-девчонка, вчерашний
подросток
хорошеет, взрослеет... Она ниоткуда
возникает. Как чудо.

Возникает... Неистово тянется к солнцу.
Возникает... В ознобе от звездных
бессонниц.
А в глазах — так лишь с морем в апреле
бывает —
синевы прибывает.

День поэзии 1967

Не припомню: у нас, в Европе ли
я видал в музеях не раз,
как художники пишут копии,
на великое щуря глаз.

Оттого ль, что душой невеселы,
оттого ль, что тянет к рублю?..
Ну а может, это — профессия?..
Копиистов я не люблю.

Жить готов, только горе мыкая,
самой худшее из судеб,—
не могу размножить великое,
превращать его в ширпотреб.

День поэзии 1967

Гудок — и переборки заколотит,
и я сказать, пожалуй, не смогу,
как пароход уходит и уходит,
а девочка стоит на берегу.

Задумчивая, русая, босая,
среди церквей, оврагов и коров,
черемуховой веткой отгоняя
от белых ног
незримых комаров.

День поэзии 1969

Во вторую половину жизни
можно меньше совершить ошибок.
Во вторую половину жизни
можно больше подарить улыбок.

Во вторую половину жизни
легче верховодить над судьбою.
Во вторую половину жизни
к черту лицемерие любое!
Во вторую половину жизни
нам не быть другими — лишь собою!

День поэзии 1972

Я в школе учился прекрасной —
постройки тридцатых годов:
кирпич ослепительно красный
над зеленью майских садов.

Вожатым задуманный дерзко
с отрядом-соседом на спор,
горел на полу, в пионерской,
из ветра и ситца костер.

В живом уголке, у юннатов,
чья души — во власти наук,
метался вдоль стен полосатый
девчонок кумир — бурундук.

Мальчишки шептались неловко,
но той конспирации вид
не скрыл, что идет подготовка
к побегу — к испанцам, в Мадрид...

А время учило учиться —
задачник лежал под рукой...
Мне школа все снится и снится
такой и чуть-чуть не такой.

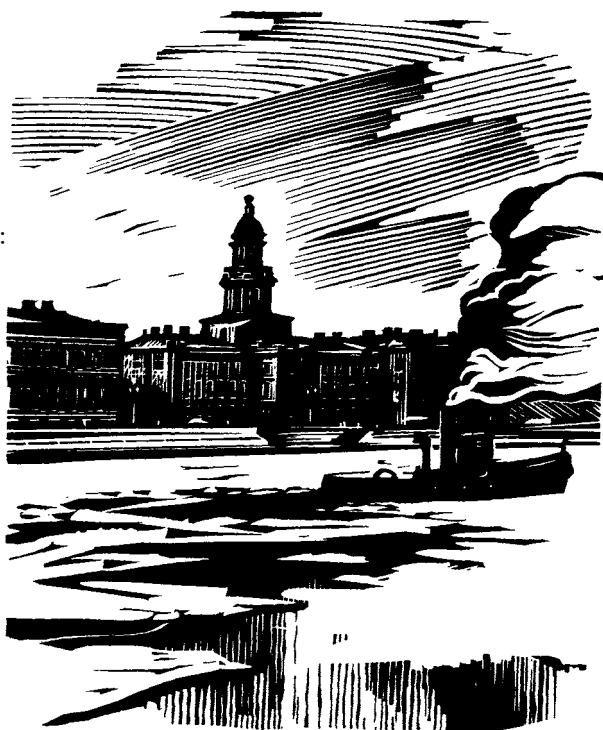
И я просыпаюсь. Мне ясно,
что в переплетениях сна
она, чем взаправду, прекрасней,
и все-таки это она!

День поэзии 1978

Еще и горе — не беда,
и ты уверен:
ты парень просто хоть куда,
к тому же стрелян!
Расправил плечи, горделив:
былинный витязь!
И вдруг в трамвае — словно взрыв:
— Отец! Садитесь!..

День поэзии 1977

Андрей Ушин.
«Ледоход на Неве».

ЛЕНИНГРАДУ

Вдоль сонных крыш
стоит рассвет на вахте.
В косом дожде
желтеют кроны лип.
У городов —
свой каменный характер,
свой на века
неповторимый тип.
И говор свой —
в дневном, в вечернем гуле.
И камни их
становятся седей...
Витиеватость и прорывы улиц
у них — как жизнь,
как судьбы у людей.
И умирают города,
как люди.
Был Карфаген,
был в славе буйный Рим.
Я счастлив жить
всем тем,
что есть, что будет
и совершится с городом моим.
Жить с ним
его рабочим умным делом.
Хранить знамен октябрьских
алый цвет.
И над Невой,
в ночном сиянье белом,
кого-то ждать,
как в восемнадцать лет.
И, полюбив
свой город от рожденья,
свет величавой
русской красоты,
в себе самом
нести, как отраженье,
его родные
вечные черты.

День поэзии 1967

Рулла-ти-рулла! —
Слова этой песенки
мы вспоминаем,
вернувшись из Хельсинки.
Не потому, что
когда-то ее же
нам подарил
фестиваль молодежи.
Просто
нам видится
с песенкой этой
в белой столице
финское лето —
в солнечных бликах,
в утреннем хоре
рыбного рынка Кауппатори.
Слышится в небе
отзвук веселый
над возведенной в лесу
Тапиолой.
Море,
озера,
гранитные скалы...
Песенка вновь
нас с тобой отыскала
и улетела в Балтийские шхеры,
где путешествуют
с ней пионеры.
Юное,
полное светлого гула,
нравится это нам:
рулла-ти-рулла!

День поэзии 1979

ГЕННАДИЙ УГРЕНИНОВ

ВОДОЛЕЙ

Никогда так не клевало на реке —
Рыба в очередь вставала вдалеке
И, лишь только наступал ее черед,
Проглотив наживку, прыгала на плот.

Я устал уже снимать ее с крючков,
Надоело рвать на части червячков,
И тогда я это дело упростил —
Вместо невода авоську опустил,
Да ни штуки не попало с той поры —
Видно, я нарушил правила игры.

Я сказал себе, что горе не беда,
Пусть капризничает темная вода,
Пусть насмешничают с лодок голоса:
Нам с хозяйкой этой рыбы за глаза.

А хозяйка у меня — не рассказать:
Так завяжет разговор — не развязать,
И мила, и брови темные — дугой,
Но одна, а бывший муж теперь с другой.

Я живу здесь постояльцем много дней,
Я — гидролог, вот и кличут «водолей».
Ставлю в речку я приборы на мели,
И за то мне шлют из города рубли.

Я пути к своей хозяйке не торю,
Просто издали ее боготворю,
Просто рыбу ей таскаю, печь топлю
И насмешки из-за этого терплю.

Только нынче словно сдвинулась гора —
До чего ж она приветна и добра.
Неужели так уж рыбой угодил,
А ведь утром «вододем» ухотил.

Дальше — больше. «Не продрог ли?» —
говорит,

Дескать, баня-то натоплена стоит.
Знать, сегодня я в счастливой полосе,
Мы шагаем в эту баню по росе.

Показала, где да что, молчит в двери,
Хочешь — веник, хочешь — за руку бери,
А как дверь за нею запер на крючок,
Уходя, вздохнула: «Ах ты, дурачок».

Посижу теперь я в мыле да в пару,
Все события в уме переберу,
Ведь не веником же кончатся дела,
Знаю, бегаешь от печки до стола,
Стосковалась по веселью, по теплу,
Насиделась со старухами в углу.

Заберусь-ка я повыше на полоч,
Вспомню нынешнюю ловлю, как урок, —
Не случилась бы такая ж ерунда.
Ах, судьба моя, ах, темная вода.

День поэзии 1979

Ни вчера,
ни год назад
и никогда
Не темнела так беспмятно вода.
Сколько раз я мимо клена проходил —
Никогда он так вот рук не разводил.
Никогда ты не глядела так светло,
Неужели мне и вправду повезло?

Только в детстве так бывает,
в полусне:
Посреди огромной ночи —
свет в окне,
И засасывает конус световой,
И летишь в него сквозь темень по кривой,
И внезапно

на отчаянном витке
Вдруг почувствуешь, что глядят по щеке.

Ухвачусь за эту руку на лету —
Ты не дай мне возвратиться в темноту,
Не пускай меня из этого тепла,
Где на белом ты немислимо бела,
Повитай со мной в блаженной тишине,
Позабудь меня и вспомни обо мне.

День поэзии 1978

Все не так, а иначе нельзя...
Посидеть бы сейчас у воды,
А чтоб нас не настигли друзья,
Замести и запутать следы.

Не о счастье —
о нем помолчу,
Не о славе — ее не дано.

Я уткнуться,
 угреться хочу,
Помурлыкать с тобой заодно.

Ты умеешь неслышно войти,
И глаза у тебя зелены,
Ты спокойно встаешь на пути,
Над тобою ни тучки вины.

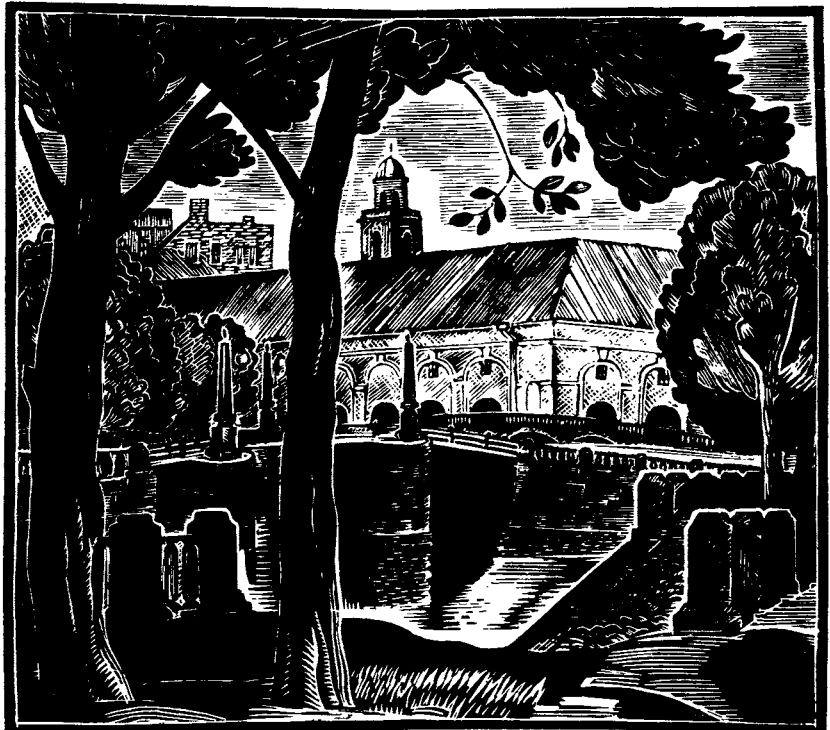
Ты умеешь скамейку в саду
Превратить и в гнездо, и в жильё,
Ты опустишь, как лампу, звезду
И сама же потушишь ее...

Обогрей меня впрок,
 про запас,
Засвети эти дни — на года,
Пусть хоть память затеплится в нас,
Если сердце сожмут холода.

Погодай на воде, на золе,
Обещай города и дела,
Дай поверить,
 что жил на земле
И земля благосклонна была.

День поэзии 1982

*Татьяна Мезерина.
«Канал Грибоедова»*

СОЛОМОН ФОГЕЛЬСОН

БЕЛОКРЫЛЫЕ ЧАЙКИ

Колышется даль голубая,
Не видно вдали берегов,—
Мы с детства о море мечтаем,
О дальних огнях маяков...
 Летят белокрылые чайки —
 Привет от родимой земли.
 И ночью и днем
 В просторе морском
 Стальные идут корабли!

Манит нас простор величавый,
С могучей стихией борьба,—
На ленточках золотом славы
Сверкает морская судьба!
 Летят белокрылые чайки —
 Привет от родимой земли.
 И ночью и днем
 В просторе морском
 Стальные идут корабли!

И если опять над морями
Взовьется сражения дым,—
Мы знаем, что Родина с нами,
А с ней мы всегда победим!
 Летят белокрылые чайки —
 Привет от родимой земли.
 И ночью и днем
 В просторе морском
 Стальные идут корабли!

1950

День поэзии 1967

МАТРОССКИЕ НОЧИ

Ой, за волнами,
Бури полными,
 Моряка родимый дом,—
Над крылечками
Дым колечками
 И черемуха под окном...
Ну а главное —
Это славная,
 Та, что всех милей собой,—
Шлют улыбки ей
Волны зыбкие,
 Ветер ластится штормовой...

Синие очи
Далеких подруг,—
Эх вы, ночи, матросские ночи,—
Только море да небо вокруг!

Волны пенятся,
Мачты кренятся,
 Ветер гонит облака...
Ночь беззвездная,
Море грозное,
 И тоска берет моряка...
Ну а главное,
Если б славная
 Подарила бы письмом,—
Даже палуба
Заплясала бы,
 Заходила бы ходуном!..
Синие очи
Далеких подруг,—
Эх вы, ночи, матросские ночи,—
Только море да небо вокруг!

«Ты не вешай нос,
Удалой матрос!..—
 Все друзья сказали так.—
Брось ты нервничать
На манер девчат,
 Не забудь, браток,— ты ж моряк!
Ну а главное,
То, что славная
 Все равно матроса ждет,
Если нравится
Флот красавице —
 Никуда от нас не уйдет!..»
Синие очи
Далеких подруг...
Эх вы, ночи, матросские ночи,—
Пусть лишь море да небо вокруг!

1944

День поэзии 1975

ИЛЬЯ ФОНЯКОВ

БАЛЛАДА ОБ ЭНТОМОЛОГЕ

Д. А. Гранину

Не бывает ненужных знаний:
Все сгодится когда-нибудь.
Пусть сегодня тебе ни званий,
Ни наград — разве в этом суть?

Жил чудак профессор, который
Всю-то жизнь свою на земле
С увлечением вникал в узоры,
Что у бабочек на крыле.

Вызывали его в столицу.
Говорили такую речь:
— Помогли б нам лучше пшеницу
От вредителей уберечь!

Ведь от вас никакой отдачи,
Так, схоластика лишь одна.
Вы подумайте, а иначе... —
Тут как раз началась война.

Бились яростно батальоны,
Отходя, сжигали мосты.
И пришел в Совет Оборона,
Разложил профессор листы.

Вот бывают в жизни дела же!
Оказался узор живой
Наилучшим при камуфляже
Зданий
В городе над Невой.

И когда сирена завывала,
Много жизней уберегло,
Много судеб собой прикрыло
Это бабочкино крыло!

Не бывает ненужных знаний,
Все сгодится когда-нибудь.
Пусть сегодня тебе ни званий,
Ни наград — разве в этом суть?

Лишь была бы твоя работа
В самом деле
Делом души,
Не для славы,
Не для отчета,
Без подчисток
И прочей лжи!

День поэзии 1977

*Владимир Алексеев.
«Мойка у квартиры Пушкина».*

СПРАВЕДЛИВОСТЬ

Послевоенный пионерский лагерь
Припомнился мне как-то невзначай:
Горнист губастый, выцветшие флаги,
Трофейные галеты, жидкий чай.

Наивность, грубость, нежность и
нахальство
Определяли в тот нелегкий год
Серьезный, скрытный, скрытый от
начальства
Мальчишеской суровой жизни ход.

И глад, и хлад — все было нам знакомо,
Воспитанным под бурей и грозой.
И вот кому-то привезли из дома
Кирпич немалый
сыра со слезой.

Делили честно, поровну, по нитке.
Один из нас, дурная голова,
Был накануне уличен в попытке
Пусть мелкого, но все же воровства.

Он в стороне сидел на жестком ложе,
С лицом от напряжения тугим.
Ему, помедлив, уделили тоже,
Но чуточку поменьше, чем другим...

День поэзии 1978

В ПЕТРОПАВЛОВСКОЙ КРЕПОСТИ

Перестукивались через стену —
Были стены толсты, крепки...
Вот где знали воистину цену
Лишней фразы и лишней строки!

Декабристы...
Социалисты...

В тесных камерах крепостных
Потрясающие стилисты
Вырабатывались из них!

Лаконично и вдохновенно
Революции стих звучал —
Так, как будто его сквозь стену
Узник узнику простучал...

День поэзии 1979

ЛИТЕРАТУРНАЯ КОНСУЛЬТАЦИЯ

Глаза глядят с доверием, светло.
Лицо простое, красное с мороза,—
С чего бы вдруг на рифмы повело
Комбайнера Ильинского совхоза?

«Цветы на клумбах высятся торчком,
Стоят в окне, в его беленой раме,
И шмель цветок обходит за цветком,
Как агитатор перед выборами...»

Исправить ударение велю,
Чего-то там прочесть рекомендую...
Сказать по правде, очень я люблю
Вот эту неуклюжесть молодую!

Читать. Ругаться. Объяснять с азов.
Пометками пятнать листок тетрадный...
И вдруг судьбы далекий, трубный зов
Услышать в строчке чьей-нибудь
нескладной!

День поэзии 1979

В МАСТЕРСКОЙ ХУДОЖНИКА

Не знаю, может, гений он,
А может, и не гений,
Но высота в искусстве есть,
Пора бы нам понять,
Когда не надо никаких
Высказывать суждений,
А надо просто промолчать
И к сведенью принять.

Уж так ли следует всегда
(Кто за язык нас тянет?)
Отметки морю выставлять,
Оценивать звезду?
Каков он есть — таков он есть.
Иным — навряд ли станет.
Еще взгляну, еще скажу
«Спасибо» — и пойду...

День поэзии 1979

СТИХИ О МИЛОСЕРДИИ

Я на койке в больнице ночью,
Засыпаю в четвертом часу.
Я не болен, я вахту ночную
При больном человеке несу.

Вечерами здесь — род посиделок,
Разговор поневоле остер:
Не хватает в больницах сиделок,
Рядовых милосердных сестер.

Дискутирует бурно палата
В продолжение нескольких дней:
Да, зарплата, конечно, зарплата,
Но... неужто все дело лишь в ней?

И тогда в полумраке больницы
Проступают на миг из стены
Милосердные юные лица
Санитарок минувшей войны.

Вспомни их, заслуживших бессмертье,
Сам себя потрясенно спроси:
Иль впрямь дефицит милосердия
Объявился у нас на Руси?

«Нет, не может случиться такое!»—
Тихий голос душе говорит.
До рассвета в приемном покое,
Как положено, лампа горит.

День поэзии 1982

ВОСПОМИНАНИЕ О ТАДЖИКИСТАНЕ

После нашего севера кажется сном
Этот город, где дышит весна, зацветая.
Утром птица поет у меня за окном:
Три серебряных ноты — одна золотая.

Чувство ритма и меры — закон красоты,
Неизменна природа, его соблюдая.
Вдалеке — озаренные солнцем хребты:
Три серебряных шапки — одна золотая.

Шумен пестрый базар. По-таджикски —
бозор.
И таджичка проходит, нарядом блистая.
На ее тюбетейке — старинный узор:
Три серебряных нитки — одна золотая.

Как забыть этот край, где по склонам
ручьи
Мчат в ущелья, крученые струи сплетая,
Где Омара Хайяма живут рубаи:
Три серебряных строчки — одна золотая!

День поэзии 1981

МОНОЛОГ ЖЕЛЕЗА

Безымянной рудой в глубине, под пластами земли,
Я лежало века, как во сне, ожидая чего-то,
Но меня разбудили, из глубины на свет извлекли,
И назвали железом, и сразу же взяли в работу.

Я в кинжалы, в мечи воплощалось по воле людской,
Мною тысячи тысяч убито и пеших и конных,
Я кровавую службу свою вспоминаю с тоской,—
Не забыть мне сирот, не забыть городов разоренных.

Человек! С добротой навеки меня породни,
Я тоскую о мудром, о честном и искреннем друге!
Чтоб настали навек для железа счастливые дни,
Не пора ли мечи перековывать в мирные плуги?

Не хочу быть оружием — хочу быть орудьем труда,—
Пусть за мирную службу меня воспевают поэты!
Не хочу разрушать — я хочу украшать города,
Чтоб гордилась Вселенная маленькой нашей планетой!

Человек! Я от крови устало за множество лет,
Не хочу я убийству служить и кровавой гордыне,
Не хочу воплощаться даже в детский пугач-пистолет,—
Чтобы даже мальчишки в войну не играли отныне.

Человек! Я могу возноситься в небесную высь,
Я могу веселить твою душу и радовать взоры,—
Хочешь, башней я стану — со мной в высоту поднимись,
Посмотри, как прекрасны родные земные просторы.

Человек! Человек! Я в труде для труда рождено,
Пусть останется людям только память о подвигах ратных.
Если истины этой утвердить тебе не суждено —
Отрекись от меня и зарой меня в землю обратно!

*Перевел с крымско-татарского
В. Шефнер*

День поэзии 1980

ВЕЧНАЯ КРАСОТА

Приходит день.

В цветенье мир долин,
Река проносит хороводы льдин
И вольно покидает берега,
И зеленью кудрявятся луга.
И пенье птиц над розами так страстно:
По-своему, природа, ты прекрасна!

Настанет день

с нарядною листвою,
И сердце вторит песенке простой:
Расти, арбуз, красней, веселый сад,
Светись в янтарных гроздьях, виноград!
И взоры солнцу отвечают ясно:
По-своему, природа, ты прекрасна!

Устанет день

уборочной поры —
Щедры земного праздника дары.
Деревья вспыхнут в ярком листопаде
И почернеют в сумрачной прохладе.
И шепчет дождь, нахлынувший ненастно:
По-своему, природа, ты прекрасна!

Смолкает день —

вокруг белым-бело,
И расцветает розами стекло.
И сердце молвит: пусть метет пурга,
Пускай растут сугробами снега.
И тишина звенит поземкой властно:
По-своему, природа, ты прекрасна!

И снова май грохочет громогласно:
По-своему, природа, ты прекрасна!

*Перевел с крымско-татарского
О. Цакунов*

День поэзии 1981

БЛАГОДАРНОСТЬ

В детстве сторожил я лошадей,—
Далеко в лесу был выпас наш.
Чтобы укрываться от дождей,
Я из веток мастерил шалаш.

Темень занавешивала вход;
А когда луны струился свет,

Упирался в звездный небосвод
Спящих скал клыкастый силуэт.

И была бездонна тишина,
Но, пугая, наполнялась вдруг
Ржаньем и движением она:
Волк бродил, наверное, вокруг.

Ныла круглоглазая сова,
На рябине выставясь в дупле,
Как малыш, о помощи зовя...
Жутко было одному во мгле.

Вскакивал тогда я на коня,
Шею целовал, шептал ему
Добрые слова. И мчал меня
Конь по лугу, разрывая тьму.

Ноздри горячи его, мокры —
Возле них я руки согревал;
Не пугал уже оскал горы,
Страх мой улетал за перевал!

...Годы скачут.

Нынче от дождей
Укрывает дом высотный мой.
Поседел я.

Только лошадей
И теперь завидев, — сам не свой!

Обнимаю, как в былые дни,
Хлопаю ладонью по спине,
Словно узнаю их. И они
Тянутся доверчиво ко мне.

*Перевел с крымско-татарского
О. Цакунов*

День поэзии 1981

РАЗГОВОР НА БЕГУ

«Что ж вы всполошили всю округу,
И стремглав бежите вы куда?»
— «Мы бежим-спешим на помощь другу:
В одночасье с ним стряслась беда.
Видишь — тишь рассвета сокрушая,
Нас, бегущих, ширятся ряды!»
— «А беда большая?»
— «Да, большая:
Не бывает маленькой беды!»

*Перевел с крымско-татарского
С. Макаров*

День поэзии 1981

ХОЗЯИН ЗЕМЛИ

Шагает две ночи не спавший
Хозяин весны, а не гость.
Ладонью широкою
 с пашни
Земли поднимает он горсть...

Надолго забыв о стоянке,
В три смены, с утра до утра,
На гусеницах, словно танки,
Идут и идут трактора.

А небо — не сыщешь бездонней,
И ветер бодрит, веселя.
Лежит у него на ладони
Большая, как правда, земля!

*Перевел с крымско-татарского
С. Макаров*

День поэзии 1981

*Олег Почтенный.
«Ленинград первомайский».*

ВАДИМ ХАЛУПОВИЧ

И ты, зеленая трава,
И вы, шумящие деревья,
Комки земли на кромке рва
И в небе облаков кочевье,—
Отрадны вы глазам моим.
И обонянию. И слуху.
Вдохну костра горчащий дым —
И словно раковину к уху
Поднес. Услышу дальний гул,
И близкий смех,
И тайный шорох...

А на светящемся кругу
Горит секунд бездымный порох.
День поэзии 1973

В бору сосновом, как в пустынном зале,
Среди колонн, колеблемых слегка,
Какою клятвой вы меня связали,
Летящие на север облака?

С каким непостижимым притяженьем
К моим подошвам вы приникли, мхи?
И отчего, как головокруженье,
Внезапные являются стихи?

Осеннее не гаснет освещенье,
И скоро уже снегу порохить...
И бор стоит как будто очищенье.
И незачем, и некуда спешить.

День поэзии 1974

Прекрасно, что на свете лето.
Прекрасно шуриться от света,
Забыть о долгих холодах,
Прекрасно знать, что жизнь прекрасна
И что живем мы не напрасно
В заботах вечных и трудах,

Что, если утром ты проснулся,
Ты снова к чуду прикоснулся —
Оно в глаза твои вошло,
Лавиной звуков зазвучало,
И с временем нас обвенчало,
И острым вкусом обожгло.
И можно шуриться от света,
Идя на службу через лето,
Забыв о долгих холодах,
Лишь только б знать, что жизнь прекрасна
И что живем мы не напрасно
В заботах вечных и трудах.

День поэзии 1979

Поклоняясь богу странствий,
По стальной лечу тропе
В ограниченном пространстве
Затемненного купе.

За окошком мир двухцветный —
Белый снег и черный лес.
С неба звезд поток несметный,
Бег столбов наперерез.

В снег укутаны селенья,
Уплывающие в тьму,
Снов ночное шевеленье
В каждом замкнутом дому.

В каждом, замкнутом отдельно,
Вжившись в повести свои,
Безмятежно, безметельно
Спят сограждане мои.

И, пространством ограничен,
Я в купе один стою...
Ограничен, органичен
Их святому бытию.

Их несчастьям и боли,
Их надеждам и мечтам...
Мчится поезд в чистом поле.
Тень несется по пятам.

День поэзии 1980

Еще нам жить и жить —
Какие наши годы!
Мы запретим себе
Самих себя жалеть.
Еще нам жить и жить!
Лишь у плохой погоды
Есть право горевать,
Лить слезы и болеть.

Покуда есть еще
В груди добро и крепость
В руках, пока в мозгу
Свет разума горит,—
Еще нам жить и жить,
Все прочее — нелепость,
Где время, как скупец,
Мгновеньями сорит.

Любимая, прости,—
Ты с каждым днем моложе.
Ребенок мой, прости,—
Ты старше с каждым днем.
Друзья мои, для вас
Еще я мало пожил —
Еще нам жить и жить,
Гореть в огне одном.

День поэзии 1981

*Олег Почтенный.
«Адмиралтейство».*

ЛЕОНИД ХАУСТОВ

1920—1980

Я носил тебя в сердце, Россия,
На войне среди мертвых полей,
И железные ливни косые
Мне красы не закрыли гвоей.

Я увидел, как будто впервые,
Всю твою богатырскую статью:
Рощи белые, зори сквозные
И просторов твоих благодать.

И летели к тебе сквозь ненастье
За черту огневого кольца
Все мечты моей жизни о счастье
И любовь моя вся, до конца.

1943

День поэзии 1975

РОСТОК

Я на асфальте видел чудо:
Сначала вздулся бугорок,
Назавтра треснул, и оттуда
Пробился маленький росток,

Похожий на зеленый лучик,—
Такой же тонкий и прямой,
Такой же острый и колючий,
Умеющий поспорить с тьмой.

Живому не бывать в безвестье,
Оно пробьется в мир сполна,
Когда есть солнце в поднебесье,
Когда есть в почве семена!

День поэзии 1956

КОГДА ЧЕЛОВЕК ЗАПОЕТ

Волки воют, а лошади ржут,
И шипят безголовые змеи,
Только птицы и люди поют,
В этом дивную общность имея.

От своей немоты в этот год
Как закон непреложный открыл я,
Что, когда человек запоеет,
За спиною он чувствует крылья!

День поэзии 1972

В ШУШЕНСКОМ

Знаем:
Ссылка,
Окошки в инее,
Радость — весточки от друзей...
Не поэтому ль здесь вот именно
Покорился нам Енисей?

Здесь я, в Шушенском, словно заново
Дни далекие пролистал,
И подумалось:
«Из Ульянова
Здесь он
В Ленина выросал!»

День поэзии 1974

СНЫ

Запах пыли, прибитой дождем,
Этот с детства мне памятный запах...
Между кленов кривых и разлапых
Серебрящийся дранкою дом.

Он уже не желает обнов.
Он привык, что скрипят половицы.
Как мне спится тут, пленнику снов!
Спится так, что вся жизнь моя снится!

Стены тесные снам не тесны.
Потолок низковат, а не давит.
Только жаль мне, что скоро оставят
Эту кровлю, как ласточки, сны...

День поэзии 1974

У МОГИЛЫ ГРИБОЕДОВА

Грузинский пантеон. Немая вязь оград.
Но, ветхий обелиск глазами обнимая,
Я прочитал слова, которые болят,
Болят сто с лишним лет, болят, не заживая.

И эта боль насквозь тогда меня прожгла.
На свете чувства есть, которые безмерны:
«Пускай твои дела останутся бессмертны,
Зачем любовь моя тебя пережила!»

Не камню — надписи я говорил: «Живи!»
Лишь только в слове мысль пребудет
первозданной.
На солнечной горе стоял я бездыханно,
И ветер дул в лицо всем существом любви.

День поэзии 1974

НА НОВОДЕВИЧЬЕМ

— Скажи-ка, добрый человек,
Где здесь лежит Корчагин Павел? —
Но я ошибки не поправил
И соступил с тропинки в снег.
Каким же надо было быть,
Как надо было жизнь любить,
Нести в душе такую силу,—
Себя Корчагину отдать,
Чтоб люди стали бы искать
Его, а не твою могилу!

День поэзии 1980

ПОЭТЫ

Поэты, вам всегда особый счет.
Не знаю, что без вас бы с миром случилось.
Пусть на пути вам всякое встречалось,—
Вы шли вперед и думали вперед.
Вам все не спится, как ни постели.
При чем тут слава, продувная бестия,
Когда Россия слушает стихи,
Как самые последние известия.

День поэзии 1980

ОСЕНЬЮ

Я иду, поникнув головою,
Будто надо что-то мне найти.
Лишь земля с пожухлою травой
Да асфальт пустынный на пути.

Неужели сердце отлюбило
И зима совсем недалеко?
Подниму глаза — горит рябина.
Радостно. Открыто. Высоко.

День поэзии 1981

ВАДИМ ХРИЛЕВ

ПЛАЧ ПО МАРЬЕ

Памяти сельской учительницы

За Полесьем метель
 заметалась по темным урочищам,
Забубнила надрывно, завывала у стылых болот.
Подходила к избе,
 обдавала дыханьем клокочущим,—
Это вновь тебя, Марья, метель молодая зовет.

Что ж так воется, воется ей
 над глухими лесами?
Ты ли, Марья, не слышишь
 иль дремлешь в девятом часу?
Лошадь сено жует, и стоят одинокие сани,
И хромающий возчик утер рукавицей слезу.

Вся деревня в снегах,
 только белое-белое крошево,
Как живые,
 сугробы встают в человеческий рост.
Я не верю, не верю,
 чтоб стужа тебя запорошила,
Что тебя приютит возле старой березы погост.

Ты любила леса, и живицу, и ранние гомоны,
Сосен вешнюю мощь
 и скворешню за низким бугром.

Говорила не раз:
 «Никакого не надо мне города.
Как же я без лесов?
 Поразил меня лучше бы гром...
Я в деревне своя,
 даже воздух особенный здешний,—
Ведь кругом красота.
 Мне такое житье по нутру...»

К сельской маленькой школе
 с поюшей знакомой скворешней
Ты, тетрадки сжимая, тропинкою шла поутру.

Вот они, эти милые —
 белые, рыжие головы,
Пробуждается мудрость
 в больших васильковых глазах.
Вся деревня бубнила, слагала, звенела
 глаголами,
И глагольное эхо шумело в сосновых лесах.

Уходили одни, а другие, как лодки по озеру.
И горланила юность, волнуня ометы и лес.

О, грамматика лет,
о, виски, что слегка заморозило...

Дали орден тебе и на платье цветастый отрез.

Уходили одни —

те, что были так падки до города,
Забывали тебя, да и ты уж не помнила всех,
А в глазах все мелькали

их белые, рыжие головы,
И звенел васильками далекий полуденный смех.

Ты не плачь, сторожика,

что слезы роняешь на валенки?
Лишь озерные просини уставились в тишину.

Только бабьи глаза, словно вечные
поминальнички.

Возчик носом зашмыгал

и тронул, кряхтя, вожжину.

Слабо скрипнули сани,

свернули с дороги неспешно.
Побрели молча бабы, к земле опуская глаза.
И махала деревня такую знакомой скворешней,
Следом двигались избы и синеющие леса.

День поэзии 1972

ДВЕ КОСЫ

Не шла — ступала в кипень донника,
Будила спящую росу.

Коса пошвыстывала тоненько,
Как свищет иволга в лесу.

Свисал туман, такой березовый,
У края клеверной канвы,
А платье жаром темно-розовым
Металось посреди травы.

За ней с прогона серебряного,
На все ликуя голоса,
Издалека распевом грянула,
Другая двинулась коса.

Коса жижикала, аукала,
Ходила бесом: — Погоди! —
А молодая, светлорукая,
Едва алела впереди.

Другой косе пока не верила,
Шла, где туман рассветный плыл.
Росистый луг цветами клевера,
Как из ракетницы, палил.

Рванув кайму глухого ворота,
Из жидкой проседи, как есть,
Вдруг вырос парень — любо-молодо,
Весь в конопухах, в солнце весь!

Он нагонял. Он завораживал,
Излом бровей предгрозовых.
Всего две клеверные сажени,
Казалось, разделяли их.

Дорогу к ней цветами донника
Он устилал на всем ходу.
А та смеялась тонко-тоненько:
— Нет, не догонишь! Нет, уйду!

День поэзии 1976

ОЛЕГ ЦАКУНОВ

Не оглянуться —
День за днем,
То радуясь, а то сердчая,
Привычно будущим живем,
Спешим, пути не замечая.

Но вот бывают вечера,
Верней, усталые минуты:
Ты, плечи ватником укутав,
Глядишь, глядишь в огонь костра.

А может, в городе, когда
В пространстве темном законом
Так бесконечно, монотонно
Шумит небесная вода,

Ты, не ликуя, не скорбя,
Без размышлений о грядущем,
Вдали увидишь сам себя
По полю

памяти
бредущим...

День поэзии 1979

Глаза развалин — и глаза ребенка...
Опять до слез — метель военных лент.
Да, принимаешь — это документ,
Но понимаешь — все же это пленка.

И высмотрена оптикой беда
В событиях главных,
Но всегда — у кромок.
А самое, а самое когда
Случается,
То, верно, не до съемок.

Да и найдись там камера — ведь ей
Свет нужен,
А война не любит света.
Нет, все не снимешь в истинности всей
Судеб людских.
И не расскажешь это.

И есть слова — и нету слов таких,
Чтоб передать все виденное нами,
Все, в темноте подвалов ледяных
Отснятое блокадными сердцами...

День поэзии 1980

СПАСЕНЬЕ

Кто уравновесит гири горя
Разговором с тополем в саду,
Кто уходит в ночь, с отчаянием споря,
Прыгая в троллейбус на ходу.

Я уйду в себя, замкнусь — ни слова,
Отступлю сквозь памяти завал,
В буреломы лет... И вот лесного
Озера зеркального овал.

Отлетай, моя печаль-морока,
Отражен с морщиной меж бровей
В раме перевозданного барокко
Ивово-березовых ветвей.

Облако вверху счастливо тает,
Медля взмахи, лебедь пролетит,
Лось, зайдя по брюхо, ожидает,
Чтоб вода утихла, и глядит.

И висит туман замороженный,
И лучи играют на рогах.
Хор тайги, высокий, отраженный,
Замер на брусничных берегах.

Ни звучанья пил, ни хлопьев сажки —
Тишина и чистота кругом.
И — ни человека в том пейзаже,
Может быть, и человечность в том...

Насмотрюсь — а мне того и надо,
И душа себя же сотворит.
Чувствований светлая прохлада
Снимет боль и горечь растворит.

Жизнь, давай, накручивай лукавства,
Начинай невзгодами давить!
Сколько лет, а действует лекарство,
Хоть и надо, верно, обновить.

Не представить, а пойти по следу,
Ягоду срывая на ходу...
Верю ли я сам, что вдруг пбеду,
А поехав, верно ли найду?

Что найду? Прошли такие годы.
Может быть, лихой лесоповал
Разукрасил керосином воды,
Размесил бульдозером овал?

Может быть, трясина провисает,
Черной грязью зарастает след.
Может быть, меня еще спасает
То, чего давно на свете нет?..

День поэзии 1983

Все равно не поспеешь никак.
«Ах, не модно!» — напрасные вздохи.
Раньше как-то прилаживал шаг,
А теперь пропускаю эпохи.

Век «платформ» на подошве простой
Прошагал, и не мучило это.
И одежду сдаю на покой
От естественной порчи предмета.

Молвят: «Просто — не молод». И то!
Но теперь я у встречных нередко
Вижу сердце сквозь толщу пальто
И глаза под нескладную кепкой.

Слышу ум неприметно большой,
Чую искренность дел в человеке
И склонюсь перед честной душой,
Модной даже в пятнадцатом веке.

День поэзии 1979

ТРЕУГОЛЬНИК

Математичка в белой шали
По списку вызовет в конце.
Легко задачки мы решали
На треугольник ABC.

И вот, давно уже не школьник,
Решаю столько дней подряд
Судьбы внезапный треугольник,
Классический, как говорят.

Решаю так или иначе,
Стараясь, чтобы угол мой
При всех условиях задачи
Был по возможности прямой.

Решаю. День не до работы,
И ночь — в бессонной маете.
И счета не простые счета,
И градусы теперь не те.

И столько горестных открытий
В сердцах, являвших мир и лад.
Решаю... В центре всех событий
Неразрешимый детский взгляд.

День поэзии 1982

ЖИЗНЬ

Жизнь ты наша, жизньюшка!
Чудная, случайная —
И в росе и в инее,
Во трудах и чайньях.

То предельно дельная,
То пустопечальная,
Косокарусельная,
Прямомагистральная.

Лысая под митрою
Или грешнокудрая,
Хитрая — нехитрая —
Все равно премудрая!

В грозах ли военная,
Или в розах колкая,
И в годах — мгновенная,
И в минутах — долгая.

Жесткая — перинная,
Сытая — голодная,
Длинная — недлинная —
Все равно короткая!

Тот ликует радостно —
Наконец-то женится.
Тот сияет благодно,
Прижимая первенца.

Тот болеет, охая:
«Ох и окаянная!»
Легкая — нелегкая —
Все равно желанная!

День поэзии 1980

АНАТОЛИИ ЧЕПУРОВ

Маленькие станции России,
Полевые, к северу лесные,
В тополиной вьюге по весне,
Золотые осенью, зимою
В голубых сугробах под луною,
Примут поезд,
Промелькнут в окне —
И земля покажется красивой,
Потому что за спиной всегда
Маленькие станции России
На пути в большие города.

День поэзии 1964

О человеке надо говорить:
Или корить,
Или цветы дарить,
Но не молчать,
Когда он книги пишет,
Дома возводит,
Сталь идет варить.
О человеке надо говорить,
Пока он слышит.

День поэзии 1966

Грозе навстречу выходи,
Когда идет гроза,
Не опускай, не отводи,
Не жмурь глаза.
Забудь о хлебе, о тепле
Перед ее лицом,
И станет больше на земле
Одним бойцом.

День поэзии 1966

ВОЗВРАЩЕНИЕ

Как звонок этот зимний воздух,
Как много в нем тепла,
Когда в зеленоватых звездах
Береговая мгла,

Когда совсем ушли печали
И снова тишина,
Когда полмира за плечами,
А Родина одна.

1946

День поэзии 1967

НА МАРСОВОМ ПОЛЕ

Не жертвы — герои лежат...

Надпись на памятнике

«Не жертвы лежат — а герои...» —
Впечатано в камень навек.
И пламя не гасят живое
Ни дождь, ни метуший снег,
Ни ветер, что красные листья
Сейчас по осенним полям
Несет, как отцовские письма
Из огненных лет к сыновьям.

День поэзии 1968

Мальчиком ушел я на войну...
Ветер белокурую волну,
Торопясь, погладил и повел
На огонь лесов, пожары сел,
На завалы, надолбы, ежи —
Смерти и бессмертья рубежи.

Камень, бронза, яблоневый сад
Вместо многих мальчиков стоят.
Кровь, что пролилась, — деревьев сок
На лесных полянках, у дорог.
Верность и терпение — гранит,
На котором мужество стоит.

Бронзовая прядь на ветерке,
Меч из бронзы в бронзовой руке.
Трудно в этом воине признать
Сверстника-мальчишку. Только мать
Все еще роняет в тишину:
«Мальчиком ушел он на войну...»

День поэзии 1968

Сорок первый — наш год призывной.
Небо стыло, и плавился снег.
День и ночь мы дышали войной
И в солдатах остались навек.

Только память легонечко тронь —
И стремление к бою тотчас
Разгорается, словно огонь,
Что, родившись однажды, не гас.

Пусть от нашей победной весны
Мирным строем проходят года —
Я еще не вернулся с войны,
Я с войны не вернусь никогда.

День поэзии 1972

«Давайте поклоняться доброте...» —
На кладбище военном, на плите,
Я прочитал и в жизнь унес когда-то.
И лучевой строкой в моем труде
Вдруг стала эта заповедь солдата:
«Давайте поклоняться доброте...»
Давайте с думой жить о доброте:
Вся в голубой и звездной красоте,
Земля добра. Она дарит нас хлебом,
Живой водой и деревом в цвету.
Под этим вечно беспокойным небом
Давайте воевать за доброту.

День поэзии 1972

УТРО ЧЕЛОВЕКА

Разве чувства утаишь?
Не рассвет, а диво:
Это небо,
Эта тишь,
Серебро залива!
Лодка черная вдали,
Чайка на просторе.
Пробуждение земли,
Уходящей в море.
Не корабль,
Но заплывла
Далеко-далёко,

Вздыбив сопки —
Купола
Дальнего Востока.
Все огромно.
Все живет,
Силу набирая,
Дышит лесом,
Дымью вод
Без конца и края.
Что-то гордое во мне
Пробуждаться стало
Оттого,
Что на волне
Солнце заблестало.
Эта вспышка на пути
В добрый день
Как вежа.
Всеми красками цвети,
Утро человека!

День поэзии 1980

Еще биография пишется,
Но городом имени Ленина
Вся жизнь моя
от мальчишества
До нынешних дней овееяна.

Прямо с порога школьного
Дохнула в лицо открытое
Ветром «Авроры», Смольного
Земля, новизной омытая.

И революционная,
И самая боевая,
Ни разу не покоренная,
Святыня родного края!

Со встречами, расставаньями,
И мирная, и солдатская,
Близка и за расстоянья
Земля моя ленинградская.

В ней все — и корней сплетение,
И сон матерей, и вечное
Жизни на ней цветение,
Движение бесконечное.

В грозах она взлелеяна,
И горд я, что от мальчишества
В городе имени Ленина
Моя биография пишется.

День поэзии 1981

АНТОНИН ЧИСТЯКОВ

1925—1981

В поэзию приходит пополнение.
Мне говорят:
«Все о войне твой стих...»
А я не о войне —
О поколенье,
От имени погибших и живых.
Досталось поколенью моему:
Закончило,
Испытанное сталью,
Сначала с Золотой Звездой —
Войну,
А после —
Школу с золотой медалью.

День поэзии 1974

О ПЕРВОЙ ЛЮБВИ

Стихи прочесть ты просишь про любовь...
Но что прочесть?..
В подвальном школьном зале
Я о любви не написал стихов:
Под вой сирен чернила вымерзали.

Моя соседка чуть смелей была
И зябко прижималась, обнимала:
Она искала моего тепла,
Когда тепла и самому так мало.

Пододвигаясь к ней, я не краснел:
В провалах щек краснеть мне было нечем.
Под вьюгу выбирался рядом с ней,
Чтоб заслонить от ветра в лютый вечер.

И заслонял ее, входя во тьму,
Где скулы резал снег острее жести.
Нас вьюга сбить могла по одному,
Сильнее вьюг мы были с нею вместе.

День поэзии 1980

Ася Векслер.
«Площадь победы»

СТАРУХИ

Старухи глухи —
всем известно.
Старухи сказками
полны.
Они глядят на мир
отвесно,
как каменщики
со стены.

Они, наверно,
нагляделись
горизонтально
за века.

Как будто где-то
засиделись

и к нам пришли
издалека.

День поэзии 1965

ЦИРК

Качаются трапеции под куполом.
Закончен номер.
Увели зверей.
И на манеж
девчонка кубарем
выкатывается
из дверей.

И затихают люди сразу.
И наклоняются вперед.
Она, как будто по приказу,
предметы всякие берет.
И вверх бросает их, не глядя,
и ловит их, как будто мяч...

И вырастает рядом дядя —
уже отъявленный циркач.
Среди шаров,
угрюмых кукол,
рубахой шелковой шурша,
бросает девочку под купол
и тоже ловит не спеша.

И тихо в цирке,
словно пусто.
Ее он держит, как свечу...
Ты руку жмешь мою до хруста —
не доверяешь циркачу.

День поэзии 1965

Как хорошо, проснувшись рано,
всю радость сельскую понять!
День, поднимаясь из тумана,
войдет в окно,
разбудит мать.

Она оденется торопко,
косынку белую найдет
и не спеша к колодцу тропкой
с пустыми ведрами пройдет.

Затем наполнит их глубинной
водой,
дымящейся слегка,
и, переждав рассвет былинный,
пойдет уже через века.

День поэзии 1968

Внезапная зарница вдалеке
по краю леса и по краю неба,
и я держу в испуганной руке
краюху остывающего хлеба.
И той зарницей мать озарена,
склонилась в огороде над грядой,
от всех забот она отрешена,
о чем-то шепчется с землею.
Меня заметила,
чуть-чуть приподнялась
и на меня по-птичьи посмотрела,
вновь за работу принялась,
как будто за добычей улетела.

День поэзии 1968

Там, где речной весенний плес,
Я мир впервые увидел:
Там я в тайге дремучей рос,
Там я с гусятами играл,
Я плавал, рыбкою резвясь,
Тянулся к солнцу, словно вяз,
И в дали вглядывался, чтоб
Нащупать ленты новых троп...
Сегодня в солнечном ветру
Мои дороги — шар земной...
Остановившись, я замру
И думу шевельну струной:
Каким я был, каким я стал,
Какое счастье отыскал!
Воды журчание: поль-поль,
Соль-соль — скрипенье кедрочей,
Нырков порхание: лах-лах,
Тур-тур — камланье косачей,
Тюль-тюль — кеты сплошной поток,
Хал-хал — гусиный гоготок,—
Весь этот мир, он, словно нить,
Не обрываясь, жаждет жить,
С дней детства тянется за мной
Путем-дорогою земной.
Поет со мной, звенит со мной,
Как слово матери родной.
И я продолжу до конца
Путь матери и путь отца!
Я человеком был лесным,
Но в новый век вступил иным:
Ты стала маленькой, Земля,
А сердце выросло большим!
Народы мира, как родня,
Щебечут в сердце у меня,
Поют, кружась, леса, поля —
Вся необъятная Земля!
И если где-то рад мой брат,
Я тоже счастлив, тоже рад.
И если в горе слезы льют,
Я тоже горестью объят.
А кто же на Земле чужой?
Здесь все — земные, целый свет!
К другим народам у меня
Нет зависти и злости нет.
А если кто-то есть чужой,
То это злоба и разбой.
С несправедливостью и злом
Я каждый день вступаю в бой!

Я человеком был лесным,—
Я эту пору перерос
И дальним племенам земным
Хочу задать один вопрос:
«Когда же, братья, и для вас
Придет свободы светлый час?
Когда, как пламенный порыв,
Осуществим мечту свою —
Войдем, о распрях позабыв,
В одну великую семью?»

Перевел с мансийского Бр. Кежун

День поэзии 1978

ТОСТ НА ПОЛЯРНОМ КРУГЕ

Нынче нам седой мороз не страшен.
Но поскольку здесь мы не на юге,
Ну-ка, живо разольем по чашам,
Огненную воду выпьем, спляшем.
Ну-ка, спляшем на Полярном круге!

Что ж поделать, коль вода простая
Превратилась в лед по всей округе
И кругом снега лежат, блистая?
Хорошо, что чаша не пустая,—
Тост поднимем на Полярном круге.

Вы, профессор, человек научный,
Знайте: здесь, в краю полярной вьюги,
Не в почете чопорный и скучный.
За друзей, за путь благополучный
Хоть пригубьте на Полярном круге.

Доктор, что поглядываешь хмуро?
Здесь ты не в Москве и не в Калуге.
Тут своя от хворей рецептура.
Никакая прочая микстура
Не спасает на Полярном круге.

Пусть простят мне слог высокопарный.
Эти чаши, поглядите, други,—
Круглые, как будто круг Полярный.
Пусть же будет радость лучезарной,
Словно солнце на Полярном круге!

Перевел с мансийского И. Фояков

День поэзии 1980

ФИНСКОМУ ДРУГУ

Друг мой близкий и далекий,
Человек страны Суоми,
Я сегодня — словно дома
У тебя в просторном доме.

И язык твой, столь певучий,
С детства, кажется, я знаю.
Ты сказал: «Суоми» — слышу:
«Суя ма» — страна лесная.
Гладь воды под солнцем ярким
Заиграет, заискрится —
Ты промолвишь: «Веси, веси»,
Я услышу: «Витсов, витсов».
Рыба «хул» у нас зовется,
А по-фински — значит «кала»,
И родное что-то слышу
Я в напевах «Калевалы» —
Пляски нашего селенья,
Песню рыбака обского...
Через дали и столетья
Отвечает слову слово!
И звучит в мансийском ухе,
Словно радостная гамма:
«Иса», «ася» — значит «папа»,
«Эма», «ома» — значит «мама».
Сколько схожего я слышу,
Словно впрямь на самом деле
В раннем детстве нас качали
В общей, братской колыбели!
Да, когда-то так и было,
Было так на самом деле:
Наши предки вырастали
В общей, древней колыбели.
Одного ствола мы ветки,
Общей матери мы дети, —
Лишь потом легли меж нами
Расстоянья и столетья.
Но сегодня я приехал
К вам не в поисках созвучий, —
Есть иной язык на свете,
Самый главный, самый лучший.
То язык добра и дружбы,
Человечности и мира,
И его могучим ритмам
Вторит северная лира.
Чтобы в атомном столетье
Мир незыблем был в основе,
Мы друзей себе находим
По душе, а не по крови:
Тех, кто хочет миру — мира,
Счастья хочет всей планете...
Хорошо, что в нашем веке
Есть такой язык на свете!

Перевел с мансийского И. Фояков

День поэзии 1979

Напиши мне, как живет Нева,
как ей ветер дует в рукава.
Помнишь ли смешной, со львами, мостик,
где нашел я нежные слова?
Напиши мне, как живет Нева,
и сходи к ней непременно в гости.

Мне бы так хотелось увидеть
гладь Невы
в движенье величавом,—
попроси Неву ты
обождать
этой зимой с ледоставом.

Ну, а птицам просто прикажи,
чтобы никуда не улетали,—
чары женщин — острые ножи,
им не только птицы уступали.

Ну, а чтоб им не ронять слезу,
не ворчать в метели друг на друга,—
я им много солнца привезу
с доброго и радостного юга.

И пожалуйста, на берега
на гранитные и на простые
сына моего води, пока
признает он игры лишь пустые,—
чтобы мальчик, юношею став,
где б ни пировал и ни скитался,
от любых прелестниц и забав
на Неву, как в детство, возвращался.

Напиши мне, как живет Нева,
как ей ветер дует в рукава.
Помнишь ли смешной, со львами, мостик,
где нашел я нежные слова?
Напиши мне, как живет Нева,
и сходи к ней непременно в гости.

День поэзии 1969

МАТЕРИ

Чем дальше ухожу от даты
нелепой гибели твоей,
тем больше, в чем-то виноватый,
жду добрых от тебя вестей —
то в чьем-то постороннем взгляде,
то в чьей-то фразе обо мне...
Не оставляй же, бога ради,
меня с бедой наедине.

День поэзии 1974

ЭТОТ ДОЖДЬ, МОЛОДОЙ И ПОГОЖИЙ

Этот дождь, молодой и погожий,
пробивая навывлет траву,
мне напомнил до боли, до дрожи,
что единожды только живу.

Мне не вволю отпущены весны.
Сколько? Я не желаю считать,
ибо вдруг я пойму, что уж поздно
возвращаться к чему-то опять.

Жизнь я прожил с душою не полой,
жизнь не холил, но не был в ней мот,
научили ученые пчелы
собирать меня исподволь мед.

Ах, как жадно весну ощущаю,
не мечусь в суете, не бегу...
Всех прощаю, от сердца прощаю,
а кого-то простить не могу...

День поэзии 1976

Он идет по белу свету
В самодельных башмаках.
Он шагает через Лету,
Смерть оставив в дураках,—
И, как желтая планета,
Дыня светится в руках.

День поэзии 1978

АНТОНИЙ

Это знает Плутарх, это было на ранней заре,
Там, где старые стены, и склоки, и свары,
и схватки,
Там, где царства дрались, как мальчишки
на заднем дворе,
И империи клали друг друга на обе лопатки.

Позабыты герои, державшие заданный курс,
Позабыты погибшие в давних боях ветераны,—
Но на теле Истории, словно любовный укус,
На столетья оттиснут поступок Антония
странный.

Клеопатра коварно из боя свой вывела флот —
И, презрев свою гордость, ревнивою болью
томимый,
Как за флагманским флагом, за бабьею юбкой
плышет
Триумвир, полководец, любимец солдатского Рима.

Обесславиться так, осчастливиться так на века,
Быть воспетым не раз, будто нет ни забвенья,
ни тлена...

О, в какие надежды, в какие слова и шелка
Ты умеешь рядиться, бессмертная дева Измена!..

День поэзии 1975

МЫСЛИ О МОДЕ

Стареют нынче вещи со скоростью зловещей,
Взяла, взяла их мода в безжалостные клещи.

Портной, дизайнер, зодчий на выдумки охочи,—
А жизнь вещей с годами короче и короче.

Ах, мода-чаровница, коварная резвушка,
С утра она — девица, а к вечеру — старушка.

При первом одеванье стареют одеянья,
Устаревают зданья в процессе созиданья.

Служа людской гордыне, мелькают макси, мини;
Панбархат и дерюга спешат сменить друг друга.

Дряхлеют все предметы, отставшие от моды;
На свалках спят буфеты, на слом идут комоды.

В жилые кубатуры, блестя от политуры,
На ножках рахитичных вбегают гарнитуры.

Изделя-модерняги в дома вступают бойко,—
Не ведают, бедняги, что всех их ждет помойка.

Вещей собачья старость, их ранняя усталость
Наводит на раздумья и может вызвать жалость.

Но все же я старенья предметов и строений
Оплакивать не стану в своем стихотворенье.

Портной, дизайнер, зодчий, бранить я вас не смею:
Стал век вещей короче, стал век людской длиннее.

Мы, словно на подводы, на моды и на вещи
Свои сгружаем годы, чтоб нам шагалось легче.

День поэзии 1979

ЗОЛОТАЯ СЕРЕДИНА

Твой супруг не бедняк и не скаред,
Только лучше б вам быть победней:
Драгоценности женщину старят,
Если слишком их много на ней.

Стал ухоженный дом тебе скучен,
Неуютно на свете тебе,
И от этих бирюлек блескучих
Светлых отсветов нет на судьбе.

Но безденежье — тоже несладко.
Радость ходит тропой золотой
Между жирным излишним достатком
И пропойною злой нищетой.

Между царствами «Густо» и «Пусто»
Есть долина в весеннем цвету...
Серединность опасна искусству
И спасительна в частном быту.

День поэзии 1981

НА ПЕНСИИ

Парикмахер пехотный
Пристрастился к вину.
Он не очень охотно
Вспоминает войну.

А гордиться он вправе,
И заслужен покой,—
Только боже избави
От работы такой.

Ах, острижено сколько!
Стриг он как заводной,
Не под бокс, не под польку —
Все под ноль да под ноль.

Он работал отлично,
Понимал что к чему,—
Но не каждый вторично
Мог явиться к нему.

Ах, пехота, пехота —
Строевой матерьял!..
На холмах, на болотах
Он клиентов терял.

Видно, полька-канадка
Не для этих ребят,—
Под землей в плащ-палатках
Двадцать лет они спят.

...Нынче грустно мне что-то,
Ты налей мне, налей...
Эх, пехота, пехота,
Царица полей!..

День поэзии 1968

РАДИОТЕХНИКА

О, чудодейственный протез
Для слуха и для зренья!
Уже за тридевять небес
Глядим без удивленья.

Весь необъятный оком,
Весь мир — с доставкой на дом!
Но слышать вдруг перестаем
И видеть вдруг перестаем
Того, кто плачет рядом.

День поэзии 1982

ПРЕДПОСЛЕДНИЕ СУТКИ ПОМПЕИ

Зданья рушатся, как при бомбежке,—
И не выручит здесь ПВО,
И никто не пришлет неотложки,
Да и мне не спасти никого.

И так странно, так странно знакомы
Лица этих несчастных людей,
Будто я уже был у них дома
В их нормальный, не гибельный день.

Нет, не я, то Брюллов самолично
Расстоянья веков превозмог,—
До картины проник он в обычный,
В деловой их, предсмертный денек.

А они бытовали, трудились,
Покупали подарки родне,
Экономили, пели, судились,
И богам доверяли вполне.

И раскачивали колыбели,
И беседы вели у огня...
Предпоследние сутки Помпеи
Пострашнее последнего дня.

День поэзии 1982

ЗЕРКАЛО

Как бы ударом страшного тарана
Здесь половина дома снесена,
И в облаках морозного тумана
Обугленная висится стена.

Еще обои порванные помнят
О прежней жизни, мирной и простой,
Но двери всех обрушившихся комнат,
Раскрытые, висят над пустотой.

И пусть я все забуду остальное —
Мне не забыть, как, на ветру дрожа,
Висит над бездной зеркало стенное
На высоте шестого этажа.

Оно каким-то чудом не разбилось.
Убиты люди, стены сметены —
Оно висит, судьбы слепая милость,
Над пропастью печали и войны.

Свидетель довоенного уюта,
На сыростью изъеденной стене
Тепло дыханья и улыбку чью-то
Оно хранит в стеклянной глубине.

Куда ж она, неведомая, делась,
Иль по дорогам странствует каким
Та девушка, что в глубь его гляделась
И косы заплетала перед ним?..

Быть может, это зеркало видало
Ее последний миг, когда ее
Хаос обломков камня и металла,
Обрушась вниз, швырнул в небытие.

Теперь в него и день и ночь глядится
Лицо ожесточенное войны.
В нем орудийных выстрелов зарницы
И зарева тревожные видны.

Его теперь ночная душит сырость,
Спят пожары дымом и огнем.
Но все пройдет. И, что бы ни случилось,
Враг никогда не отразится в нем!

1942

День поэзии 1975

ВЛАДИСЛАВ ШОШИН

Юрьевец, Юрьевец, красные скалы,
Волжская речь над спокойной волной...
Кто говорит, что я злой и усталый,
Если великая Волга со мной!

Берег крутой, как приказ, в Васильсурске;
Горьковский вздох над разливом Оки.
Здесь я дышу и пишу я по-русски
Всем иностранным ветрам вопреки.

Южная степь — астраханские плавни,
Север — соболя легенда бровей.
Нет на Руси ничего стародавней,
Нет ничего у России новой!

День поэзии 1966

Снег еще по лощинам хоронится,
Но уже разговор не о нем,
Если ноготь до почки дотронется —
Почка брызнет зеленым огнем.

И огонь этот по лесу ринется,
И березы качнутся хмельны,
И упорство зимы опрокинется
От веселой весенней волны!

День поэзии 1963

Я приеду к тебе,
Я приеду
По осеннему зову полей,
По холодному зову,
По следу
Покидающих мир журавлей.

Я приеду —
Рассвет мой, настань же,
Ослепи из-за тучи косой!
Но зачем мы не встретились раньше,
На лугах,
Не задетых росой?

День пылал —
Не отыщете краше,
Словно молнии били из глаз,
И весна, словно полные чаши,
Сто озер поднимала за нас...

День поэзии 1968

Хочешь, ветку винограда
Я на память подарю,
Хочешь, с гребня водопада
Прыгну в новую зарю?

Если хочешь, имя Анна
Подниму в стихах, как флаг.
Не скажи, что это странно,
Отвечай примерно так:

— За горами, за долами,
Не в моем краю — твоем
Вспоминай высокий камень,
Где мадьяр стоит с копьём.

Новой Плиски черепицу,
Старой Плиски купола,
А сильнее всего — синицу,
Ту, что за морем жила.

Может, за морем, а может,
За лесами — все равно
Ей тебя не потревожить
Легким клювиком в окно.

Потому дарить не надо
Сувениров пресный мед,
Даже сладость винограда
Горечь с губ не отобьет.

И с мадьярского обрыва,
Где сегодня ни души,
Клен роняет сиротливо
В пропасть золото души.

День поэзии 1973

Прогалины, проселки,
Просторный небосклон,
Суровый холод елки,
Осинок перезвон.

Шексна-река красива,
Красна река Ловать...
Какая может сила
От счастья оторвать?

Лесной тоски приволье,
Ржаная зыбь полей...
Какая может доля
Привидеться милей?

Разливы медуницы,
Дождя косой ушат...
Весной вам даже птицы
Аукнуться спешат.

Летят от нильской сини,
Которой нет теплей,
В объятия России,
Единственной своей...

День поэзии 1978

Город мой, давний и юный,
Серый, о нет — голубой!
Сердца влюбленного струны
Дышат, как песней, тобой.

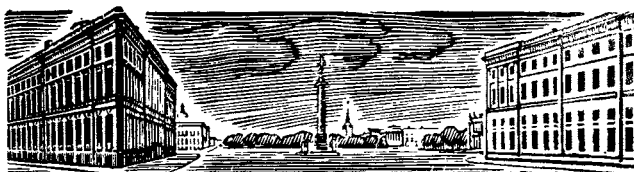
Красные флаги над Зимним —
Мира грядущего лик.
Став революции гимном,
Стал ты навеки велик.

Ты — всесоюзный рабочий,
Ты — океанский причал,
Новой истории зодчий,
Город начала начал.

Высишься, в зелень одетый,
Невскую воду рябя.
Только расстанемся — где ты?
Где ты? — не жить без тебя...

День поэзии 1980

*Ася Векслер
«Дворцовая площадь».*

ЛЮДМИЛА ШИПАХИНА

СТЮАРДЕССЫ

Самолеты заводятся бешено,
Словно кони грызут удила.
Стюардессы — красивые женщины —
На земле оставляют дела.

Голубые пропеллеры лязгают,
Рвутся небо вокруг расплескать,
Что им хочется, женщинам ласковым,
В холодеющем небе искать?

И, покинувши жизнь городскую,
Одержимые чувством пути,
Для чего они в небе рискуют?
И чего они жаждут найти?

И во имя каких они истин
Распрощались со всем дорогим?
Этот смелый полет бескорыстен
Или чем-то означен другим?

Нет! Им благ никаких не обещано!
И не думайте плохо о них.
Стюардессы — красивые женщины —
Оставляют любимых одних...

А любимые горько и немо
Будут дальние вести ловить.
Будут женщин, штурмующих небо,
Неземною любовью любить.

Ведь пути наши издавна скрещены.
Под крылом и озера, и лес...
«В добрый час!» — говорю я вам, женщины,
Молодые хозяйки небес.

День поэзии 1964

Мы живем, сражаясь и любя,
Но живем совсем не для себя!
Разве что-то личное лелея,
Руки в небо человек простер,
Продолжая дело Галилея,
Обрекая тело на костер?
А его уста — смолчать могли,
Молодости светлой не губя...

Только он совсем не для себя
Утверждал вращение Земли!
У него к корысти — отвращенье.
Да и что за прибыль от вращенья?
...А костер гудит, дымит, клубя...
Человек живет не для себя!
Если для себя — тогда к чему
В собственную плоть вводить чуму?
Над ретортой хлороформ глотать?
В мрачных одиночках голодать?
Если для себя — зачем ладони
Подставлять под стронций и плутоний?
Кровь свою горячую сдавать?
На непрочных льдинах дрейфовать?
Человек делами перегружен.
И ему — не выжить одному!
Да и сам себе — зачем он нужен,
Если он не нужен никому?

День поэзии 1967

В мороз, и в гололедь, и в слякоть,
Какая б ни стряслась беда,—
Не заставляйте женщин плакать
Ни от любви, ни от стыда.

Какая бы из горьких трещин
Ни расколола сердце вам,
Не заставляйте плакать женщин
По необдуманном словам.

Прощайте женщин! Сокращайте
Предел, бросающий вражду.
И никогда не вымещайте
На женщинах свою беду.

И как бы ни случилось плавать
Вам в океане бытия,
Не заставляйте женщин плакать,
На вас обиду затая.

И пусть вам будет как награда
За бескорыстие труда
Та женщина, что с вами рядом,
Не плачущая никогда!

Чтоб не краснеть вам от стыда,
Чтоб от раскаянья не ахать —
Вовек: нигде и никогда
Не заставляйте женщин плакать!

День поэзии 1969

НОРА ЯВОРСКАЯ

Поднялась я на рассвете
И — застыла у оконца:
Рыбаки из моря сетью
Тянут огненное солнце.

Тянут, облитые светом,
Слаженно, неторопливо —
Словно им по силе это,
Словно это им не в диво.

День поэзии 1961

Розовощекий и курносый,
с пушком над пухлою губой,
мне мальчик задает вопросы —
как будто он вступает в бой.

В его глазах настороженных
я словно в зеркале видна.
Как родники в лесах зеленых,
они — прозрачные до дна.

Пусть паутиночке подобна
меж нами тоненькая нить —
я полуправдою удобной
их не посмею замутить.

Пусть притаилось в них презренье,
я верю, верю: нет, не зря
в них просыпается презренье
и мыслей плещутся моря.

И к берегам мечты исконной
из этой глуби голубой
я уплываю окрыленной
и небо уношу с собой.

День поэзии 1963

Сказал он: — Отбросим шутки,
уедем с тобой на сутки.

А я ему отвечала:
— На сутки, пожалуй, мало.

А он мне: — Задаться целью,
Так можно и на неделю.

А я ему отвечала:
— И на неделю мало.

А он мне: — Что ж, я не беден,
На месяц давай уедем.

А я ему отвечала:
— Мне и на месяц мало.

А он тогда осторожно:
— Навечно ведь невозможно.

А я ему: — Да, конечно,
к чему мне такой навечно!

День поэзии 1967

ТРОПИНКА

Тропинка, в травах пропадая,
пригелась на земной груди.
Вначале бабушка седая
мне повстречалась на пути.

Я отступила — разминуться,
она прошла, замедлив шаг...
Мне до нее — еще тянуться,
ей до меня — уже никак!

Мы оглянулись, как по знаку,
согласно, словно два крыла.
Я — посмотреть, какую стану,
Она — взглянуть, какой была.

Потом навстречу мне — девчонка,
бегом, коленки заголив.
За ней струился тонко-тонко
какой-то простенький мотив.

Наружу радость — как на блюде,
печаль пока что — в тайниках...
Ей до меня — еще тянуться,
мне до нее — уже никак.

Она беспечно улыбнулась,
ничуть о жизни не скорбя.
А я еще раз обернулась
на позабытую себя.

День поэзии 1968

Есть у меня две старушки, две старых улитки,
два утешенья, два горя, две длинных печали.
Утром проснутся, со стоном сползают с кровати,
долго и трудно встают на отекие ноги.
Встанут и сразу зашарят руками, глазами,
ищут работу, чтоб за нее ухватиться,—
точно пропащие пьяницы — снова за рюмку,
словно слепые — за поводыря на дороге,
как альпинисты над пропастью — за веревку...
Чистят, скребут, и стирают, и гладят, и варят,—
нету спасенья от бульканья, звяканья, плеска.
Старую кофту, всю в дырах, найдут и починят,
словно хотят даровать этой тряпке бессмертье.
Множатся банки с вареньем, соленьем, компотом,
как подтверждение существованья на свете.
Я ужасаюсь: «Куда же нам с ними деваться?!»
Я умоляю: «Прилягте, передохните!»
Слышу ответ: «Это сделать необходимо!»
Слышу упрек: «Что ты нас отстраняешь от жизни?!»
Каждый свой день переходят, как бурную реку,
слабой рукой ухватившись за ниточку дела,
чтобы стремительным не унесло их теченьем.

День поэзии 1976

**СТИХИ
МОИ!
СВИДЕТЕЛИ
ЖИВЫЕ**

 **ДЕНЬ
ПОЭЗИИ**

Владимир Фаворский.
Фрагмент из серии «Годы Революции».

ПОРОХОМ ПРОПАХНУВШИЕ СТРОКИ

Великая Отечественная война прошла через сердце каждого поэта. В те огненные годы героизм народных масс вдохновлял на создание волнующих и точных по своей гражданской нацеленности стихотворений, а сами стихи, в свою очередь, поднимали людей на борьбу, давали силы в бою, вели к победе.

Поэты работали в армейской печати, участвовали в строительстве оборонительных рубежей, с оружием в руках защищали Отчизну. Одни, солдаты и офицеры переднего края, прошли сквозь горнило сражений и, израненные, вынесли из-под огня «порохом пропахнувшие строки». Другие не увидели утро победы, и последней строкой их судьбы стала скупая запись: «Пал смертью храбрых...» Мы помним их: Ю. Инге, Б. Костров, А. Лебедев, Г. Суворов, П. Шубин.

В данный раздел вошли стихотворения поэтов, чье творчество во многом посвящено военной теме — С. Орлова, Г. Пагирева и других и некоторые, ставшие классическими произведения уже ушедших от нас поэтов, стихи которых представлены и в первом разделе. Это, например, предельно сжатые, глубоко патриотические строки А. Ахматовой и О. Берггольца, написанные в осажденном Ленинграде.

ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВ

1925—1981

ЯНВАРСКИЙ ПРОРЫВ

Когда поднялись мы на гору
и все оглянулись назад,
я разом увидел весь город:
Неву и Михайловский сад,
Исаакий, и Смольный, и Невский,
Васильевский остров родной.
Все то, что мне дорого с детства,
как дом мой, как двор проходной.

А здесь, скособочась, лежали,
подобно гигантским дубам,
орудия крупповской стали,
что били три года по нам.
Валялись пятнистые фрицы
ничком или навзничь вокруг.
И на задубевших их лицах
прочел я смертельный испуг.

День поэзии 1974

*Олег Почтенный.
«Праздничный салют».*

АННА АХМАТОВА

1889—1966

МУЖЕСТВО

Мы знаем, что ныне лежит на весах
И что совершается ныне.
Час мужества пробил на наших часах.
И мужество нас не покинет.
Не страшно под пулями мертвыми лечь,
Не горько остаться без крова,—
И мы сохраним тебя, русская речь,
Великое русское слово.
Свободным и чистым тебя пронесем,
И внукам дадим, и от плена спасем
Навеки!

Февраль 1942

День поэзии 1975

КЛЯТВА

И та, что сегодня прощается с милым,—
Пусть боль свою в силу она переплавит.
Мы детям клянемся, клянемся могилам,
Что нас покориться никто не заставит.

Июль 1941

Ленинград

День поэзии 1983

*Андрей Ушин.
«Петр I».*

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ

1910—1975

СТИХИ 1944 ГОДА

Новогодняя полночь снова
в осажденный город пришла,
как посланница края родного,
хороша, строга и светла.

Снег на шлеме ее синее,
на тулупе — звездный узор,
и клубится и блещет за нею
невозможный российский простор,—

тот простор без конца, без огляда,
неразгаданный, сказочный, свой,
тот, который давно в Ленинграде
называют Большою Землей.

Часовые полночь встречали
возле всех ленинградских застав
и, приветствуя, сообщали,
как велит новогодний устав,—

что на вверенных ей участках
многогрудные битвы идут,
но, как встарь, ожидается счастье
в наступающем Новом году...

...Прямо с ходу, прямо с дороги
полночь к нашим домам подошла,
отряхнула снег у порога
и у каждого села стола.

И сказала, из кованой фляги
все стаканы наполнив подряд:
— Пью за грозный военный лагерь,
именуемый — «Ленинград».

Но не кубок с вином, а сердце
подняла б я над головой
за солдат и за офицеров
наших Армий, идущих в бой.

Всю бы жизнь свою подняла я —
осуши ее всю — до дна —
за победу твою и славу,
дорогая моя страна.

Чтобы в Новом году светлее
эту полночь встречала ты,
чтобы раны твои скорее
полевые укрыли цветы,

чтоб, врачая тебя, украшая,
тишина снизошла на поля...
...С Новым годом, большая-большая
побеждающая Земля.

День поэзии 1970

Олег Почтенный

А напротив через Фонтанку — немые сплошные дома,
окна в белых бумажных крестах. А за ними ни искры, ни зги.
И мерцает на стеклах

жемчужно-прозрачная тьма.

И на подступах ближних отброшены снова враги.

О, кого ты, кого, супостат, захотел превозмочь?

Или Анну Ахматову,

вставшую в дозор у Фонтанного дома,
от Армии невдалеке?

Или стражу ее, ленинградскую эту

бессмертную белую ночь?

Или Музу ее со смертельным оружием,

с легкой дудочкой в легкой
руке?

1970—1971

День поэзии 1973

ИЗ ЦИКЛА «ПАМЯТИ ЗАЩИТНИКОВ»

Когда прижимались солдаты, как тени,
К земле и уже не могли оторваться,—
Всегда находился в такое мгновенье
Один безымянный, Сумевший Подняться.

Правдива грядущая гордая повесть:
Она подтвердит, не прикрасив нисколько,—
Один поднимался, но был он —

как совесть,

И всех за такими с земли поднимало.

Не все имена поколение запомнит,
Но в тот исступленный, клокочущий

полдень

Безусый мальчишка, гвардеец и школьник,
Поднялся — и цепи штурмующих поднял.

Он знал, что такое — Воронья гора.
Он встал и шепнул, а не крикнул: «Пора!»
Он полз и бежал, распрямлялся и гнулся,
Он звал и хрипел, и карабкался в гору,
Он первым взлетел на нее,— обернулся
И ахнул, увидев открывшийся город!

И, может быть, самый счастливый на свете,
Всей жизнью в тот миг торжествуя победу,—
Он смерти мгновенной своей не заметил,
Ни страха, ни боли ее не изведав.

Он падал лицом к Ленинграду. Он падал,
А город стремительно мчался навстречу...
...Впервые за долгие годы снаряды
На улицы к нам не ложились в тот вечер.

И звезды мерцали, как в детстве, отраднo
Над городом темным, уставшим от бедствий.
— Как тихо сегодня у нас в Ленинграде,—
Сказала сестра и уснула, как в детстве.

— Как тихо,— подумала мать и вздохнула.
Так вольно давно никому не вздыхалось...
Но сердце, привыкшее к смертному гулу,
Забывтой земной тишины испугалось.

Апрель 1944

День поэзии 1975

ПАВЕЛ БУЛУШЕВ

БАЛЛАДА О БЕЛЫХ ЛЕБЕДЯХ

...Позабыть все это лучше мне бы.
Но не позабыть!..

Собравшись с духом,
расскажу, как фронтовое небо
осыпалось лебединым пухом.

Осыпалось в воду белым прахом.
Низвергалось в волны красным ливнем.

«Пошутил» в тот день фашист с размахом—
из зениток,
у «Пишмаша», над заливом.

Дюжиной стволов по птицам били.
И не стало лебединой эскадрильи.

Наш комбат скрипел зубами:
— Гады! —
И ругался так, что дальше некуда.—
Дать бы сволочам!

А где снаряды?
Весь запас на батареях —
полкомплекта...
(Строг в блокаду был учет расхода.)

Шла война сорок второго года.

Шла волна по Финскому заливу.
Мы смотрели на волну со страхом.
Клин низвергся в воду красным ливнем.
Клин осыпался в волну белесым прахом.

Мы с Савватием в тот день
(не по наряду)
в снайперскую вызвались засаду,
записав в итоге дня
для сведенья:
он — за лебедя
и я — за лебедя!

День поэзии 1981

МАМЫ ИДУТ НА ПРОРЫВ

Все начальство наше в изумленье:
на рассвете к нам из тыла,
у высоты,
просочились через оцепленье
чуть не в боевое охраненье
две каких-то оголтелых тетки.
Сам комбат (он спал)
полураздетый

расшумелся:
— Жизней вам не жалко?!
Здесь у нас танкоопасный сектор.
И вообще, в трехстах шагах нейтралка!

Но бессильны все его резоны.
Дело в том, что тут у нас в разведке
с дней формирования батальона
служат сыновья их,
однолетки.

А с войны какие увольненья?
Вот к ним гости и явились сами.
— Так что окажите уваженье,
не задерживайте нас.
Мы — мамы!

Пробивной пароль у этих женщин.
Тут комбату и ответить нечем.
(Даже старший лейтенант из «Смерша»
строгость напускает... безуспешно.)

И сквозь оборону спозаранку
мамы прорываются упрямо...
Можно задержать лавину танков,
но попробуйте
остановите маму!

День поэзии 1981

ЮРИЙ ВОРОНОВ

ПАМЯТЬ

Неверно,
Что сейчас от той зимы
Остались лишь могильные холмы.
Она жива,
Пока живые мы...
И тридцать лет и сорок лет пройдет,
А нам от той зимы не отогреться.
Нас от нее ничто не оторвет.

Мы спаяны с ней памятью и сердцем.
Чуть что —
Она вздымается опять
Во всей своей жестокости нетленной.
«Будь проклята!» — мне хочется кричать.
Но я шепчу ей:
«Будь благословенна...»
Она щемит и давит.
Только мы
Без той зимы —
Могильные холмы.

И эту память,
Как бы нас ни жгло,
Не троньте
Даже добрыми руками.
Когда на сердце камень —
Тяжело.
Но разве легче,
Если сердце — камень?..

Москва

День поэзии 1967

ЛЕНИНГРАДКИ

Что тяжелее тех минут,
Когда под вьюгой одичалой
Они
На кладбище везут
Детей,
Зашитых в одеяла...

Когда ночами снится сон,
Что муж — навстречу,
По перрону.
А на пороге — почтальон,
И не с письмом,
А с похоронной...

Когда не можешь есть и спать.
И кажется, что жить не надо...
Но ты — жива.
И ты опять
Идешь
На помощь Ленинграду.

Идешь, сжимая кулаки,
Сухие губы стиснув плотно.
Идешь.
И через грудь — платки,
Крест-накрест,
Лентой пулеметной...

День поэзии 1968

ЧЕРЕЗ ЧЕТВЕРТЬ ВЕКА

В блокадных днях
Мы так и не узнали:
Меж юностью и детством
Где черта?..
Нам в сорок третьем
Выдали медали.
И только в сорок пятом —
Паспорта.
И в этом нет беды..
Но взрослым людям,
Уже прожившим многие года,
Вдруг страшно оттого,
Что мы не будем
Ни старше, ни взрослее,
Чем тогда...

День поэзии 1968

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ

1909—1966

«Долиной смерти» назвали
Клочок этой русской земли,
Где в грохоте рвущейся стали
За насыпью мы залегли.
Как тянется время на свете!
Вся жизнь промелькнула быстрее,
Чем день, проведенный под этим
Огнем девяти батарей.
Очнешься от взрыва и снова
Готовишься гибель встречать,
И много тут было такого,
Что лучше забыть и молчать.
Уже равнодушный к страданиям,
Я ждал, провожая зарю,
Когда же с последним дыханьем
Я имя твое повторю.
...Мы вышли из этого ада,
Шутили, шагая вперед,
Что нашего, дескать, солдата
Немецкая сталь не берет.
И вправду поверил тогда я,
Крещенный в смертельном огне,
Что буду я жив, дорогая,
Пока ты грустишь обо мне.

Август 1942

День поэзии 1979

НАШИВКИ

Мы славим тех, кто честно воевал,
Кто говорил негромко и немного,
Кого вела военная дорога,
Где пули убивают наповал;

Кто с автоматом полз на блиндажи,—
А вся кругом пристреляна равнина,—
Но для кого связалась воедино
Честь родины и честь его души;

Кто шел в лихой атаке впереди,
Не кланялся ни пуле, ни снаряду,
И боевую славную награду
Теперь недаром носит на груди.

Но есть других отличий боевых
Суровый знак: нашивки за раненья.

Согласно Статуту и Положению,
Над всеми орденами носят их.

Однажды (то была еще весна,
И мы дрались на направленья Псковском)
Я слышал, как в землянке старшина
Рассказывал бойцам о Рокоссовском.

В распоряжение энского полка,
Где маршал обходил передовые,
Он увидел нашивки золотые
На гимнастерке старого стрелка.

«Где ранен был, орел? В бою каком?
Где пролил кровь, с врагом сражаясь
честно?»

— «А где орлу быть раненым?»
Известно,—
Сказал солдат,—
уж точно под Орлом.

А вот другая рана, это да...
Не знаю, как и выразить словами,
А только нас одним снарядом с вами
Накрыло вместе под Москвой тогда.

Я, помнится, шел с группой бойцов,
А вы стояли аккурат на горке...»
Тут маршал снял один из орденов
И прикрепил к солдатской гимнастерке.

И, помолчав, промолвил наконец:
«Да, было дело у Москвы-столицы...
Что ж, если вместе ранены, отец,
Не грех и орденами поделиться...»

И каждый воин, что сейчас в строю,
Увидев за ранения нашивки,—
Уважь бойца. Тут дело без ошибки:
Он пролил кровь за Родину свою.

1944

День поэзии 1975

ГЕРМАН ГОППЕ

МАТЬ

Пенсионные дни медлительны,
Ночи майских короче ночей...
Привезет электричка к Витеньке,
К той земле, что звалась ничьей.

А теперь до морщинки близкая,
Дорогая, словно лицо.
Ветер кружит над обелисками
Листьев огненное кольцо.

Скоро с вечностью ливни серые
Старый спор заведут опять.
Вот и трудится над фанерою,
Помогает вечности мать.

Гладит кистью грани неровные,
Гладит ласково, не устает.
Не устанешь от самой кровной
Из своих последних забот.

Возвратится спокойная к вечеру,
Переступит домашний порог,—
Встретит мать улыбкой доверчивой,
Довоенной улыбкой сынок...

Прислонится она к подоконнику,
Как в кино, поглядит на ребят.
А они — «пехотинцы» и «конники» —
Крепостные стены дробят.

А потом над атакой стремительной
Голос вырастет молодой:
— Витя, где ты носишься, Витенька?
Сколько ждать мне тебя домой?..

День поэзии 1974

СТАРЫЙ ДОМ НА УЛИЦЕ ВОССТАНИЯ

Моей маме Зинаиде Константиновне

Девятнадцатый номер трамвая
Поворот совершает крутой.
Прибываю в девятое мая —
Не в победный, а в сорок второй.

Сердце сжало внезапным испугом.
Узнаю перекресток с трудом.
Там, где острый отсутствует угол,
Плавной линией новенький дом.

В прошлый век он вписался тактично.
Нет вины у него никакой
Пред исчезнувшим домом с кирпичной
И почти что слепую стеной.

Но к стене этой мама припала,
Прикоснулась лицом наугад.
Оставалось до булочной мало,
Как в той песне — четыре шага.

И немного совсем до крапивы,
До письма моего, до тепла.
Нет, прижалась к стене молчаливо,
Из блокады неслышно ушла.

И в наследство, в ладони разжатой,
Чью-то жизнь обещая хранить,
Двадцать три на талончиках даты —
Послемаины майские дни.

...Новый дом рассиялся огнями.
Старый в сердце моем затаен.
Он стоял здесь как памятник маме.
Никакого теперь у нее.

День поэзии 1982

ХИРУРГАМ САНБАТА

Над болью, куда уж выше,
Парить накануне тьмы...
Воскресшие, воскресивши
В лицо не видели мы.

Они склонялись над нами,
Чтоб вызвать в последний бой.
Еще не память — предпамять
Они возвращали — боль.

С высот заоблачных в пропасть —
Такие вот виражи.
А вышло, что пропасть — пропуск
В госпиталь — значит, в жизнь.

Теперь наша жизнь вторая
Под знаком твоим, санбат.
Родителей не выбирают —
Родителей благодарят.

Не часто.

Чаще под старость,
Глядя в лицо судьбе...
Во всем, что после досталось,
Не сами мы по себе.

Тот шаг через мостик хрупкий —
Труднейший из наших шагов.
Мы — памятники хирургам
Сороковых годов.

День поэзии 1980

САМЫЙ ТЯЖЕЛЫЙ ГРУЗ

Ночь — без сна, в метель и дождь —
Чужд шоферу на войне без крова,
Гасли дни и зажигались снова покой,—
На моей дороге
фронтной.
«Юнкеры» ныряли спозаранку,
«Зис» трясло по гудам кирпичей:
Поступью тяжелой,
Годы шли словно танки,
на гусеницах дней.
Подо мною на пути
к Моздоку
Плыл асфальт,
скрипел мостов
настил,—
Раненую жизнь
возил к востоку,
Смерть
на запад
тоннами возил!
Знаю я свинца, железа клади,
Кузов опускался до колес...
Но большее вспомнить —
в Ленинграде
Я товарища зимою вез...
Груз совсем не разгибал рессоры —
Он лежал на сердце у шофера...
Расколов Невы холодный мрамор,
По земле огня катился вал.
За сугробами
чернела
яма,
Рядом заступ
сторожем стоял.
Белая пурга покрыла кузов,
Наклонились мерзлые кусты.
...Нет на свете
тяжелее груза,
Чем друзей
в последний
путь
везти.

День поэзии 1956

Памяти матери

Я иду по улице широкой.
Вот и дом, знакомый мне давно,
Между светлых и веселых окон
Только наше
темное окно...
Щелкнул ключ, и простонали двери.
«Мама!» — крикнуть хочется,
позвать..
До сих пор я почему-то верю,
Что к соседям нашим вышла мать.
Дуб к окну кривые ветки клонит,
Улица в холодной серой мгле.
Вот теперь,
теперь я только понял:
Мать —
короткий праздник
на земле!

День поэзии 1962

Здесь равнина — не поля со скатами,
Но прийти сюда мне нелегко;
Как высоко у могилы матери,
Как отсюда видно далеко...
Гонит вдаль седые тучи ветер,
Пригибая черные кусты...
Выше горя —
Нет горы на свете.
Все открыто
с этой высоты!

День поэзии 1962

ЮРИЙ ИНГЕ

1905—1941

Я сочинял стихи в газету,
Я жаден был к чужой судьбе
И не успел, как все поэты,
Сказать немного о себе.

Не воспевал я драм сердечных,
Пейзажем лунным пренебрег,
И потому я слышу вечно
В излишней сухости упрек.

Но никогда мне не решиться
Уйти под кровлю личных тем,—
Сухая повесть очевидцев
Страстней придуманных поэм.

Стихи же — сплав свинца и стали,
Слова, зовущие в бой,
И я хочу, чтоб в них предстали
Все современники мои.

Я посвящу их героине,
Моих товарищей судьбе...
Вот почему, мой друг, поныне
Пишу я мало о себе.

1940

День поэзии 1963

ПОЛНОЧЬ

Опять дорогой круговой
Иду по улицам, тревожась,
Стоят ли сфинксы над Невой
У Академии художеств.

Давно мосты разведены,
А там, где неба полуциркуль,
Как предисловие страны,
Кронштадт мне машет бескозыркой.

Все спит. Сквозь синеватый дым
Глядят сторожко батареи.
Он горд сознанием молодым,
Что никогда не постареет.

И волны отбивают ямб
Ночной таинственной поэмы.

Воды и неба по краям
Расставлены штыки и шлемы.

Замаскирован часовой
Листвы тончайшей филигранью,
Но у меня над головой
Его негромкое дыханье.

И там, где повторяет гул
Кронштадта сумрачная пристань,
Стоит надежный караул
У школы лучшего чекиста.

Все говорит о прошлых днях,
Навек оставшихся в помине,
О бурях, крови и огнях,
Не меркнувших поныне.

О спящий город! Над Невой
Ты столько лет стоишь, как песня,
Привратник мира, часовой,
Страны моей ровесник!

1941

День поэзии 1975

ПОЛИНА КАГАНОВА

1911—1972

ЗА ЛЕНИНГРАД!

Над военным родным Ленинградом,
Разрывая немые снега,
Не смолкая гремит канонада —
Это наши идут на врага,
Это голос стальной пулемета,
Это сокола гордый полет,
Это бьется морская пехота,
Это суд справедливый идет,
Это речью бессмертных орудий
Говорят на Неве корабли,
Это дышит воинственной грудью
Каждый ком ленинградской земли,
Это город суровый и грозный
Двинул рать на кровавых врагов,
И колышется в дымке морозной
Лес серебряных русских штыков.
В пламенеющих бликах восхода
Загорается утром Нева...
Ленинградцы в боях и в походах
Обретают на славу права.

1944

День поэзии 1980

СТАРАЯ ФОТОГРАФИЯ

В землянке четыре девчонки живут,
в землянке девчонки наводят уют,
газету армейскую стелют на стол
и дряят щербатый некрашенный пол,
еловые ветки кладут на порог,
они и во сне не снимают сапог.

К ним письма приходят — с войны на
войну,

и четверо думают думу одну.

В землянке — времянка. Дровишки трещат,
как будто за печкой сверчки верещат.
На миг закрывают девчата глаза,
и впрямь — «на поленьях смола, как
слеза...».

1969

День поэзии 1975

Ты много лет жил без меня
Среди железа и огня.
И в том огне, на той войне
Не раз мечтал о тишине.
Но и минуты тишины
Солдаты были лишены.

И там, где бешеный металл
Ревел и землю разметал,
Ходили женщины с тобой
Из боя в бой, из боя в бой.

И в час отбоя, может, ты
Одной из них дарил цветы.

Война войной, жена женой.
Я не хотела, чтоб — одной:
Одна могла тебя обнять
И у меня тебя отнять.

А рук твоих и губ твоих
Хватить не может на двоих...

День поэзии 1966

ВРЕМЯ

Нет у меня часов карманных
и маленьких часов ручных,—
я время знаю по туманам,
по тихим шорохам ночным.

По бормотанью старых кленов,
по уголькам совиных глаз
и по приходу почтальона
я узнаю, который час.

А он сюда приходит в восемь,
бывает так, что писем нет.
В окно ко мне стучится осень
и смотрит старый дуб-сосед.

Пожар осеннего заката
наш темный сад позолотил.
Я помню — в этот час всегда ты
домой с работы приходил.

Теперь ты там, где злятся штормы,
где жарко дышит гневный бой,
а я, приподымая шторы,
рассвет встречаю голубой.

И небо, синий плащ накинув,
глядит здесь ласково на нас.
В России утро, а в Берлине
давно пробил последний час.

Уже последние минуты
врагов коварных сочтены...
Я время знаю по салютам
моей единственной страны.

Ноябрь 1944

День поэзии 1975

Андрей Ушин.
«Петропавловская крепость»

БОРИС КОСТРОВ

1912—1945

Солдатское солнышко — месяц,
Осенняя черная ночь...
Довольно. Подохнешь без песен,
Не нам воду в ступе толочь.

Любовь стала проще и строже,
А ненависть — трижды сильнее.
За тех, кто до этого дожил,
Как пили отцы наши — пей!

Не легок наш путь, не изведан,
Но кто, мне скажите, когда
Сказал, что приходит победа
В терновом венке без труда?

Нам жить — не тужить! Но без песен
Душа ни к чему не лежит.
Солдатское солнышко — месяц
Над нашей землянкой горит.

1945

День поэзии 1975

*Владимир Алексеев.
«г. Пушкин
Чесменская колонна»*

Не плачь, мы жили жизнью смелой,
Умели храбро умирать,—
Ты на штабной бумаге белой
Об этом можешь прочитать.

Переживи внезапный холод,
Полгода замуж не спеши,
А я останусь вечно молод
Там, в тайниках твоей души.

А если сын родится вскоре,
Ему одна стезя и цель,
Ему одна дорога — море,
Моя могила и купель.

Август 1941

День поэзии 1967

ЗАЛП

В морозной мгле мы выходили в море,
Ломались льдины около бортов.
Все было белым в пасмурном просторе
Не в меру крепких в эту зиму льдов.
В ущелиях базальтовых нагорий
Стояли пушки. Без излишних слов
Враг уточнил прицел по нам. И вскоре
Весь лед звенел, как лопнувший швартов.
Шли корабли безмолвствуя, доколе
Слова команд, исполненные волей,
До командиров в башни не дошли.
Ревун запел, и содрогнулись реи,
И замолкали в злобе батареи
Во мгле ущелий вражеской земли.

1941

День поэзии 1968

ТОВАРИЩ

На Черноморье шторм десятибалльный,
В Новороссийске буйствуют ветра.
Товарищ мой, отдай салют прощальный,
Давно с тобой нам свидеться пора.

Давно пора, преграды далее руша,
Спать сердца и руки заодно,
Шторма изрядно высушили души,
Но дружбе в них иссохнуть не дано.

Ложась на норд с предгорий знойных
Крыма,
И мы тогда, в безмолвии ночном,
Окутавшись котельным синим дымом,
Поговорим о счастье боевом.

И выйдем в ночь, где сумрачные воды
Дробят о камень черную струю,
Где в зареве немеркнущем заводы
Морскую мощь республики куют.

Спеши, товарищ,— море стало нашим,
И пусть походы холодны и злы,
Форштевнями стремительными вспашем
За Таллином балтийские валы.

На Черноморье шторм десятибалльный.
Пора вернуться в бухту кораблю.
Я жду тебя упрямым, беспечальным,
Таким, какого знаю и люблю.

1940

День поэзии 1970

БОРИС ЛИХАРЕВ

1906—1962

КАМЕНЬ

Он вышерблен ветром,
Облизан метелью.
Он голый и синий, как лед.
Все камень да камень,
Он был нам постелью
Средь этих полярных широт.

Все камень да камень,
От Западной Лицы
До круглой норвежской луны
Ни дома, ни дыма,
Ни зверя, ни птицы:
Куда ни взгляни —
валуны.

Из них мы себе
Воздвигали жилище.
А с полюса хлынет зима —
И вьюга заплачет,
Застонет, засвищет,
И стужа нагрнет, и тьма.

Но высекла искру
Певучая пуля,
О камень ударив, остра, —
Мы с камня поднялись,
По камню шагнули,
Когда нам настала пора.

Об этом словами
Не скажешь сегодня,
Об этом лишь буря гремит.
И те, кто остались
В той преисподней,
Не в землю легли, а в гранит.

Его мы запомним
В краю невеселом:
Блестит он в полярной ночи,
Все камень да камень,
Холодный и голый...
— Мы тверже, чем камень, молчи!

1946

День поэзии 1975

ПОЭТЫ

Ночь блокады темна,
Как еще далеко до рассвета!
Мы разделим табак,
Тот, что дан в дополненье к пайкам.
Коридорами Смольного
Ночью шагают поэты,
И стихи сочиняют,
И пишут воззванья к полкам.

Принимаем сполна
Все, что будет сегодня и завтра.
Нам доверено слово,
Оно не устанет звучать.
Есть форпосты у нас,
Это — радио,
Это — «Ленправда»,
Это наша армейская
И фронтовая печать.

Никогда не забудем
О том, что в блокаде мы были,
Мы расскажем всю правду
О наших родных земляках.
Чем ты счастлив, мой друг?
Тем, что строчки твои находили
На газетных, скупых,
На пробитых осколком листках...

Длится грозная ночь,
И обстрелы все длятся и длятся.
Вот зенитка на площади
Ревом сплошным залилась.
В два часа, мы надеемся,
Нам позвонят домочадцы,
Если только опять,
Как вчера, не нарушится связь.

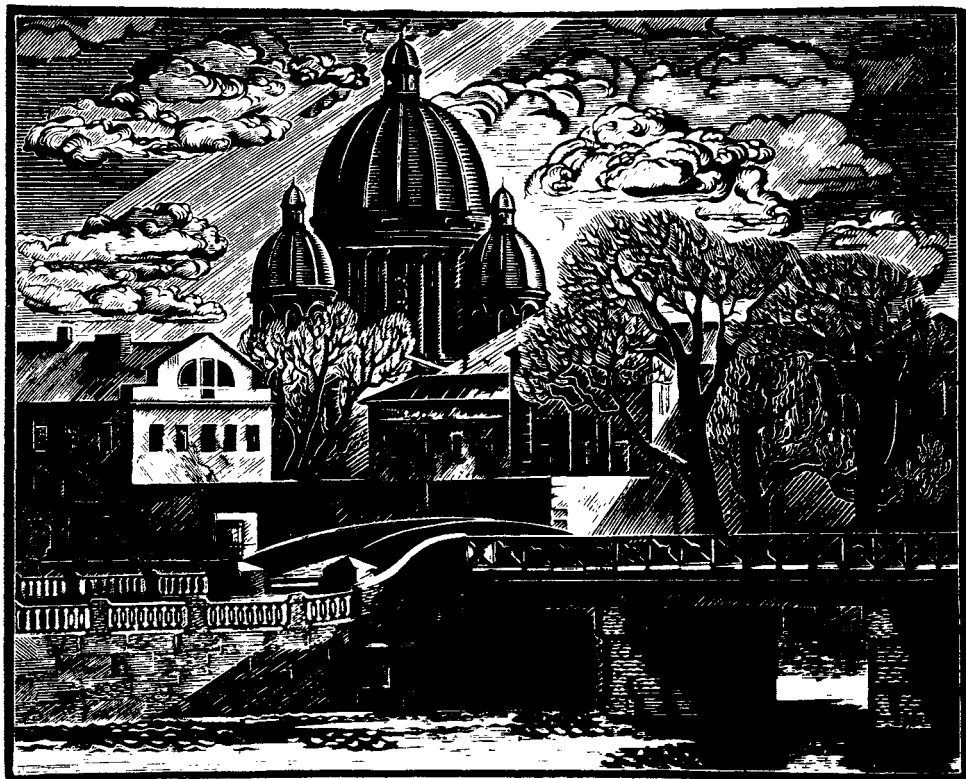
И пока мы не спим,
Нам на утро готовят путевки.
«До особого распоряженья
Отбыть предлагается вам...
Одному к партизанам,
Другому к Приневской Дубровке,
И в Кронштадт остальным», —
Видно, круто пришлось морякам.

Мы выходим. Снега
Багровеют от стужи рассветной,
С постамента Ильич
Указует рукою — вперед!
Есть на пропуске знак,
Он до срока секретный.
Мы с тобой навсегда,
Вдохновение наше,
Народ!
Продолженьем стихов
Отвечают врагу батареи.
Всплески залпов, как рифмы,
Сшибаясь, летят за кольцо.
Путь далек до застав,
Мы проспектом идем, как траншеей,
На любом перекрестке
Патруль узнает нас в лицо.

1957

День поэзии 1977

Татьяна Мезерина.
«Троицкий собор»

БОРИС НЕКРАСОВ

1920—1978

В ПОЧЕТНОМ КАРАУЛЕ

Необратимо и неотвратимо...
Пускай давно закончились бои,
Но падают, как прежде, побратимы —
Товарищи и сверстники мои.
И, стоя в изголовии у гроба,
Не медик я, но знаю: и теперь
Не возраст наш и вовсе не хвороба —
Причиной неподсчитанных потерь.
Мне слышится в почетном карауле,
Как через годы, рядом, за окном,
Свистят осколки, взвизгивают пули,
Торопит смерть блокадный метроном.
Мы все, от рядового до министра,
Всю жизнь теперь на линии огня,
И где-то в сорок первом грянул выстрел,
Нацеленный в него, в тебя, в меня.
И если друг из строя выбит рядом,
Клянемся, словно снова смертный бой,
Идти вперед, не кланяться снарядам,
Которые свистят над головой.

День поэзии 1978

В ДОЛГУ ПЕРЕД ДОРОГОЙ

Нелегко путь, и пройдено немало.
Мечта моя — усталости сестра:
Скорее бы добраться до привала,
Расслабиться, согревшись у костра.
Я разожгу костер, и снова сила
Живого, беспокойного огня
Льет свет на все, на все, что в жизни было,
Что опалило на пути меня.
И ветры всех дорог земного шара
Вдруг взвихривают память, так остры,
Что я, во избежание пожара,
Уже готов заречься жечь костры.
Но не зажечь костер — огнюдь не значит,
Что за собою сжег ты корабль.
Сочтешь свои потери и удачи,
И выйдет, что в долгу ты у Земли.
В долгу перед судьбой за то, что мина
И пуля пролетели стороной,

В долгу перед женой за дочь и сына,
За самого себя — перед страной.
По формуле простой и самой строгой
Ты навсегда, покуда жив-здоров,
В долгу перед нехоженой дорогой
И пламенем невспыхнувших костров.

День поэзии 1976

Крещенным в сорок первом — сорок
пятном,
Хлебнувшим лиха горького до дна,
Сверхсрочникам — трудягам и солдатам,
Нам гордая уверенность дана,
Что ели мы свой хлеб не понапрасну,
Замешенный на горе-лебедь,
Что нам светило солнце стягом красным
И в праздники, и в будни, и в беде.
А мы их в жизни видывали, беды,
Ветрам и пулям подставляя грудь,
И шли сквозь будни к праздникам победы
Совсем не для того, чтоб отдохнуть.
Не для наград мы вламывались в дали,
Стремилась к неоткрытым берегам,
Хотя, не будем скромничать, вручали
Награды иногда в пути и нам.
Но часто было: получив медали,
Мы их, едва примерив на груди,
Парторгам на хранение отдавали,
Ведя нелегкий поиск впереди.
И коль, упав однажды, не вставали
С неласковой обугленной земли,
На бархатных подушечках медали
За нами под Шопена не несли.
Для случая храним их, для парада,
А в поле, и в забое, и в бою
Сознание — нам высшая награда,
Что живы мы, что мы еще в строю,
Что хлеб не понапрасну свой едим мы,
Что мы с тобой всегда, во всем, везде,
Страна моя великая, едины —
И в праздники, и в будни, и в беде.

День поэзии 1979

НИКОЛАЙ НОВОСЕЛОВ

1921—1969

МОГИЛА БОЙЦА

Здесь все неизменно, как было,
Лишь тени от кленов длинней,
Лишь стала пониже могила,
Повыше — рябина над ней.

Из жести венка запыленной,
Сквозь треснувший холод стекла,
Парнишка глядит удивленно,
Не веря, что юность прошла,

Что мы поседем в походах,
А он, пережив свою смерть,
Все будет навстречу восходу
Из траурной рамки —
Сквозь годы,
Вот так, не старея, смотреть.

День поэзии 1956

Город ночные огни зажег.
Тихий летит снежок.

Лужица,
Тронутая ледком,
Хрустнет под каблуком.
Ночь напролет готовы
Молчать, не скучая ничуть...

И страшно —
Неловким словом
Счастье это спугнуть.

День поэзии 1967

П. Ойфе

Фляжка спирта.
Хлеба коврига.
Хлеб да соль! Разносолов нет...
Пробивается к людям книга
С опозданием на двадцать лет.

Не прочтут этих строчек многие,
С кем делили хлеб на двоих...
Но идет солдатской дорогой
Память сердца —
Негромкий стих.

Никогда он заметным не был.
Но всегда старалась строка
Быть достойной черного хлеба,
Фронтowego спирта
Глотка.

День поэзии 1967

СЕРГЕЙ ОРЛОВ

1921—1977

Его зарыли в шар земной,
А был он лишь солдат,
Всего, друзья, солдат простой,
Без званий и наград.
Ему как мавзолеей Земля —
На миллион веков,
И Млечные Пути пылят
Вокруг него с боков,
На рыжих скатах тучи спят,
Метелицы метут,
Грома тяжелые гремят,
Ветра разбег берут.
Давным-давно окончен бой...
Руками всех друзей
Положен парень в шар земной,
Как будто в мавзолеей...

1944

День поэзии 1967

ПОСЛЕ МАРША

Броня от солнца горяча,
И пыль похода на одежде.

Стянуть комбинезон с плеча —
И в тень, в траву, но только прежде
Проверь мотор и люк открой:
Пускай машина остывает.

Мы все перенесем с тобой:
Мы люди, а она стальная...

Июль 1944

День поэзии 1975

ЭКЗАМЕН

Побывал я в клубе армейском.
Не бывал я там целый век.
Принимало меня семейство,
Может, в тысячу человек.

«Встать!» — и ветер прошел по залу,
Мне ж хотелось сказать: «Садись».
Повстречали меня сначала,
Будто гость я, а не танкист,

Будто я не того же братства,
Жженный, стрелянный, фронтовой,
И неловко мне было в штатском
Проходить сквозь солдатский строй.

На широкой тесовой сцене
Бархат прошелестел и смолк.
И в какое-то вдруг мгновенье
Я вспомнил гвардейский полк.

Будто в прошлое настезь двери
И друзей голоса в ответ:
— Что ж, послушаем и проверим —
Стихотворец ты или нет.

Почитай, мы примем экзамен...—
И читал я им у костра
Под открытыми небесами
Возле речки стихи до утра.

Снова мне танкисты не верят
И глядят, прищурясь, вослед:
— Что ж, послушаем и проверим —
Ты на деле танкист или нет...

Нужно им доказать стихами,
Что я брал в сорок третьем Мгу,
Что прицелом и рычагами,
Словно рифмой, владеть могу...

Зал откашлялся, смолкнул, замер...
Понял я: лишь спустя семь лет,
Вот сейчас, я держу экзамен —
Стихотворец я или нет.

День поэзии 1956

ГЛЕБ ПАГИРЕВ

ВСТУПЛЕНИЕ

Мы на войне записок не вели
и, лишь пройдя через бой-пожары,
по памяти, но честно, как могли
солдаты, написали мемуары.

Листай страницы времени — и вновь
тревожным светом озарятся лица,
сквозь гимнастерки просочится кровь
и докрасна железо раскалится.

День поэзии 1970

КОЛОСОК

Я прожил всю весну в одном окопе,
И мне теперь подробно был знаком
Рельеф полей, плывущих в перископе,
Лишь кое-где поросших сорняком.

Земля была мертва, но за канавой,
Обозначавшей наши рубежи,
Среди колючек проволоки ржавой
Качался стебелек цветущей ржи.

Еще вчера какой поток металла
Обрушился на этот край земли,
Какие укрепления разметало,
Какие здесь ребята полегли!

А вот возьми, былинка уцелела,
И каждый раз, взглянув наискосок,
Я снова видел в зоне артобстрела
Живой неистребимый колосок.

Над ним тяжелый дым клубился тучей,
Снаряды глухо ухали во мгле,
А он стоял щетинистый, колючий,
Весь — утверждение жизни на земле.

1944

День поэзии 1975

ПОДВИГ

Опять
меня втянули в перепалку.
Ну ладно! Потолкуем о былом.

Мы в пекле боя приняли закалку,
нас горе испытало
на излом.

Не кто-нибудь
по шучьему веленью
принес Победу, вывел мир из тьмы.
Солдатский подвиг неподвластен тленью,
а если так, то вместе с ним —
и мы.

Не сетуем,
что выдохлись, устали,
нас голыми руками не бери:
мы на войне узнали свойства стали
и сами свойства стали
обрели.

День поэзии 1977

НА ВСЮ ЖИЗНЬ

Заболела давнишняя рана,
снова руку в локте разнесло.
Нет, как видно, решили мы рано,
что бывшее быльем поросло.

Все осталось, что было когда-то,
каждый день чем-то в душу запал.
Снова рядом рванула граната,
вновь сработал проклятый запал.

Как ударили чем под коленки,
разрывая привычную связь,—
и пошел, и пошел я по стенке,
вдоль траншеи, все больше кренясь.

Не болело, но странная сила
мною владела упрямо и зло:
все куда-то меня заносило,
по каким-то ухабам несло.

Но покамест я шел и сначала
над собой сохранял еще власть,
в подсознании глухо звучало:
не упасть, не упасть, не упасть.

Боль входила толчками, не сразу,
и, ладонью плечо захватив,
я гудел про себя эту фразу,
вроде пел на какой-то мотив.

Так и вижу: открытое поле,
меж воронок сурепка цветет,
лейтенант, поджимаясь от боли,
в ближний тыл потихоньку идет.

(Для него этот путь только начат,
вся-то боль у него впереди,
он еще свою руку понянчит,
побаюкает возле груди.)

В память врезано давнее лето,
место боя, дорога в санчасть,
и до смерти останется это:
не упасть, не упасть, не упасть.

День поэзии 1979

Как за другими ни тянись,
не тот напор в работе,
все больше забираю вниз —
что пуля на излете.

Летит в предчувствии конца,
минуя рвы и щели,
комочек грозного свинца,
не поразивший цели.

Еще стремится он вперед,
найдет — не жди прощенья.
Но все замедленней полет,
все медленней вращенье...

О жизнь!
Бросай меня, крути,
я все, что дашь, приемлю
и где-то там, в конце пути,
с разлета врежусь в землю.

День поэзии 1978

Вадим Бродский

ГЕОРГИЙ СУВОРОВ

1919—1944

СОКОЛИНАЯ

Снежный ветер в поле воеет,
Путь-дорога длинная.
Грянем, братцы, да сильнее,
Песню соколиную!

Грянем песню перед боем
За отчизну милую,
Как мы с немцем боевою
Померялись силою.

Как не выдержал гадюка
И бежал как бешеный...
Но настигла гада вьюга
Свинцовая, снежная.

Воеет в поле снежный ветер.
Сто путей не пройдено.
Ничего не жаль на свете
За святую Родину!

День поэзии 1961

Ухожу. Вернусь ли я — не знаю,
Встречу ль вновь когда-нибудь тебя?
Ухожу туда, где умирают,
Ненавидя, грезя и любя.

Ухожу. Будь верной в дни тревоги.
Ну, чего ж еще тебе скажу...
Нележки солдатские дороги,
Вот и все, родная. Ухожу...

День поэзии 1965

Полковнику Путилову

Есть в русском офицере обаянье.
Увидишься — и ты готов за ним
На самое большое испытанье
Идти сквозь бурю, сквозь огонь и дым.

Он как отец — и нет для нас дорожке
Людей на этом боевом пути.
Он потому нам дорог, что он может,
Веда на смерть, от смерти увести.

1943

День поэзии 1975

Еще утрами черный дым клубится
Над развороченным твоим жильем.
И падает обугленная птица,
Настигнутая бешеным огнем.

Еще ночами белыми нам снятся,
Как вестники потерянной любви,
Живые горы голубых акаций
И в них восторженные соловьи.

Еще война. Но мы упрямо верим,
Что будет день — мы выпьем боль до дна,
Широкий мир нам вновь раскроет двери,
С рассветом новым встанет тишина.

Последний враг. Последний меткий
выстрел.
И первый проблеск утра, как стекло.
Мой милый друг, а все-таки как быстро,
Как быстро наше время протекло.

В воспоминаньях мы тужить не будем,
Зачем туманить грустью ясность дней,—
Свой добрый век мы прожили как люди —
И для людей.

1944

День поэзии 1967

АНАТОЛИИ ЧИВИЛИХИН

1915—1957

ТОСТ АРМЕЙСКИХ КОРРЕСПОНДЕНТОВ

Сегодня нам выпал веселый час,
А завтра нам в путь пора.
И тост неплохой найдется у нас:
— За рядовых пера!

Мы «Войну и мир» не напишем, нет,
Хоть записок у нас — гора.
Но не обойтись ни одной из газет
Без нас — рядовых пера.

Мы пишем, дуя на кулаки
У тлеющего костра,
О подвиге славном четыре строки,
И каждая нехитра.

Где кончен бой, где бой начался,
Где сброшен противник с бугра —
Обязан всех раньше на полчаса
Узнать рядовой пера.

На «пикапах» не ездим, бредем пешком,
Коль не подвезут шофера.
В грязи непролазной бодрым шажком
Завтра пойдем, как вчера.

Из роты в роту, из дзота в дзот
(А у немцев есть снайпера)
Наш брат, не сгибаясь, к бойцам идет:
Он — рядовой пера.

Так выпьем, покуда писатели спят.
Всем встать! Мы крикнем: «Ура!»
За наших читателей, смелых ребят,
И за нас — рядовых пера!

День поэзии 1961

Великая под солнцем есть страна.
Под небесами севера и юга
Две части света обняла она,
Двух океанов гордая подруга

Ее простор так сказочно широк,
Что солнцу долго потрудиться надо,
Чтоб, осветив зарей Владивосток,
Пройти свой путь до стен Калининграда.

День поэзии 1961

МЫ ПРИКРЫВАЕМ ОТХОД

Отход прикрывает четвертая рота.
Над морем холодное солнце встает.
Немецкая нас прижимает пехота.
Спокойствие. Мы прикрываем отход.

Браток! Вон камней развороченных
груда —
Туда доползи, прихвати пулемет.
Кто лишний — а ну, выметайся отсюда!
Не видишь, что мы прикрываем отход?

Прощайте! Не вам эта выпала доля.
Не все ж отходить, ведь наступит черед...
Нам надобно час продержаться, не боле,
Продержимся — мы прикрываем отход.

Не думай — умру, от других не отстану.
Вот катер последний концы отдает.
Плыви, коль поспеешь, скажи капитану:
Мы все полегли, мы прикрыли отход!

1941

День поэзии 1975

СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ

В своем развитии наша поэзия всегда опиралась на опыт мастеров, на наиболее интересные достижения советских поэтов предшествующих поколений. В сборниках «День поэзии» и ранее публиковались неизвестные их произведения, а также материалы, посвященные их жизни и работе. Всех этих поэтов уже нет с нами, но остаются живые страницы памяти.

Ниже печатается стихотворение Сергея Есенина из цикла «Персидские мотивы», не входившее до публикации в «Дне поэзии» ни в одно собрание его сочинений; произведения Н. Крандиевской-Толстой, видного деятеля советской культуры, жены Алексея Толстого, не покинувшей Ленинград в жестокие дни блокады. Читатель познакомится со стихами Михаила Кузмина, о котором Александр Блок в свое время сказал: «Поэтов, как Вы, на свете сейчас немного...», с произведениями самобытного и противоречивого Николая Клюева, поэта и переводчика Бенедикта Лившица.

Здесь же представлены яркий, талантливый Борис Корнилов, известный, кстати, как автор популярной песни «Нас утро встречает прохладой», и Николай Олейников, оригинальный мастер советской юмористической поэзии; прекрасный поэт-песенник Александр Чуркин, высоко оцененный сегодняшним читателем Николай Рубцов и некоторые другие ушедшие от нас, но всегда дорогие нашему сердцу поэты.

Дмитрий Титов.
«Летний сад».

МАРИЯ ВЕГА

1898—1980

СВИРЕЛЬ

Последний звук последней речи.

А. С. Пушкин

Он их, любя, боготворил.
Он благодарным оставался
И той, к которой приходил,
И тем, с которыми расстался.

Своя, чужая ли жена,
Порою страсть, порой причуда,
Но ими жизнь озарена,
И в каждой открывалось чудо.

И нет измены, нет греха,—
Есть смена счастья и печали
В высокой музыке стиха,
Где голоса не отзывали,

Где столько нежных губ и плеч,
Лилей и роз, огней и хмеля.
Но для себя его сберечь
Какие женщины сумели?

Что могут значить имена,
Число и место встречи новой?
Звалась ли Вечная Жена
То Анной Керн, то Воронцовой,

То Инезильей тайных грез
На берегах Гвадалквивира?
Он их воспел, и превознес,
И сделал вечными для мира,

А настоящею Женой,
То подчиняясь, то владея,
С ним шла дорогою одной
От царскосельского лица

До гроба только та, одна,
Что отражалась и горела
В других,— звезда его, весна
И вдохновенье без предела.

Он не дошел, он не допел,
Вокруг него гасили свечи,
Но от нее поймать успел
Последний звук последней речи:

Накрыв его крылом своим,
В снегах кладбищенской постели,
Она легла в бессмертье с ним,
Из рук не выронив свирели.

День поэзии 1978

МАТЬ

Была у меня сероглазая мать,
Но мне запретили ее вспоминать.

И только осталось о прошлом — о ней,—
Что пела она, как поет соловей.

Я плакала долго — все детство в тоске,
Я тени ловила на зыбком песке.

Встречая напрасно у школьных дверей
Высоких, красивых чужих матерей,

Я долго блуждала в тумане пустом,
И жизнь протекла, как вода под мостом.

Но вечером к правде мы ближе всегда:
Чем глубже колодец, тем ярче звезда.

И вот, неожиданно, в сердце моем
Ты дышишь, ты курским поешь соловьем.

Червонные косы спокойно плетешь,
И в поле колышется спелая рожь.

Ты знак подаешь, ты роняешь звезду,
И я по дороге знакомой иду.

В твой запах ржаной, в твой медовый
покой,
Где каждое дерево машет рукой,

Где избы стоят меж запутанных троп
В соломенных шапках, ползущих на лоб.

Каким тебя именем надо назвать,
Моя сероглазая, вечная мать?

День поэзии 1981

СЕРГЕЙ ЕСЕНИН

1895—1925

Тихий вечер. Вечер сине-хмурый.
Я смотрю широкими глазами.
В Персии такие ж точно куры,
Как у нас в соломенной Рязани.

Тот же месяц, только чуть пошире,
Чуть желтее и с другого края.
Мы с тобою любим в этом мире
Одинаково со всеми, дорогая.

Ночи теплые,— не в воле я, не в силах,
Не могу не прославлять, не петь их.
Так же девушки здесь обнимали милых
До вторых до петухов, до третьих.

Ах, любовь! Она ведь всем знакома,
Это чувство знают даже кошки,
Только я с отчизной и без дома
От нее собираю скромно крошки.

Счастья нет. Но горевать не буду,—
Есть везде родные сердцу куры,
Для меня рассеяны повсюду
Молодые чувственные дуры.

С ними я все радости приемлю
И для них лишь говорю стихами:
Оттого, знать, люди любят землю,
Что она пропахла петухами.

Июль 1925

Баку

День поэзии 1964

*Андрей Ушин.
«Карельский парк»*

ВЛАДИМИР ЗАВОДЧИКОВ

1904—1969

Вправе я сказать, давно изведав
Дружбу и вражду,
Что и пса в беде вовек не предал —
С ним делил беду.

Вижу и сейчас врага и друга,
Видел и в бою.
Высоко взнесли гроза и вьюга
Ненависть мою.

Ведал счастье, испытал и горе;
А любви моей
Я в полях у вас учился, зори —
Крылья ясных дней.

Помню, как один в лесах угрюмых
Шел я на восток,—
И тогда в своих заветных думах
Не был одинок.

Шел и думал целую неделю:
«Если смерть найду —
В ясный день или во тьме метели,
В дебрях иль на льду,

Свалит голод лютый или пулей
Вражий часовой,—
То родные сосны в карауле
Станут надо мной,

Ветер милой родины поплачет
О моей судьбе».
Быть Отчизне верным — это значит
Верным быть себе.

День поэзии 1974

Вадим Бродский

АНАТОЛИЙ КЛЕЩЕНКО

1921—1974

БУРАН

Опять мои капканы занесло,
Опять в ловушках прячутся летяги,
Но люблю мне худое ремесло
Таежного охотника-бродяги.

Я, видно, от рождения такой
(Ведь говорят: в семье не без уroda!),
Что мне буран милее, чем покой,
Чем тихая, бесснежная погода.

Мне веселей, чем дома,— в шалаше,
В тайге, в пути...
Но не суди облыжно:
Чертей, что воют иногда в душе,
При вое ветра как-то меньше слышно!

День поэзии 1975

Да, мы равнодушны ко многим стихам и рассказам.
По ярким холстам пробегает без трепета глаз.
Художникам верь, но не верь кустарям-богомазам,
Не верь сочинителям громких и праздничных фраз.
Мир прост в красоте своей.
Сердцем и ревностным глазом
Умей отличить красоту от ненужных прикрас:
Не каплю дождя можно сравнивать с мертвым алмазом,
А с каплей дождя — самый чистый и светлый алмаз.

День поэзии 1963

НИКОЛАЙ КЛЮЕВ

1887—1937

ЛЕНИНГРАД

В излуке Балтийского моря,
Где невские волны шумят,
С косматыми тучами споря,
Стоит богатърь — Ленинград.

Зимой на нем снежные латы,
Метель голубая в усах,
Запутался месяц щербатый
В карельских густых волосах.

Румянит мороз ему щеки,
И ладожский ветер поет
О том, как апрель светлокий
Ломает по заводям лед.

Что скоро сирень на бульваре
Наденет лиловую шаль
И сладко в матросской гитаре
Занает горячий «Трансвааль».

Когда же заря молодая
Багряное вздует горно —
Великое Первое мая
В рабочее стукнет окно.

Взвалив себе на спину трубы,
На площади выйдет завод,
За ним комсомол красногубый —
Республики пламенный мед.

И Армии Красной колонны,
Наш Флот — океану собрат —
Пучиной стальной, непреклонной
На Марсово поле спешат.

Там дремлют в суровом покое
Товарищей подвиг и труд,
И с яркой гвоздикой левкой
Из ран благородных растут.

Плющом Володарского речи
Обвили могильный гранит...
Печаль об ушедших далече,
Как шум придорожных раки.

Люблю Ленинград в богатърке
На каменном тяжком коне;
Пускай у луны-поводырки
Мильоны сестер в вышине, —

Звезда Октября величайей
Стожаров и гордых комет...
Шлет Ладога смуглой Мораве
С гусиной станицей привет.

И слушает Рим семихолмный,
Египет в пустынной пыли,
Как плавают рабочие домны
Упорную печень земли.

Как, с волчьей метелицей споря,
По-лоцмански зорко-лобаст,
У лысины хмурого моря
Стоит богатърь — Ленинград.

Гудят ему волны о крае,
Где юность и мая краса,
И ветер лапландский вздувает
В гранитных зрачках паруса.

День поэзии 1973

Андрей Ушин.
«Новостройки Ленинграда»

БОРИС КОРНИЛОВ

1907—1938

У МЕНЯ БЫЛА НЕВЕСТА

У меня была невеста,
белокрылая жена.
К сожаленью, неизвестно,
где скитается она:
то ли в море,
то ли в поле,
то ли в боевом дыму,—
ничего не знаю боле
и тоскую потому.
Ты кого нашла, невеста,
песней чистою звеня,
задушевная, заместо
невеселого меня?
Ты кого поцеловала
у Дуная,
у Оки,
у причала,
у обвала,
у обрыва,
у реки?
Он какого будет роста,
сколько лет ему весной,
подойдет ли прямо, просто
поздороваться со мной?
Подойдет —
тогда, конечно,
получай, дружок, зарок:
я скажу чистосердечно,
чтобы он тебя берег,
чтобы ты не знала горя,
альпинистка — на горе,
комсомолка — где-то в море
или, может, в Бухаре.

1935

День поэзии 1962

ПАМЯТЬ

По улице Перовской
иду я с папироской,
пальто надел внакидку,
несу домой халву;
стоит погода — прелесть,
стоит погода — роскошь,
и свой весенний город
я вижу наяву.
Тесна моя рубаша,
и расстегнул я ворот,
и знаю, безусловно,
что жизнь не тяжела,—
тебя я позабуду,
но не забуду город,
огромный и зеленый,
в котором ты жила.

Испытанная память,
она моя по праву,—
я долго буду помнить
речные катера,
сады,
Елагин остров,
и Невскую заставу,
и белыми ночами
прогулки до утра.

Мне жить еще полвека —
ведь песня не допета,
я многое увижу,
но помню с давних пор
профессоров любимых
и университета
холодный и веселый,
уютный коридор.

Проснулся город гулок,
летят трамваи с треском...
И мне,— не лгу, поверьте,—
как родственник, знаком
и каждый переулок,
и каждый дом на Невском,
Московский,
Володарский и Выборгский райком.

А девушки...
Законы
для парня молодого
написаны любовью,
особенно весной,—
гулять в саду Нардома,
знакомиться —
готово...
Ношу их телефоны
я в книжке записной.

Мы, может, постареем
и будем стариками,
на смену нам — другие,
и мир другой звенит,
но будем помнить город,
в котором каждый камень,
любой кусок железа
навек знаменит.

1936

День поэзии 1962

ОКТЯБРЬСКАЯ

Поднимайся в поднебесье, слава,—
не забудем, яростью горя,
как Московско-Нарвская застава
шла в распоряжение Октября.

Тучи злые песнями рассеяв,
позабыв про горе и беду,
заводила Вася Алексеев
заряжал винтовку на ходу.

С песнею о красоте Казбека,
о царице в песне говоря,
шли ровесники большого века
добивать царицу и царя.

Потому с улыбкою невольной,
молодой с верхушки до подошв,
принимал, учитывая, Смольный
питерскую эту молодежь.

Не клади ей в зубы голый палец
никогда, особенно в бою,
и отцы седые улыбались,
вспоминая молодость свою.

Ты ползи вперед, от пуль не падай,
нашей революции краса.
Площадь перед Зимнею громадой
вспоминает наши голоса.

А министры только тары-бары,
кое-кто посмылся со двора.
Наши нападенья и удары
и сегодня помнят юнкера.

На фронтах от севера до юга
в непрерывном и большом бою
защищали парень и подруга
вместе Революцию свою.

Друг, с коня который пулей ссажен,
он теперь спокоен до конца:
запахали трактора на сажень
кости петроградского бойца.

Где его могила? На Кавказе?
Или на Кубани? Иль в Крыму?
На Сибири? Но ни в коем разе
это не известно никому.

Мы его не ищем по Кубаням,
мертвеца не беспокоим зря,
мы его запоем и вспомняем
новой годовщиной Октября.

Мы вспомняем, приподнимем шапки,
на мгновенье полыхнет огнем,
занесем сияющие шашки
и вперед, как некогда, шагнем.

Вот и вся заплаканная тризна,
коротка и хороша она,
где встает страна социализма,
лучшая по качеству страна.

1932

День поэзии 1977

МИХАИЛ КУЗМИН

1875—1936

РУССКАЯ РЕВОЛЮЦИЯ

Словно сто лет прошло, а всего неделя!
Какое неделя... двадцать четыре часа!
Сам Сатурн удивился: никогда доселе
не вертелась такой вертушкой его коса...
Вспомните это утро после черного вчера,
это солнце и блестящую медь,
вспомните, что снилось вам в далекие
вечера,
но что заставляло ваше сердце гореть!

Вести все радостней, как стая голубей...
«Взята Крепость... Адмиралтейство пало!»
Небо все яснее, все голубей...
Как будто Пасха в посту настала...
Смех? Но к чему же постные лица,
мы не только хороним, мы строим новый
дом.

Как всем в нем разместиться,
подумаем мы потом.
Помните это начало советских депеш,
головокружительное: «Всем, всем, всем!»
Словно голодному говорят: «Ешь!» —
и он, улыбаясь, отвечает: «Ем!»
По словам прошел крепкий наждак
(Обновители языка, нате-ка!),
и слово «гражданин» звучит так,
словно его впервые выдумала грамматика.
Русская революция — юношеская,
целомудренная, благая —
не повторяет, только брата видит в
французе,
и проходит по тротуарам простая,
словно ангел в рабочей блузе.

День поэзии 1968

14 ДЕКАБРЯ

В этом жутком граде теней,
снов, несбывшихся стремлений,
ветров, льда,
жизнь текла без изменений,
как всегда.
Вечно юная столица,
словно в сказке, веселится,
блеск балов,

только изредка приснится
Пугачев.
Вдруг зловещий гул набата,
и затрясся от раскатов
град Петра,
и гремела канонада
до утра.
«Реет Занда дух над нами,
лучше смерть, чем быть рабами,
братья, в бой!
Вольности подыдем знамя
огневой!»
В полумгле мертвеют лица,
сердце — пойманная птица.
Сон иль бред?
Ах, с тираном бы сразиться!
Силы нет.
Словно крылья подрубили,
словно были и не были,
душно вновь.
Все, что грезилось, уплыло,
только кровь...
Но ужели столь мгновенно
все, что свято и нетленно,
унесла
этой черной ночи пена,
ночи мгла?
Мир ушедшим без возврата,
тем, кто отдал в час расплаты
кровь свою
и на площади Сената
пал в бою.

1927

День поэзии 1968

БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ

1887—1939

ТАМАДА

Каждый день клубок Ариадны,
Зная свой маршрут назубок,
Нас приводит в духан прохладный,
В наш излюбленный погребок.

Человек саженого роста,
Потерявший имя давно,
Посетителям после тоста
Подливает опять вино.

Все мы пьем, приложившись к рогу,
Чудодейственный эликсир,
Превращающий понемногу
В пир Платона наш скромный пир.

Мы не пьянство, однако, славим:
Предводимые тамадой,
Мы скорее стаканы оставим
Иль смешаем вино с водой,

Чем забудем о том, что рядом,
Только выйти к подножию гор,
Отрезвляет единым взглядом
Полновесная жизнь в упор.

Не о ней ли впрямь, не о ней ли,
Может быть, только ею пьян,
Славословий своих коктейли
Преподносит нам Тициан?

Он встает — замолкает тари,
Он погладит под челкой лоб —
В стойком чувствуешь перегаре,
Вдохновение, твой озноб.

Он нанизывает без связи
Происшествия, имена,—
Почему же в его рассказе
Оживает моя страна?

Это — голос самих ущелий,
Где за пазухой нет ножа:
«Руку Пушкину, Руставели!»
«Руку Лермонтову, Важа!»

Это — голос многоязычья,
От которого мы пьяны,
Преисполненные величья
Небывалой еще страны.

И, раздвинув духана стены,
Мы выходим наверх гурьбой
Окунуться вновь в многопенный
Твой, советская жизнь, прибой.

День поэзии 1982

*Рудольф Яхнин.
«Порт у Троицкой площади».*

ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ

1913—1978

БАЛЛАДА О ЧЕРСТВЕ КУСКЕ

По безлюдным проспектам оглушительно звонко
Гроыхала — на дьявольской смеси — трехтонка.
Леденистый брезент прикрывал ее кузов —
Драгоценные тонны замечательных грузов.

Молчаливый водитель, примерзший к баранке,
Вез на фронт концентраты, вез он хлеба буханки,
Вез он сало и масло, вез консервы и водку,
И махорку он вез, проклиная погоду.

Вдруг навстречу лучам — синим трепетным фарам —
Дом из мрака шагнул, покорежен пожаром,
А сквозь эти лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, — плавно, медленно, сыто...

— Стоп! — сказал лейтенант. — Погодите, водитель.
Я, — сказал лейтенант, — местный все-таки житель. —
И шофер осадил перед домом машину,
И пронзительный ветер ворвался в кабину.

И вбежал лейтенант по знакомым ступеням.
И вошел. И сынишка прижался к коленям.
Воробьиные ребрышки... Бледные губки...
Старичок семилетний в потрепанной шубке.

— Как живешь, мальчуган? Отвечай без обмана!.. —
И достал лейтенант свой паек из кармана.
Хлеба черствый кусок дал он сыну: — Пожуй-ка. —
И шагнул он туда, где чадила буржуйка.

Там, поверх одеяла, распухшие руки,
Там жену он увидел после долгой разлуки.
Там, боясь разрыдаться, взял за бледные плечи
И в глаза заглянул, что мерцали, как свечи.

Но не знал лейтенант семилетнего сына.
Был мальчишка в отца — настоящий мужчина!
И, когда замигал догоревший огарок,
Маме в руку вложил он отцовский подарок.

И когда лейтенант вновь садился в трехтонку,
«Приезжай!» — закричал ему мальчик вдогонку.
И опять сквозь лучи снег летел, как сквозь сито,
Снег летел, как мука, плавно, медленно, сыто...

Грузовик отмахал уже многие версты.
Освещали ракеты неба черного купол.

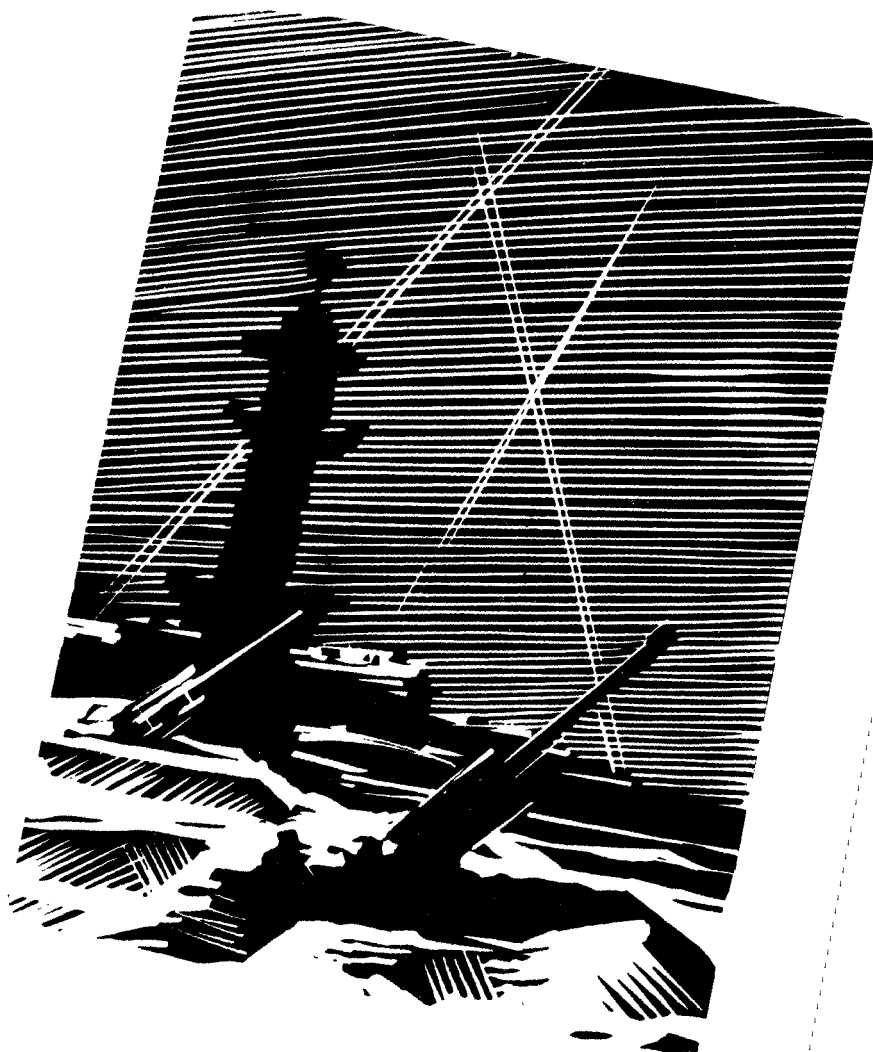
Тот же самый кусок — ненадкушенный, черствый —
Лейтенант в том же самом кармане нащупал.

Потому что жена не могла быть иною,
И кусок этот снова ему положила,
Потому что была настоящей женою,
Потому что ждала, потому что любила.

Грузовик по мостам проносился горбатым,
И внимал лейтенант орудийным раскатам,
И ворчал, что глаза снегом застит слепящим,
Потому что солдатом он был настоящим.

1942

День поэзии 1975

Андрей Ушин.
«Блокадный Ленинград»

8*

АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ

1897—1962

Выплеснули огонь из кадок.
Мы — рады:
Скачет красногривый
По городам и по деревенькам.

Отомщена казнь Разина Стеньки
И — клок,
Выданный из бороды
Товарища Пугачева.

Скачи по России, конь кумачовый,
Старому миру вилы в бок!
Он ревет горько,
И нам сладко.
Небо ангельское, как чулок.

С продранной пяткой.
Дырка здоровая над Европой.
А ну — попытай: дырку заштопай.
Топай, конь кумачовый.
Топай! Топай!

1917

День поэзии 1969

Дышу, как родиной, тобой.
Нашествие.
Чреда кровавых дней.
В России ржание коней —
Поджарых, длинных, иностранных.
Я выйду в бой
Со словом «Анна!..».
Дышу, как родиной, тобой.

1921

День поэзии 1969

Мы катим жизнь,
Как дети обруч тонкий.
Того гляди —
На камушке споткнувшись, упадет.

Что слава?
Мелкая речонка —
Ее мальчишки переходят вброд
Каким-нибудь четверостишьем звонким.

1924

День поэзии 1969

НИКОЛАЙ ОЛЕИНИКОВ

1895—1942

ПЕРЕМЕНА ФАМИЛИИ

Пойду я в контору «Известий»,
Внесу восемнадцать рублей
И там навсегда распрощаюсь
С фамилией прежней моей.

Козловым я был Александром,
А больше им быть не хочу.
Зовите Орловым Никандром,
За это я деньги плачу.

Быть может, с фамилией новой
Судьба моя станет иной,
И жизнь потечет по-иному,
Когда я вернуся домой.

Собака при виде меня не залает,
А только замашет хвостом,
И в жакте меня обласкает
Сердитый подлец управдом...

.

Свершилось! Уже не Козлов я!
Меня называть Александром нельзя.
Меня поздравляют, желают здоровья
Родные мои и друзья.

Но что это значит? Откуда
На мне этот синий пиджак?
Зачем на подносе чужая посуда?
В бутылке зачем вместо водки коньяк?

Я в зеркало глянул стенное,
И в нем отразилось чужое лицо.
Я видел лицо негодяя,
Волос напوماженный ряд,
Печальные тусклые очи,
Холодный уверенный взгляд.

Тогда я ощупал себя, свои руки,
Я зубы свои сосчитал,
Потрогал суконные брюки —
И сам я себя не узнал.

Я крикнуть хотел — и не крикнул.
Заплакать хотел — и не смог.
«Привыкну, — сказал я, — привыкну!»
Однако привыкнуть не мог.

Меня окружали привычные вещи,
И все их значения были зловещи.
Тоска мое сердце сжимала,
И мне же моя же нога угрожала.

Я шутки шутил! Оказалось,
Нельзя было этим шутить.
Сознание мое разрывалось,
И мне не хотелось жить.

Я черного яду купил в магазине,
В карман положил пузырек.
Я вышел оттуда шатаюсь,
Ко лбу прижимая платок.

С последним коротким сигналом
Пробьет мой двенадцатый час.
Орлова не стало. Козлова не стало.
Друзья, помолитесь за нас!

День поэзии 1966

ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ

1890—1969

Ты спишь, мое дитя, единственный мой клад,
За сеткой голубой, в спокойной нашей спальне.
Часы еще не раз до ночи повторят
Свой нежный перезвон, домашний и недалний.

Все дружелюбно здесь, храню тебя одна,
И ты меня, дитя, оберегаешь тоже.
Лишь об одном молю: пусть дверь моя темна,
Чтоб зависти и зла не возбуждать в прохожих.

Зачем же взгляд другой является мне вдруг
За длинными, как сон, ресницами твоими
И, пристально смотря, я повторяю вслух
Забытое давно и проклятое имя?

1921

День поэзии 1981

Литой решеткой огорожен
На людной улице квадрат.
Там топот загорелых ножек
И молодой посажен сад.

Где бомбой срезан угол дома,
Там молодой посажен сад,
И малыши под шум и гомон
В колясках безмятежно спят.

Как бы зеленый полустанок
Средь серых каменных громад,
Руками наших горожанок
Там молодой посажен сад.

Солдаты мира, бейтесь дружно!
Пусть голос ваш звучит смелей!
Не нужно нам войны, не нужно!
— Мир миру! — слово матерей.

День поэзии 1956

ЛЕОНИД РАВИЧ

1908—1957

ПОЭТУ

Ты можешь быть, поэт, немым,
Косноязычным, горделивым,
Но никогда не будь крикливым
И званьем не кичись своим.
Не спи, когда лучом зари
Трава росистая багрится,
Растет камыш, летит орлица,—
На все ты пристально смотри.
Заметь на кафедре болвана
И мудреца на чердаке.
При первом зове барабана
Умей ружье держать в руке.
Будь за чертою горизонта,
Когда ты дома, у окна.
Сумей услышать пушки фронта,
Когда в долине тишина.
Читай,— всему научит книга,
Но в хронику смотреть умей.
Учись у дворника, комбрига,
У прошлых и текущих дней.
Не будь статистом на парадах.
Не торопись. Наград не жди.
И не цитируй. Пусть в докладах
Тебя цитируют вожди.

День поэзии 1961

Андрей Ушин.
«Невский проспект».

НИКОЛАЙ РУБЦОВ

1936—1971

В ОКЕАНЕ

Забрызгана

крупно

и рубка, и рында.

Нам румб отправления дан!

И тральщик тралфлота

треста «Севрыба»

Пошел промышлять в океан.

А волны,

как мускулы,

взмыленно,

рьяно

Буграми в багровых тонах

Ходили по нервной груди океана,

И нерпы ныряли в волнах,

И долго,

и хищно,

стремясь поживиться,

С кричащей холодной тоской

Летели большие клювастые птицы

За судном, пропахшим треской.

День поэзии 1963

УТРО НА МОРЕ

В устьях Муста-Тунтури,

Как пена, белый пар клубится,

На крыльях носят свет зари

Перелетающие птицы.

Соединясь в живой узор,

Бежит по морю рябь от ветра.

Калейдоскопом брызг и света

Морской сверкает горизонт.

Вчера там солнце утонуло,

Сегодня выплыло — и вдруг,

Гляди, нам снова протянуло

Лучи, как сотни добрых рук!

День поэзии 1963

В КОЧЕГАРКЕ

Вьется в топке пламень белый,

Белый-белый, будто снег,

И стоит тяжелотелый

Возле топки человек.

Вместо «здравствуйте»:

— В сторонку! —

Крикнул.—

Новенький, кажись? —

И добавил, как ребенку:

— Тут огонь, не обожгись!

В топке шлак ломал с размаху

Ломом, красным от жары,

Проступали сквозь рубаху

Потных мускулов бугры.

Бросил лом, платком утерся,

На меня глаза скосил.

— А тельняшка что, для форсу? —

Иронически спросил.

Я смеюсь:

— По мне, для носки

Лучшей вещи нету, факт!

— Флотский, значит?

— Значит, флотский.

— Что ж, неплохо, коли так!

Кочегаром, думать надо,

Ладным будешь,— произнес.

И лопату, как награду,

Мне вручил:

— Бери, матрос!

...Пахло угольным угаром,

Лезла пыль в глаза и в рот,

А у ног горячим паром

Шлак парил, как пароход.

Как хотелось, чтоб подуло

Ветром палубным сюда.

Но не дуло. Я подумал:

«И не надо! Ерунда!»

И с таким работал жаром,

Будто отдан был приказ

Стать хорошим кочегаром

Мне, ушедшему в запас!

День поэзии 1963

Вредная,

неверная,

наверно.

Нервная, наверно... Ну и что ж?

Мне не жаль.

Но жаль неизмеримо,
Что меня, наверно, и не ждешь?
За окном
 таинственно, как слухи,
Ходят тени, шорохи весны.
Но грозой и чем-то в этом духе
Все же веют сумерки и сны!
Будь что будет!
 Если и узнаю,
Что не нравлюсь,— сунусь ли в петлю?
Я нередко землю проклиная,
Проклиная, все-таки люблю!
Я надолго твой,
 хоть и недолго
Почему-то так была близка
И нежна к моей руке с наколкой
Та, с кольцом,
 прохладная рука.
Вредная,
 неверная,
 наверно.
Нервная, наверно... Ну и что ж?
Мне не жаль.
Но жаль неизмеримо,
Что меня, наверно, и не ждешь!

День поэзии 1972

ДОЛИНА ДЕТСТВА

Я родился
 с сердцем
 Магеллана.
И, стихию странствий полюбив,
После дива сельского барана
Я открыл немало разных див!
Но над всем,
 что в памяти теснится,
Есть одна магическая власть:
Память возвращается,
 как птица,
В то гнездо, в котором родилась.
И вокруг долины той родимой,
Полной света вечных звезд Руси,
Жизнь моя вращается незримо,
Как земля вокруг своей оси!

День поэзии 1972

СЕРГЕЙ СПАССКИЙ

1898—1956

Ночь за окном пустынна и морозна.

Сквозь ледяной

сверкающий ковер

Ярка луна.

Я засиделся поздно.

Закончим с тишиною разговор.

Не просто жить.

Но разве, плечи

сгорбив,

Задохся я под грузом трудных лет?

Я полон благодарности, не скорби.

Я знаю скорбь.

Но скорби в сердце нет.

Благодарю судьбу я за благие

Часы труда,

за детский смех вблизи,

За голос твой,

за руки дорогие,

Протянутые мне...

Зима, грози,

Мороз, крепчай.

Я переполнен всеми,

Кто с тьмою злобной борется сейчас.

И я, как все,—

народной нивы семя,

И под землей

весна разыщет нас.

1943

День поэзии 1965

ЕЛЕНА ТАГЕР

1895—1964

Если б только хватило силы,
Если б в сердце огонь бурлил,
Я бы бога еще просила,
Чтобы веку он мне продлил.

Да не бабьего сладкого веку
И не старости без тревог —
А рабочему человеку
Чтоб он выжить во мне помог.

Потому — не в моей природе,
Не закончив, дело бросать;
Это книга о русском народе,
Я должна ее дописать.

Весна 1946

День поэзии 1965

Отдайся крову теплой ночи,
Печаль и слабость затаи;
Пусть летний дождь любовно мочит
Седые волосы твои.

Спокойно вспомни все, что было:
Труды и дни, добро и зло,
И счастье — то, что изменило,
И горе — то, что не сломило
И что прошло, прошло, прошло...

Чужим богам и ложным требам
Не уступив своей души,
Спокойно спи под теплым небом,
В земной приветливой тиши.

Июнь 1948

День поэзии 1965

Все равно умру в Ленинграде,
И в предсмертном своем бреду
К Воронихинской колоннаде
И к Исаакию прибреду.

Будь музеем или собором,
Мавзолеем или мечтой,—
Все равно коснеющим взором
Различу твой шлем золотой.

Ветер Балтики, ветер детства
К ложу смертному прилетит
И растраченное наследство
Блудной дочери возвратит.

И, последнему вняв желанью,
В неземное летя бытие,
Всадник Медный, коснувшись дланью,
Остановит сердце мое.

Весна 1952

День поэзии 1965

ИВАН ФЕДОРОВ

1912—1942

ПАМЯТЬ О ДЕТСТВЕ

Когда Папанин в океане
Ледовом вырос, как гора,
Дворы покрыла ропаками
И айсбергами детвора.

Кто: те ли, эти ли любимей?
Равно имели мы в виду
И тех, дрейфующих на льдине,
И этих, зябнущих на льду.

Нам дорог берег, обретенный
Отцами в схватках боевых.
Котовский, Щорс, Чапай, Буденный —
Герои сверстников моих.

Есть, не в пример наукам хитрым,
Совсем не хитрая одна:
Распознавать по детским играм,
Чем озабочена страна.

1941

День поэзии 1967

ПЕВЦУ КАЛГАНА

Мих. Троицкому

Прославленный калганный пьешь настой.
До капли пей, не оставляй в посуде.
О женщине доступной и простой
Грусти ночами. Кто тебя осудит?

Но умолчи, назвавшись поэтом,
Про грусть свою. Кому она нужна?
Есть нищета, есть горе в мире этом,
Есть в мире этом голод, есть война.

Когда плывут по мутным водам Соммы,
По мутным водам Марны мертвецы,
Кому поможешь проповедью сонной
О благостыне стансов и терцин?

Когда повис над Лувром дым Помпеи,
Когда мортиры рушат Роттердам,
Поэты содрогаются. Пигмеи
Пророчат вечность собственным трудам.

День поэзии 1975

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН

1903—1971

ВЕЧЕР НА РЕЙДЕ

Споемте, друзья, ведь завтра в поход
Уйдем в предрассветный туман.
Споем веселей, пусть нам подпоет
Седой боевой капитан.

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

А вечер опять хороший такой,
Что песен не петь нам нельзя.
О дружбе большой, о службе морской
Подтянем дружнее, друзья!

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

На рейде большом легла тишина,
А море окутал туман.
И берег родной целует волна,
И тихо доносит баян:

Прощай, любимый город!
Уходим завтра в море.
И ранней порой
Мелькнет за кормой
Знакомый платок голубой.

1941

День поэзии 1975

ДАЛЕКО-ДАЛЕКО

Далеко-далеко,
Где кочуют туманы,
Где от легкого ветра
Качается рожь,
Ты в родимом краю
У степного кургана,
Обо мне вспоминая,
Как прежде, живешь.

От далекого друга
День и ночь непрестанно
Дорогой и желанной
Ты все весточки ждешь.

Небосвод над тобой
Опрокинулся синий,
Плещут быстрые реки,
Вздыхают моря.
Широко протянулась
Большая Россия —
Дорогая Отчизна
Твоя и моя.

О тебе, светлоокой,
Моей зорьке красивой,
На далекой границе
Вновь задумался я.

Далеко-далеко,
За лесами седыми,
Я твой сон и покой
Всякий час берегу,
Чтоб звериной тропой
В край, навеки родимый,
Не пройти никогда
Никакому врагу.

О тебе, моя зорька,
На далекой заставе,
В нашей жизни тревожной
Я забыть не могу.

День поэзии 1956

С песнями судьба навеки связана,
Властен их неотвратимый зов.
И еще немало есть не сказанных
И не спетых у народа слов.

Только их искать не на поверхности,—
В недра врыться, заглянуть на дно.
Их найти, поднять из неизвестности
Не всегда, не каждому дано.

Я не склонен к чинопочитанию,
Но творцам поклон мой до земли,
Что живых созвучий сочетания
Из глубин сердечных извлекли.

День поэзии 1966

ВОЗНЕСШИЕ ФАКЕЛ

Факел Великого Октября освещает всю советскую поэзию. К теме революции обращаются и сегодня писатели разных поколений. Но большинство поэтов, произведения которых составили завершающий раздел этой книги, активно участвовали в пролетарском революционном движении, сотрудничали в большевистской печати. Они совершили революцию, отстаивали ее в годы гражданской войны, утверждали в период первых пятилеток.

Образ Октября высвечен в стихах разными гранями: к интернациональному единству призывает мировой пролетариат Н. Рыбацкий, нерушимому союзу рабочих и крестьян посвящает свои строки Н. Тихомиров. С одним из первых стихотворений о В. И. Ленине выступает В. Князев.

Творчество поэтов на этих страницах представлено далеко не полно: стихи выбирались из сборников последних десятилетий, когда поэтов уже не было в живых. Но страстные, искренние строки даже этой небольшой подборки заставляют нас снова почувствовать энтузиазм народа — творца революции, услышать ритмы Октября, увидеть его пламенные знамена.

ПАВЕЛ АРСКИЙ

1886—1967

КРАСНЫЙ ПЕТРОГРАД

Город севера туманный,
Красный Петроград!..
Город призрачный и странный,
Город баррикад!..

Город радостей безумных,
Светлых дум оплот!..
Город пламенной Коммуны,
Колыбель свобод!..

Город первый! Город красный!
Ты разбил тюрьму...
Не отдам тебя, прекрасный
Город, никому!

Не отдам твои знамена
Красные врагам!..
Если надо — жизнь без стона
За тебя отдам.

Город крови, город стали,
Каменных громад...
Город, где рабы восстали,—
Красный Петроград!

День поэзии 1973

Андрей Ушин.
«Музей Великой Октябрьской
социалистической революции».

ПЕСНЯ КОММУНЫ

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!
Все в свободной стране
Предоставлено мне,
Сыну фабрик и вольного луга.
За свободу свою
Кровь до капли пролью,
Оторвусь и от книг и от плуга.
Пусть британцев орда
Снаряжает суда,
Угрожая Руси кандалами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!
Славен красный наш род,
Жив свободный народ —
Все идут под знамена Коммуны!
Гей, враги у ворот!
Коммунары, — вперед!
Не страшны нам лихие буруны.

Враг силен? — Не беда!
Пропадет без следа,
Коли жаждет господства над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

Коль не хватит солдат —
Станут девушки в ряд,
Будут дети и жены бороться;
Всяк солдат — рядовой
Сын семьи трудовой, —
Все, в ком сердце мятежное бьется!

Нас не сломит нужда,
Не согнет нас беда,
Рок капризный не властен над нами:
Никогда, никогда,
Никогда, никогда
Коммунары не будут рабами!

1918

День поэзии 1967

КАПЛЯ КРОВИ ИЛЬИЧА

Умерла возможность встречи,
Иглы глаз, колючесть речи,
Едких слов разящий бич, —
Но не умер в миллионах,
Им подъятых и сплоченных,
Мозг и сердце их — *Ильич*.

Он бессмертен в комсомоле,
В новом быте, в новой школе;
В миллионах растворен,
Он — в армейском грозном строе,
Он — в плотинах Волховстроя,
Он — в горении знамен!

Вот завод. Станков — без счета...
День и ночь кипит работа
После лет паралича.
Что рабочих окрылило?
Разожгла какая сила? —
Капля крови Ильича.

Вот я встретился с парнишкой:
День в порту, а ночь за книжкой, —
Труд сверхсильный на плечах!
А ведь жив, не надорвется...
Потому что в сердце бьется
Капля крови Ильича.

Кровь по капле отдавая,
Он сковал могучесть края,
Создал мощь сплоченных масс;
Умерла возможность встречи,
Иглы глаз, колючесть речи,
Но *Ильич* — бессмертен в нас!

Только тело мы хороним;
Каменеет, но не стонем:
Как и прежде, горяча,
В сердце каждого клокочет,
В бой зовет, сомненья точит
Капля крови Ильича!

1924

День поэзии 1980

АЛЕКСЕЙ КРАЙСКИЙ

1891—1941

ОГОНЬ

Вздохнув, рванулся паровоз,
И тронулся состав,
На запад сердце понеслось
От городских застав.

Послушен машинисту глаз,
Верна, крепка ладонь,
Шурует в топке кочегар
Огонь,
огонь,
огонь.

Огонь, огонь. Труба гремит,
Оседлан верный конь.
— В седло! Марш-марш!..—
Из-под копыт —
Огонь,
огонь,
огонь.

Огонь, огонь. Заправлен танк,
Тверда стальная бронь,
На правый фланг, на левый фланг —
Огонь,
огонь,
огонь.

Развернут фронт, дымится фронт,
И свастика — как спрут,
Застлала мутью горизонт,
И щупальца ползут.

Но нашей родины, — о ты,
Чудовище, не тронь:
Во всех лучах ее звезды —
Огонь,
огонь,
огонь.

Огонь, огонь. Гудит мотор,
Летит крылатый конь,
И с воздуха во весь опор
Врагу —
огонь,
огонь!

1941

День поэзии 1962

ИВАН ЛОГИНОВ

1891—1942

В дни коронации труда
Внимал я голосу народа:
«Октябрь Семнадцатого года
Мы не забудем никогда!»

Не только в праздники — всегда
Мы будем петь в стенах завода:
«Октябрь Семнадцатого года
Мы не забудем никогда!»

Твердить мы будем и тогда,
Когда упрочится свобода:
«Октябрь Семнадцатого года
Мы не забудем никогда!»

День поэзии 1981

*Андрей Ушин
«Смольный».*

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ

1900—1971

МАТРОС В ОКТЯБРЕ

Плещет лента голубая —
Балтики холодной весть.
Он идет, как подобает,
Весь в патронах, в бомбах весь!

Молодой и новый. Натё!
Так, до ленты молодой,
Он идет, и на гранате
Гордая его ладонь.

Справа маузер и слева,
И, победу в мир неся,
Пальцев страшная система
Врезалась в железо вся!

Все готово к нападенью,
К бою насмерть...

И углом
Он вторгается в Литейный,
На Литейном ходит гром.

И развернутою лавой
На отлогих берегах
Потрясенные, как слава,
Ходят молнии в венках!

Он вторгается, как мастер.
Лозунг выбран, словно щит:
«Именем Советской власти!»—
В этот грохот он кричит.

«Именем...»

И, прям и светел,
С бомбой падает в века.
Мир ломается. И ветер
Давят два броневика.

1933

День поэзии 1977

РАЗГОВОР ПО ДУШАМ

1

Вставай, запоздалое слово,— извечное, что тропа.
Темнее пивных бутылок, неслась на нас шантрапа —
Голь, шмоль и компания... (Удавная снасть крута!)
Прапоры и капитаны, поручики и рекрута...

Штандарты несли дроздовцы — бражка оторви да брось!
Всяческих супостатов рубить тогда довелось...
Мы гайнули в третье небо... (Двенадцатый полк занемог.)
Такому горячему пеклу ад позавидовать мог.

Они прокричали: «Амба!»
— «Полундра!»— сказали мы.

Зеленые, синие, белые — всякому козырю в масть.
И мы провели Эпоху среди черноземной тьмы,
И мы отстояли, ребята, нашу Советскую власть.
Георгий Победоносец летел, не чувствуя ног,
Мы падали и отступали, и наступали вновь.
Георгий Победоносец откатывался на Стоход,
Мы взяли его, как свечку, и вывели в расход.

2

Бери любую погоду из всех залежалых погод.
На обморок пуль и крови идет девятнадцатый год.
Земля — темнота преисподней, на небе — ни огонька.
У нас выпадали зубы с полуторного пайка.
Тогда миллионы шатались, словно пижона трость,
Ты в гроб пойдешь — не увидишь, что видеть нам довелось.

Я всякую чертовщину на памяти разотру.
У нас побелели волосы, бубновые на ветру.

Нам крышей служило небо, туманы с боков да мгла.
Мы пили такую воду, которая камень жгла.
Мы шли от предгорья к морю — нам вся страна отдана,
Мы ели сухую воблу, какую не ел сатана.

Из рук отпускали в руки окрашенный кровью стяг.
Мы столько хлебнули горя, что горе земли — пустяк.
И все-таки, все-таки, все-таки нас вечер не доконал.
Ты в гроб пойдешь и заплачешь, что жизни такой не знал.

Не верь ни единому слову, но каждое слово проверь.
На нас налетал ежечасно многоголовый зверь.
И всякая тля в долине на сердце вела обрез,
И это стало законом вечером, ночью и днем,
И мы поднимали снова винтовки наперевес,
И мы говорили: «Ладно, когда-нибудь отдохнем».

Бери запоздалое слово и выпей его до дна,
Коль входит в историю славы — единственная страна.
Ты видишь — она открыла прекрасную яшму лугов.
Но ненависть ставь сначала, а после веди любовь.

Проверьте по документам, которые не солгут,
Невиданные однолюбы в такое время живут.
Их вытянула Эпоха, им жизнь и смерть отдана.
Возьми это верное слово и выпей его до дна.

Когда умираем, саван — последний наземный курс,
Мы сшили себе по савану, идя забирать Шенкурск.

Оставь же любовь на завтра. Ты ненависть ошетинь,
От нас шарахались волки, когда, мертвецы почти,
Тряслись по глухому снегу, отбив насмерть потроха.
Вот это я понимаю, а прочее — чепуха.

Враги прокричали: «Амба!»—«Полундра!»— сказали мы...
И вот провели Эпоху среди черноземной тьмы.
Зеленые, синие, белые — всякому козырю в масть,
Но мы отстояли, товарищ, нашу Советскую власть.

1930

День поэзии 1967

НИКОЛАЙ РЫБАЦКИЙ

1880—1920

ЗАРУБЕЖНЫМ...

Неудержимой
Гремящей лавой,
Через глухие
Лесные дебри,
Через равнины,
Холмы и горы —
К вам, зарубежным
Рабочим — братьям,
Летим с приветом,
Летим с призывом:
— На баррикады!
— На баррикады!

Рукам в мозолях,
Стремленьям дерзким,
Любви и братству
Слагая гимны,
Всех угнетенных
Из цепей рабства,
Из мрака к свету,
На бой кровавый,
На бой последний
Зовем немолчно:
— На баррикады!
— На баррикады!

Быстрее стройтесь,
Объединяйтесь!
Довольно скорби,
Проклятий, стонов!
Наследье мрака —
Земель границы,
Племен оттенки,
Различье наций —
Усиьем общим
Сотрем-изменим:
— На баррикады!
— На баррикады!

В дыму пожаров,
В огне восстаний
Схороним рабство —
Оплот ленивых,
Разрушим черных
Веков твердыни
И коллективным
Трудом свободным
Мир пролетарский
Воздвигнем дружно...
— На баррикады!
— На баррикады!

1 мая 1919

День поэзии 1979

*Олег Почтенный.
«Кировский завод».*

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ

1889—1965

МОЙ МЕТАЛЛИЧЕСКИЙ ЗАВОД

Крутой борьбы соратник давний,
Мой Металлический завод,
Припомним, как раскрыли ставни
В широкий мир, свергая гнет.

Потом, по ленинскому зову,
Неутомимо, как всегда,
Мы на постройке жизни новой,
На фронте мирного труда...

Мечта, крылатая жар-птица,
Стремит полет и вдаль и ввысь,
И жизнь — раскрытая страница,—
Любуйся, радуйся, гордись!

Работа скоростью ритмичной
Твоих турбин — рождает свет.
Недаром злобе заграничной
Закоренелой — меры нет.

Гордись заслуженною славой,
Желанным творческим трудом,
Когда походкой величавой
Шагает счастье в каждый дом.

Какое сердце не забьется
Отрадой сладостной, когда
Победной песней радость льется
Освобожденного труда!

И ради радости по-братски
Мир охранять людей зовет
Орденосный ленинградский
Мой Металлический завод!

День поэзии 1961

ВИССАРИОН САЯНОВ

1903—1959

СОВРЕМЕННОКИ

Пусть поют под ногами камня,
Высоко зацветают поля,
Для людей моего поколенья
Верным берегом стала земля.

И путиловский парень, и пленник,
Полоненный кайеннской тюрьмой,—
Все равно это мой современник
И товарищ единственный мой.

И расскажут покорные перья,
С нетерпеньем, со смехом, с тоской,
Все, чем жил молодой подмастерье
В полумраке своей мастерской.

Снова стыннут снега конспираций,
Злой неволи обыденный гнет.
В эту полночь друзьям не пробраться
К тем садам, где шиповник цветет.

Но настанет пора — и внезапно
В белом пламени вздрогнет закат,
Сразу вспышки далекие залпов
Нежилые дома озарят.

И пройдут заповедные вести
Над морями, над звонами трав,
Над смятеньем берлинских предместий
И в дыму орлеанских застав.

Наши быстрые годы не плохи
И верны и грозе и литью.
На крутых перекрестках эпохи
Снова сверстников я узнаю.

1926

День поэзии 1977

Что мы пережили, расскажет историк,
Был сон наш тревожен, и хлеб наш
был горек.

Да что там! Сравненья вовек не найти,
Чтоб путь описать, что пришлось нам
пройти!

Сидели в траншеях, у скатов горбатых,
Бойцы в маскировочных белых халатах.

Гудели просторы военных дорог,
Дружили со мною сапер и стрелок.

Ведь я — их товарищ, я — их
современник,
И зимнею ночью, и в вечер весенний

Хожу по дорогам, спаленным войной,
С наганом и книжкой моей записной,

С полоской газеты, и с пропуском
верным,
И с песенным словом в пути
беспримерном...

Я голос услышал, я вышел до света,
А ночь батарейным огнем разогрета.

Синявино, Путролово, Березанье —
Ведь это не просто селений названья,

Не просто отметки на старой
трехверстке,—
То опыт походов, суровый и жесткий,

То школа народа,— и счастье мое,
Что вместе с народом прошел я ее.

1943

День поэзии 1973

НИКИФОР ТИХОМИРОВ

1888—1945

БРАТЬЯ

Мы с тобой родные братья,
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятия —
Смерть и гибель для владык.

Я кую, ты пашешь поле,
Оба мы трудом живем,
Оба рвемся к светлой воле,
С бою каждый шаг берем.

Я сверлю земные недра,
Добываю сталь и медь.
Награжу тебя я щедро
За твои труды и снесь.

Наши руки мощью дышат,
Наши груди крепче лат,
Наши очи мстью пышут,
Постоим за брата брат!

Мы с тобой родные братья,
Я — рабочий, ты — мужик,
Наши крепкие объятия —
Смерть и гибель для владык.

1918

День поэзии 1967

О СЕБЕ

Я еще в тираж не выхожу,
Я еще народу послужу.

Не бракуйте старого коня,—
Кое-где печатают меня.

Есть у старика еще огонь,
Это — ломовой рабочий конь.

— Отдохнуть, старик, тебе пора,
Притупилось острое пера.

У тебя копыта тяжелы,
А у нас поэты — как орлы.

С клетком взвоятся в высоту,
Песни их, как яблони, цветут...

Я тогда спокойно отвечал:
— Я еще, друзья, не одичал.

Я живу с народом — не в лесу,
Знамя большевистское несю.

Песнь моя пылала, как заря,
С первых дней победы Октября.

С партией, с народом я всегда
Песню нес в деревни, города.

Там, где угрожала нам беда,
Песня разгоралась, как звезда.

Молодежь любимая моя,
Я — старик — с тобою вместе я.

Молодею, крепну и расту,
Я стою на боевом посту.

И тобой горжусь я, молодежь,
Чудные ты песни создаешь...

Эх, тряхну я, братцы, стариной,
Поднимусь высоко над страной.

Все увижу: горы и моря,
Над степями — алая заря...

Города, заводы, землю всю
Я в стихах и песнях воспою.

Я еще в тираж не выхожу,
Я еще народу послужу!

1938

День поэзии 1978

СОДЕРЖАНИЕ

А. Чепуров
(обращение к читателю)

3

ДАВНО СТИХАМИ ГОВОРIT НЕВА

ИЛЬЯ АВРАМЕНКО
7

ЛЕОНИД АГЕЕВ
9

ВСЕВОЛОД АЗАРОВ
11

АНАТОЛИЙ АКВИЛЕВ
15

ГЕННАДИЙ АЛЕКСЕЕВ
17

НИНА АЛЬТОВСКАЯ
19

АННА АХМАТОВА
21

ЛЮДМИЛА БАРБАС
23

ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ
25

МАЙЯ БОРИСОВА
28

СЕМЕН БОТВИННИК
30

НИКОЛАЙ БРАУН
33

РАИСА ВЛОВИНА
35

АСЯ ВЕКСЛЕР
37

ЛЕВ ГАВРИЛОВ
38

ТАТЬЯНА ГАЛУШКО
39

ГАЛИНА ГАМПЕР
41

АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ
43

МИХАИЛ ГОЛОВЕНЧИЦ
45

ГЛЕБ ГОРБОВСКИЙ
47

НАТАЛИЯ ГРУДИНИНА
50

СЕРГЕЙ ДАВЫДОВ
52

ЭЛИДА ДУБРОВИНА
55

МИХАИЛ ДУДИН
57

НИКОЛАЙ ЕВСТИФЕЕВ
61

ЛЕОНИД ЗАМЯТНИН
62

ВЛАДИМИР ИВАНОВ
63

ИГОРЬ ИНОВ
64

НАТАЛИЯ КАРПОВА
65

СЕРГЕЙ КАШИРИН
66

БРОНИСЛАВ КЕЖУН
67

ПЕТР КОБРАКОВ
69

МАРИЯ КОМИССАРОВА
70

НИНА КОРОЛЕВА
71

АНАТОЛИЙ КРАСНОВ
72

ВЯЧЕСЛАВ КУЗНЕЦОВ
74

ЛЕВ КУКЛИН
76

НИКОЛАЙ КУТОВ
78

АЛЕКСАНДР КУШНЕР
79

АНДРЕЙ ЛЯДОВ
82

СЕРГЕЙ МАКАРОВ
85

<i>ВИКТОР МАКСИМОВ</i> 86	<i>МИХАИЛ САЗОНОВ</i> 126
<i>НИКОЛАЙ МАЛЫШЕВ</i> 88	<i>ГЛЕБ СЕМЕНОВ</i> 127
<i>ИРИНА МАЛЯРОВА</i> 89	<i>ИРЭНА СЕРГЕЕВА</i> 129
<i>ИГОРЬ МИХАЙЛОВ</i> 90	<i>ЕЛЕНА СЕРЕБРОВСКАЯ</i> 131
<i>СВЕТЛАНА МОЛЕВА</i> 91	<i>ЮРИЙ СКОРОДУМОВ</i> 132
<i>ГЕННАДИЙ МОРОЗОВ</i> 92	<i>НОННА СЛЕПАКОВА</i> 133
<i>ЛЕВ МОЧАЛОВ</i> 93	<i>АНАТОЛИЙ СОРОКИН</i> 135
<i>РОАЛЬД НАЗАРОВ</i> 95	<i>ВИКТОР СОСНОРА</i> 136
<i>ГЕОРГИЙ НЕКРАСОВ</i> 96	<i>ЙОЛЕ СТАНИШИЧ</i> 138
<i>ИГОРЬ НЕРЦЕВ</i> 98	<i>ВОЛЬТ СУСЛОВ</i> 141
<i>ТАМАРА НИКИТИНА</i> 99	<i>ОЛЕГ ТАРУТИН</i> 142
<i>ПЕТР ОЙФА</i> 100	<i>НИКОЛАЙ ТИХОНОВ</i> 144
<i>СЕРГЕЙ ОРЛОВ</i> 102	<i>ДМИТРИЙ ТОЛСТОБА</i> 146
<i>НИНА ОСТРОВСКАЯ</i> 104	<i>ВЛАДИМИР ТОРОПЫГИН</i> 147
<i>НАДЕЖДА ПОЛЯКОВА</i> 105	<i>ГЕОРГИЙ ТРИФОНОВ</i> 149
<i>ВАЛЕНТИН ПОПОВ</i> 108	<i>ГЕННАДИЙ УГРЕНИНОВ</i> 150
<i>ЛЮДМИЛА ПОПОВА</i> 109	<i>СОЛОМОН ФОГЕЛЬСОН</i> 152
<i>АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ</i> 110	<i>ИЛЬЯ ФОНЯКОВ</i> 153
<i>ВАЛЕРИЙ ПРОХВАТИЛОВ</i> 115	<i>РИЗА ХАЛИД</i> 156
<i>ВЛАДИМИР РЕЦЕПТЕР</i> 116	<i>ВАДИМ ХАЛУПОВИЧ</i> 159
<i>АЛЕКСАНДР РЕШЕТОВ</i> 117	<i>ЛЕОНИД ХАУСТОВ</i> 161
<i>ВСЕВОЛОД РОЖДЕСТВЕНСКИЙ</i> 118	<i>ВАДИМ ХРИЛЕВ</i> 163
<i>ЕЛЕНА РЫВИНА</i> 122	<i>ОЛЕГ ЦАКУНОВ</i> 165
<i>АЛЕКСАНДР РЫТОВ</i> 124	<i>АНАТОЛИЙ ЧЕПУРОВ</i> 167

<i>АНТОНИН ЧИСТЯКОВ</i> 169	<i>БОРИС НЕКРАСОВ</i> 205
<i>АЛЕКСАНДР ШЕВЕЛЕВ</i> 170	<i>НИКОЛАЙ НОВОСЕЛОВ</i> 206
<i>ЮВАН ШЕСТАЛОВ</i> 171	<i>СЕРГЕЙ ОРЛОВ</i> 207
<i>ОЛЕГ ШЕСТИНСКИЙ</i> 173	<i>ГЛЕБ ПАГИРЕВ</i> 208
<i>ВАДИМ ШЕФНЕР</i> 174	<i>ГЕОРГИЙ СУВОРОВ</i> 210
<i>ВЛАДИСЛАВ ШОШИН</i> 178	<i>АНАТОЛИЙ ЧИВИЛИХИН</i> 211
<i>ЛЮДМИЛА ШИПАХИНА</i> 180	<i>ПАВЕЛ ШУБИН</i> 212
<i>НОРА ЯВОРСКАЯ</i> 181	
СТИХИ МОИ! СВИДЕТЕЛИ ЖИВЫЕ	СТРАНИЦЫ ПАМЯТИ
ПОРОХОМ ПРОПАХНУВШИЕ СТРОКИ	<i>МАРИЯ ВЕГА</i> 215
<i>ВЛАДИМИР АЛЕКСЕЕВ</i> 186	<i>СЕРГЕЙ ЕСЕНИН</i> 217
<i>АННА АХМАТОВА</i> 187	<i>ВЛАДИМИР ЗАВОДЧИКОВ</i> 218
<i>ОЛЬГА БЕРГГОЛЬЦ</i> 188	<i>АНАТОЛИЙ КЛЕЩЕНКО</i> 219
<i>ПАВЕЛ БУЛУШЕВ</i> 191	<i>НИКОЛАЙ КЛЮЕВ</i> 220
<i>ЕЛЕНА ВЕЧТОМОВА</i> 192	<i>БОРИС КОРНИЛОВ</i> 221
<i>ЮРИЙ ВОРОНОВ</i> 193	<i>НАТАЛИЯ КРАНДИЕВСКАЯ-ТОЛСТАЯ</i> 223
<i>АЛЕКСАНДР ГИТОВИЧ</i> 194	<i>МИХАИЛ КУЗМИН</i> 224
<i>ГЕРМАН ГОППЕ</i> 195	<i>БЕНЕДИКТ ЛИВШИЦ</i> 225
<i>ИВАН ДЕМЬЯНОВ</i> 196	<i>ВЛАДИМИР ЛИФШИЦ</i> 226
<i>ЮРИЙ ИНГЕ</i> 197	<i>АНАТОЛИЙ МАРИЕНГОФ</i> 228
<i>ПОЛИНА КАГАНОВА</i> 198	<i>ЕВГЕНИЙ НЕЖИНЦЕВ</i> 229
<i>БОРИС КОСТРОВ</i> 200	<i>НИКОЛАЙ ОЛЕЙНИКОВ</i> 230
<i>АЛЕКСЕЙ ЛЕБЕДЕВ</i> 201	<i>ЕЛИЗАВЕТА ПОЛОНСКАЯ</i> 231
<i>БОРИС ЛИХАРЕВ</i> 203	<i>ЛЕОНИД РАВИЧ</i> 232
	<i>НИКОЛАЙ РУБЦОВ</i> 233

СЕРГЕЙ СПАССКИЙ
235

ЕЛЕНА ТАГЕР
236

ИВАН ФЕДОРОВ
237

АЛЕКСАНДР ЧУРКИН
238

ВОЗНЕСШИЕ ФАКЕЛ

ПАВЕЛ АРСКИЙ
240

АЛЕКСАНДР ВЕРМИШЕВ
241

ВАСИЛИЙ КНЯЗЕВ
242

АЛЕКСЕЙ КРАЙСКИЙ
243

ИВАН ЛОГИНОВ
244

АЛЕКСАНДР ПРОКОФЬЕВ
245

НИКОЛАЙ РЫБАЦКИЙ
248

ИЛЬЯ САДОФЬЕВ
249

ВИССАРИОН САЯНОВ
250

НИКИФОР ТИХОМИРОВ
251

Д34 О. **День поэзии 1984**: Избранное. Сост. С. Ботвинник,
О. Цакунов.— Л.: Сов. писатель, 1984.—256 с.

В юбилейный, двадцать пятый по счету, ленинградский сборник стихов «День поэзии» вошли лучшие произведения, напечатанные в предыдущих выпусках этого популярного издания.

Д 4702010200—142 180—84
083(02)—84

ББК84.Р7

Составители:

Семен Владимирович Ботвинник

Олег Александрович Цакунов

ДЕНЬ
ПОЭЗИИ
1984

Л. о изд-ва «Советский писатель»,
1984, 256 стр. План выпуска 1984 г.
№ 174.

Редактор

Е. Н. Г а б и с

Худож. редактор

А. С. О р л о в

Техн. редактор

Л. П. П о л я к о в а

Корректор

Е. А. О м е л ь я н е н к о

ИБ № 4130

Сдано в набор 11.10.83. Подписано
к печати 17.04.84. М·24265. Фор-
мат 70×100¹/₁₆. Бумага офсетная.
Гарнитура литературная. Печать
офсетная. Усл. печ. л. 20,80.
Уч.-изд. л. 20,93. Тираж 100 000 экз.
Заказ 1116. Цена 2 р. 50 к.

Издательство «Советский
писатель». Ленинградское
отделение. 191186, Ленинград,
Невский пр., 28.

Ордена Октябрьской Революции,
ордена Трудового Красного
Знамени Ленинградское
производственно-техническое
объединение «Печатный Двор»
имени А. М. Горького
Союзполиграфпрома при
Государственном комитете СССР
по делам издательств, полиграфии
и книжной торговли. 197136,
Ленинград, П-136, Чкаловский пр.,
15.

Авторы гравюр

*Владимир Алексеев
Вадим Бродский
Ася Векслер
Татьяна Мезерина
Олег Почтенный
Владимир Сердюков
Борис Смирнов
Дмитрий Титов
Андрей Ушин
Владимир Фаворский
Соломон Юдовин
Рудольф Яхнин*

 ДЕНЬ
ПОЭЗИИ

...Наши поэты воплощают в своем творчестве верный неуклонный путь, намеченный Великим Октябрем. Поэзия сближает людей разных возрастов, поколений, профессий, она является неотъемлемой частью советской культуры.

Этот сборник — не просто двадцать пятый, юбилейный.

Он выходит к 50-летию Союза писателей СССР и включает в себя избранное, лучшее и самое, на наш взгляд, интересное, что было опубликовано ленинградскими поэтами, членами Союза писателей, во всех предыдущих «Днях поэзии». А печатались в них и Николай Тихонов, и Александр Прокофьев, и Анна Ахматова, и Ольга Берггольц, и Михаил Дудин, и Всеволод Рождественский, и многие другие по-своему замечательные поэты разных поколений — от зачинателей советской поэзии до авторов недавно вышедших первых сборников...

Поэты представлены в этом сборнике различным числом стихотворений, по которым не всегда, конечно, можно судить о поисках, о жанровых и тематических особенностях каждого. Составители не стремились как-то количественно уравнивать поэтов, но желали дать читателю представление о нынешнем облике ленинградской поэзии, о ее тематическом и творческом разнообразии, о ее единстве, обусловленном самим воздухом нашей Родины, созидательным духом нашей эпохи.

